This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Seniger, I. P.
5590

І. Сеніговъ.

РУССКАЯ
Въ Гельсингфорсѣ
БИБЛІОТЕКА-ЧИТ

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ РУССКАГО НАРОДА.

Часть I.

ЛЮБИМЫЙ КНЯЗЬ РУССКАГО НАРОДА

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ.

Владиміръ-язычникъ, какъ общественный дѣятель и семьянинъ.—Отношеніе его къ Рогнѣдѣ. — Первые мученики христіанской вѣры въ Кіевѣ — варяги Ѳедоръ и Іоаннъ.—Посольства сосѣднихъ народовъ къ великому князю Владиміру съ предложеніемъ своихъ религій.—Отправленіе русскаго посольства въ сосѣднія страны, чтобы познакомиться на мѣстѣ съ религіями различныхъ народовъ. — Рѣшеніе князя Владиміра принять православную христіанскую вѣру.—Борьба за христіанство съ закоренѣлыми язычниками и съ одною изъ женъ—Аделью.—Походъ русской рати на Византію и взятіе города Корсуня.—Посольство къ византійскимъ императорамъ Василію и Константину, которымъ объявляется рѣшеніе Владиміра жениться на ихъ сестрѣ Аннѣ.—Крещеніе Руси. — Успѣшное распространеніе христіанства въ кіевской Руси и менѣе успѣшное—въ Новгородской землѣ.—Характеръ дѣятельности князя Владиміра христіанина.—Постоянная его забота о защитѣ русской земли и о благоденствіи всѣхъ подданныхъ, особенно простаго народа.—Значеніе дѣятельности перваго народнаго князя Владиміра.

Библіотека
Общества Русской Словесности
въ Гельсингфорсѣ
Отдѣлъ
№

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. общ. печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая 18.

Ка

Дозволено цензурою. Спб., 3 сентября 1902 года.

ЦК37
Ц4

Любимый князь русскаго народа.

I.

Серебристый свѣтъ луны, выплывавшей по временамъ изъ-за тучъ, придавалъ очаровательный фантастическій видъ живописнымъ окрестностямъ села Предславина. Это село, расположенное на берегу рѣки Лыбеди, близь Кіева, въ тѣ давнія времена (въ концѣ X-го вѣка по Р. Хр.), когда правилъ Русью великій князь Владиміръ, примыкало къ дремучимъ лѣсамъ, украшеннымъ вѣковыми дубами, вязами и буками.

Долго, быть можетъ, въ теченіи всей своей жизни не могъ забыть князь Владиміръ той ночи, которую онъ провелъ въ селѣ Предславинѣ, въ уединенномъ жилищѣ изгнанной имъ изъ велико-княжескаго терема Рогнѣды, одной изъ женъ князя (до крещенія Владиміръ, по обычаю языческихъ князей, имѣлъ многихъ женъ); тамъ онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, утомленный продолжительною охотою въ окрестныхъ лѣсахъ и тревожнымъ разговоромъ съ Гориславой; такъ называлась Рогнѣда, которая, несмотря на свои молодые годы, много пережила горя въ жизни своей: она успѣла уже похоронить самыхъ близкихъ ея сердцу родныхъ—отца и двухъ братьевъ — и испытала измѣну любимаго ею мужа; послѣднее горе для нея было всего ужаснѣе на свѣтѣ и причиняло ея сердцу мучительныя страданія.

Въ ту ночь, когда въ уединенномъ теремѣ Рогнѣды такъ безмятежно и беззаботно спалъ виновникъ ея душевныхъ мукъ и сердечныхъ страданій—великій князь кіевскій Владиміръ, наболѣвшее сердце горемычной его жены Рогнѣды разрывалось на части; ни на минуту не смыкала она своихъ глазъ, покраснѣвшихъ отъ слезъ и отъ безсонныхъ ночей. Въ ту злополучную ночь, когда Рогнѣдою овладѣло рѣшеніе покончить съ виновникомъ ея душевныхъ терзаній, не покидавшихъ ея ни днемъ, ни ночью, одна картина, ужаснѣе и мрачнѣе другой, проносилась передъ ея умственнымъ взоромъ. То она вспоминала своего перваго жениха—кроткаго, милостиваго и добраго князя Ярополка, котораго такъ вѣроломно погубилъ родной его братъ Владиміръ, приказавъ двумъ варягамъ поразить его мечами въ тотъ самый моментъ, когда юный князь, твердо вѣря въ освященный вѣками древнеславянскій обычай гостепріимства и ничего, поэтому, не подозрѣвая, входилъ въ палатку своего брата. То въ памяти Рогнѣды съ поразительною ясностью оживала ужасная картина убійства ея родного отца—полоцкаго князя Рогволода и двухъ ея

братьевъ, которыхъ по наущенію своего дяди Добрыни такъ звѣрски умертвилъ князь Владиміръ; Добрыня не могъ простить Рогнѣдѣ той обиды, которую причинила его роду гордая княжна Полоцкая (т. е. Рогнѣда), когда на предложеніе ея отца Рогволода выйти замужъ за Владиміра она отвѣчала рѣшительно: „Не хочу разуть сына рабыни" (въ тѣ времена былъ обычай, сохранившійся кое-гдѣ и до настоящаго времени, что молодая разуваетъ мужа въ первый день свадьбы; сыномъ же рабыни Рогнѣда назвала Владиміра потому, что мать его была ключницей у княгини Ольги, а если кто въ старину шелъ въ ключники или въ ключницы безъ договора, становился рабомъ; братомъ же этой рабыни— Ольгиной ключницы Малуши и былъ Добрыня).

Когда Рогнѣда пристально вглядывалась въ столь дорогія для нея черты лица Владиміра, освѣщаемаго по временамъ серебристымъ свѣтомъ луны и, благодаря лунному освѣщенію, казавшагося ей еще болѣе красивымъ, она вспоминала тѣ мучительныя минуты и часы, которые она съ такимъ безпокойствомъ проводила въ великокняжескомъ теремѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи прихода столь нѣжно любимаго ею мужа. Чувствуя, что дольше ждать она не можетъ, что наболѣвшая ея душа не вынесетъ дальнѣйшей нравственной пытки, и что она, Рогнѣда, должна или сама убить его, Владиміра, безжалостнаго палача ея сердца, или самой быть убитой, она склонилась надъ нимъ и обезумѣвшими отъ страсти глазами стала выбирать то мѣсто на его шеѣ, куда могла бы она вонзить охотничій большой ножъ, который она судорожно сжимала въ правой рукѣ; въ тотъ страшный моментъ рѣшенія судьбы беззаботно спавшаго Владиміра, въ ея, Рогнѣды, памяти съ поразительною ясностью ожила мрачная картина внезапнаго отъѣзда ея изъ великокняжескаго терема, покидая который съ плачемъ и рыданіями, она, переживая тогда страшно мучительныя минуты, слышала веселые, радостные и на-

смѣшливые возгласы ликовавшей своей соперницы — прекрасной Адели. При воспоминаніи о соперницѣ, которую на ея глазахъ обнялъ и поцѣловалъ князь Владиміръ, вся кровь хлынула въ голову несчастной Рогнѣды; на минуту она лишилась сознанія, и ножъ, бывшій въ ея рукѣ, упалъ на полъ. Придя въ сознаніе, она тотчасъ схватила ножъ съ пола и занесла его надъ головою Владиміра, намѣреваясь поразить его въ шею; но шумъ, произведенный паденіемъ ножа, разбудилъ князя; открывъ глаза и замѣтивъ занесенный надъ его головою и освѣщенный серебристымъ свѣтомъ луны ножъ, онъ поспѣшно схватилъ Рогнѣду за руку и сжалъ ее съ такою силою, что ножъ выпалъ изъ ея руки на постель.

„Опомнись, безумная! Что задумала ты, моя бѣдная Горислава?“ спросилъ пораженный только что видѣннымъ Владиміръ, который не вѣрилъ своимъ глазамъ и въ тотъ моментъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета: видѣлъ ли онъ все происходившее на яву или во снѣ.

— Я рѣшила,—отвѣчала Рогнѣда энергичнымъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—покончить съ тобой. Но видно, не судьба тебѣ было погибнуть отъ рукъ моихъ. Всесильный Перунъ допустилъ тебя безнаказанно нарушить свою клятву любить меня, данную тобою мнѣ въ тотъ день, когда я согласилась выйти за тебя замужъ. Неужели тебя не мучило сознаніе, что съ момента твоей измѣны, о которой я узнала отъ моей соперницы Адели, я такъ страшно мучилась, что не находила ни въ чемъ себѣ утѣшенія? Меня все время терзала, преслѣдовала мысль о твоей невѣрности; она причиняла такую мучительную боль моему сердцу, что дѣлала для меня жизнь невыносимой.—

Рогнѣда отошла къ окну и задумалась. Освѣщенное луннымъ свѣтомъ лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго. Но черезъ минуту лицо ея преобразилось: изъ горестнаго, страдальческаго оно сдѣлалось рѣшительнымъ и

энергичнымъ; она быстро повернулась къ сидѣвшему на постели Владиміру и, подойдя къ нему, бросилась передъ нимъ на колѣни со словами:

— Ты, князь, убійца столь дорогихъ моему сердцу родныхъ, будь убійцей, я умоляю тебя, Владиміръ, и твоей горемычной жены!... Пусть твоя рука положитъ конецъ моей несчастной жизни! Виновникомъ моихъ сердечныхъ мукъ и страданій я считаю тебя одного! Пусть воспоминаніе обо мнѣ, болѣе твоихъ женъ любившей тебя, пробудитъ въ тебѣ угрызенія совѣсти; и пусть эти угрызенія совѣсти, если только братоубійца и клятвопреступникъ способенъ ихъ испытывать, будутъ для тебя единственнымъ наказаніемъ за тѣ страданія, которыя ты причинилъ близкимъ мнѣ роднымъ, а болѣе всего мнѣ и сердцу моему. Умоляю тебя, князь, убей меня! Я не въ силахъ больше переносить той пытки, которой ты ежеминутно подвергаешь мою наболѣвшую душу.—

„Хорошо, Рогнѣда", мрачно отвѣчалъ Владиміръ, поспѣшно вставая съ постели и стараясь скрыть свое душевное волненіе: „я исполню твою просьбу. Не на долго я тебя покину; мнѣ надо сходить домой повидаться и посовѣтоваться кой о чемъ съ своими дружинниками, боярами и съ дядею своимъ Добрыней. Ты же, Рогнѣда, въ ожиданіи моего скораго прихода, одѣнься въ самое нарядное княжеское платье, какъ была ты одѣта въ день своей свадьбы, и, сидя на богато убранной постели, поджидай меня. Я не замедлю явиться и исполнить твою просьбу".

Послѣ ухода своего мужа, Рогнѣда, надѣвъ на себя вѣнчальное платье, подошла къ кроваткѣ, на которой безмятежно почивалъ малолѣтній ея сынъ Изяславъ; своимъ крѣпкимъ поцѣлуемъ она разбудила его; весело и беззаботно улыбаясь, протянулъ онъ свои пухлыя рученки къ шеѣ матери, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ ее. Нѣжная ласка малолѣтняго Изяслава пробудила въ

горемычной Рогнѣдѣ сильное чувство материнской любви, которое подъ вліяніемъ тяжелыхъ впечатлѣній послѣднихъ дней готово было отойти куда-то далеко вглубь наболѣвшей души. Но скорбная мысль о предстоящемъ ея любимому сыну сиротствѣ и одиночествѣ въ случаѣ ея смерти дала сильный толчекъ пробудившемуся въ ней чувству материнской любви, и вѣщее сердце Рогнѣды подсказало ей счастливую мысль измѣнить свое первоначальное рѣшеніе принять смерть изъ рукъ любимаго человѣка; въ ея головѣ мелькнула мысль благороднымъ образомъ уклониться отъ злого велѣнія недоброй судьбы. Она поспѣшно одѣла малолѣтняго Изяслава, подошла вмѣстѣ съ нимъ къ своей кровати, сѣла на нее и, давая ему въ руки отцовскій обнаженный мечъ, сказала:

„Смотри, дорогой мой Славчикъ", такъ называла Рогнѣда своего сына: „когда войдетъ сюда отецъ твой, ты выступи противъ него и, держа въ рукахъ этотъ мечъ, скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?"

Не успѣла окончить Рогнѣда своего наставленія сыну, какъ открылась дверь ея терема, и быстро вошелъ Владиміръ. Малолѣтній Изяславъ не замедлилъ выйти навстрѣчу и, держа съ трудомъ обѣими ручонками огромный отцовскій мечъ, смѣло проговорилъ ему:

— Развѣ ты, отецъ, думашь, что ты здѣсь одинъ?—

Владиміръ, увидѣвъ своего сына и услышавъ его смѣлую рѣчь, очень былъ тронутъ всѣмъ видѣннымъ, и, взявъ у сына мечъ, бросилъ его на полъ. Чувствуя, что сдерживаемыя рыданія тѣснили ему горло, онъ, молча, обнялъ своего сына-малютку и сталъ крѣпко цѣловать его.

Доброе чувство милосердія будущаго христіанина взяло верхъ надъ нехорошимъ чувствомъ мести, столь обычнымъ и естественнымъ въ тѣ грубыя времена у каждаго закоренѣлаго язычника, считавшаго своею пер-

вою обязанностью не забывать освященныхъ вѣками обычаевъ своихъ предковъ.

Послѣ того Владиміръ созвалъ бояръ и дружинниковъ и разсказалъ имъ все видѣнное и слышанное. Замѣтивъ, что онъ такъ любовно относился къ своему малолѣтнему сыну, и зная его любящее сердце, бояре и дружинники сказали Владиміру:

„Если тебѣ жалко сдѣлать сиротой своего сына Изяслава, то не убивай Рогнѣду, ради этого дитяти, лучше отдай ей „отчину“ (то-есть, область отца ея Рогволода)—княжество Полоцкое; и пусть она вмѣстѣ съ сыномъ Изяславомъ отправляется туда и живетъ въ своей „отчинѣ“ до конца своихъ дней“.

Владиміръ послушалъ совѣта бояръ и дружинниковъ и отправилъ Рогнѣду вмѣстѣ съ Изяславомъ въ Полоцкое княжество, а въ честь сына построилъ новый городъ Изяславль въ нынѣшней Витебской губерніи,

II.

Было тихое лѣтнее утро. Воды Днѣпра, на возвышенномъ берегу котораго широко и живописно раскинулся древній Кіевъ, плавно мчались сквозь зелено-кудрявые лѣса, украшенные вѣковыми дубами, вязами и буками, а также зеленѣющими тополями, бѣлѣющими яблонями и трепещущими ивами; плавно мчались онѣ мимо горъ, покрытыхъ мѣстами желтыми песками, горящими на солнцѣ въ сіяньи золотистомъ, мѣстами зелено-золотыми лугами, видъ которыхъ былъ пестрый, благодаря разнообразнымъ полевымъ цвѣтамъ; голубыя, синія, лиловыя и бѣлыя головки этихъ цвѣтовъ то тамъ, то здѣсь выглядывали изъ высокой и сочной травы, покрывавшей огромнѣйшимъ зеленымъ ковромъ во многихъ мѣстахъ оба берега Днѣпра. Изъ травы поднималась время отъ времени мѣрными взмахами чайка и купалась въ синихъ волнахъ воздуха; въ густой трудно проходимой травѣ шныряли куропатки, вытянувъ свою шею. Въ небѣ, гдѣ, по словамъ поэта, яркимъ „золотомъ и чистымъ серебромъ змѣились облаковъ про-

зрачныхъ очертанья", неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Тишина лѣтняго утра нарушалась то свистомъ куликовъ и другихъ степныхъ птицъ, безпечно бѣгающихъ среди изумрудныхъ луговъ, то крикомъ дикихъ гусей и утокъ, пролетавшихъ цѣлыми тучами надъ быстриною Днѣпра, которая, по выраженію поэта, „сверкаетъ сталью вороненой", то очаровательнымъ пѣніемъ соловья, которому внимали лишь лѣса да волны. Небольшія лодки „однодеревки", приводимыя въ движеніе веслами, оставляли борозды на голубой, зеркальной дорогѣ, какую представляли изъ себя воды Днѣпра. Эти лодки „однодеревки" во множествѣ толпились у той части берега Днѣпра, которая прилегала къ торговой площади древняго Кіева. Владѣтели этихъ лодокъ, по большей части дружинники (то-есть, воины, служившіе въ великокняжеской дружинѣ), заботливо укладывали въ свои „однодеревки" мѣха (главнымъ образомъ, бѣлки, горностая и соболя), медъ и воскъ. Эти товары отправлялись въ лодкахъ по Днѣпру и морю изъ Кіева въ Константинополь и Болгарію.

Весьма пеструю картину представляла изъ себя торговая площадь, откуда дружинники торопливо переносили товары на свои „однодеревки": имъ было объявлено биричами, чтобы они убирали свои товары съ торговой площади, гдѣ должно было въ тотъ день собраться вѣче.

Биричами назывались въ древнерусскихъ городахъ должностныя лица, главною обязанностью которыхъ было созывать народъ на вѣче. Вѣча, то-есть, народныя собранія, созывались во всѣхъ древнерусскихъ городахъ, до окончательнаго утвержденія въ нихъ великокняжеской власти; значительное развитіе этой власти успѣло подавить во многихъ городахъ всякое проявленіе народоправленія, то-есть, другими словами, уничтожить вѣче. На вѣча сходились члены не одной

семьи, а цѣлаго рода, жители одного города или нѣсколькихъ деревень, составлявшихъ одну волость.

На вѣчѣ рѣшались важныя дѣла, которыя касались всего города или всей волости; и вѣчу принадлежала верховная власть; его рѣшеніямъ повиновались всѣ безпрекословно. Такъ въ Новгородѣ вѣче приглашало князя и указывало ему „путь изъ Новгорода", если князь оказывался неугоднымъ народу. Затѣмъ, вѣче производило судъ и расправу надъ всѣми гражданами, избирало всѣхъ должностныхъ лицъ: посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ и др., издавало и отмѣняло законы, предоставляло земли во владѣніе того или другого лица, а также рѣшало вопросы о взиманіи дани, о сборѣ податей и о распредѣленіи общественныхъ повинностей между жителями городовъ и селъ. Кромѣ того, вѣче объявляло войну и заключало миръ съ сосѣдними государствами.

Немалое разнообразіе представляли изъ себя лица и костюмы торговцевъ Запада и Востока, наполнявшихъ торговую площадь древняго Кіева. Тутъ можно было встрѣтить типичныя ветхозавѣтныя лица евреевъ въ темныхъ или цвѣтныхъ халатахъ. Мелкіе торговцы-евреи занимались продажей золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, цѣпочекъ, ожерельевъ, запястьевъ, колецъ, булавокъ, рукоятокъ, пуговокъ, бляхъ для украшенія одежды и конской сбруи, а также шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканей, прянностей и вина. Болѣе зажиточные еврейскіе купцы торговали дорогими камнями, бисеромъ, особенно зеленаго цвѣта; изъ него дѣлали любимое украшеніе русскихъ женщинъ — ожерелье; мужья ихъ иногда разорялись, платя за каждую бисеринку по диргему. Диргемъ—древнерусская монета, стоящая на наши деньги отъ 15 до 20 копѣекъ серебромъ. Всѣ только что перечисленные товары и издѣлія евреи привозили изъ столицы козарскаго царства Итиля, находившейся около нынѣшней Астрахани;

тамъ они ихъ покупали у арабскихъ купцовъ, которымъ, въ свою очередь, продавали привозимые изъ Руси мѣха, особенно горностая и соболя. Потребность въ мѣхахъ усиливалась на востокѣ съ распространеніемъ богатства и роскоши въ блестящее царствованіе арабскаго государя Гаруна-аль-Рашида (въ концѣ VIII вѣка и въ началѣ IX вѣка). Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до насъ дошло извѣстіе, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела въ моду шубы, подбитыя русскими горностаями и соболями.

Тутъ же, на торговой площади древняго Кіева, можно было встрѣтить греческихъ купцовъ и мелкихъ торговцевъ, съ красивыми загорѣлыми лицами, одѣтыхъ въ длинные плащи, которые они умѣли изящно закидывать на лѣвое плечо. Греки торговали преимущественно паволоками (т. е. шелковыми тканями), виномъ и плодами, привозимыми изъ Царьграда (т. е. Константинополя). Тамъ же, возлѣ шалашей и повозокъ греческихъ торговцевъ, располагались съ своими товарами бѣлолицые, по большей части свѣтлорусые варяги, одѣтые въ короткіе кафтаны; торговали они драгоцѣнными камнями и всякаго рода золотыми и серебряными издѣліями, необходимыми для вооруженія и для украшенія одежды и конской сбруи, а также шелковыми, шерстяными и бумажными тканями. Часть этихъ товаровъ и издѣлій варяги, подобно евреямъ, привозили съ Востока, преимущественно изъ козарской столицы Итиля, другую часть съ Запада и Сѣвера, изъ государствъ, населенныхъ нѣмцами и балтійскими славянами.

Часть торговой (городской) площади была занята лошадьми, волами, баранами, козами и овцами, продажей которыхъ занимались главнымъ образомъ печенѣжскіе торговцы съ темнокоричневымъ отъ загара лицомъ, на своихъ рѣзвыхъ и косматыхъ коняхъ, одѣ-

тые, или вѣрнѣе полунагіе, съ накинутыми на плечи короткими плащами изъ грубой ткани или звѣриной шкуры.

На противоположной сторонѣ „торга“ (такъ называлась встарину торговая площадь), къ которой прилегали утопающія въ зелени улицы древняго Кіева, застроенныя многими теремами и хоромами (изъ нихъ обращалъ на себя вниманіе каменный теремъ княжескій со дворомъ), располагались въ своихъ лавкахъ, шалашахъ и возахъ, которые перевозились съ мѣста на мѣсто волами, русскіе торговцы, по большей части бородатые и голубоглазые, свѣтлорусые, съ румяными, но загорѣлыми лицами; одни изъ нихъ, кто былъ побогаче, были одѣты въ корзнахъ и лудахъ, въ портахъ и сапогахъ. Корзнами и лудами называлось встарину верхнее платье, по виду напоминавшее обыкновенный кафтанъ, который надѣвался въ одинъ рукавъ, а на другое плечо только накидывался. Другіе же мелкіе торговцы, менѣе зажиточные, были въ однѣхъ рубахахъ и портахъ, съ лаптями на ногахъ. Торговали они мѣхами, медомъ, воскомъ, овощами, далѣе рыбой, кожей и разными грубыми тканями, которыя шли на одежду, затѣмъ, деревяною и глиняною посудою и, наконецъ, всякаго рода домашнею птицею.

Торговцы всѣхъ націй, наскоро собирая свои товары и пожитки, съ своими возами и шалашами спѣшили домой, чтобы дать мѣсто народу, толпами валившему на торговую площадь, гдѣ должно было произойти вѣчевое собраніе.

Давно не замѣчалось на торговой площади древняго Кіева и на прилегающихъ къ ней улицахъ такого оживленія, какое наблюдалось по возвращеніи великаго князя Владиміра изъ похода на Ятвяговъ. Этотъ походъ ознаменовался славными побѣдами русской рати надъ дикимъ, но мужественнымъ народомъ латышскимъ, обитавшимъ въ лѣсахъ между Литвою и Поль-

шею, и завоеваніемъ ихъ страны. Биричи сновали по улицамъ города, сзывая народъ на вѣче.

„Ну что, братъ Василій! Радуешься ли ты бранымъ („брань" — война) успѣхамъ нашего великаго князя Владиміра? Я думаю, и ты не станешь отрицать, что немного онъ еще покняжилъ, но много сдѣлалъ для славы русской земли! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда княжилъ твой любимый князь Ярополкъ, никто бы не помыслилъ, что юный князь Владиміръ, еще такъ не давно обучавшійся „бранному" искусству у варяговъ, могъ бы отнять у знаменитаго польскаго короля Мечислава города Червень, Перемышль и другіе червенскіе города. Никому бы тогда въ голову не пришло, что юный Владиміръ въ состояніи былъ бы смирить возмущеніе славянскаго племени вятичей, не пожелавшихъ платить дань, и распространить свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря; ты, чай, слышалъ, что велико-княжескіе посланцы ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей Ливоніи (Ливонія—область, прилегающая къ Балтійскому морю)". Такъ говорилъ дружинникъ Святославъ (язычникъ), обращаясь къ другому дружиннику Василію (христіанину). Этотъ послѣдній, немного помолчавъ, сказалъ:

— Ты правъ, Святославъ, разсказывая о славныхъ побѣдахъ нашего великаго князя Владиміра, но ты неправъ, мой другъ, когда безъ должнаго уваженія относишься къ памяти добраго и милостиваго князя Ярополка, который не столько съ оружіемъ въ рукахъ одерживалъ побѣды надъ своими врагами, сколько своею добротою покорялъ себѣ сердца своихъ подданныхъ.—Нѣсколько помолчавъ, какъ бы припоминая что-то изъ своего прошлаго, Василій продолжалъ затѣмъ свое повѣствованіе.—Не знаю, какъ ты, Святославъ, а я никогда не забуду искренней печали Ярополка о смерти его брата Олега. Я былъ тогда въ древлянскомъ городѣ Овручѣ, когда Олегъ, побѣжден-

ный Ярополкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ городъ Овручъ. Воины Олега, гонимые дружинниками Ярополка, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ и столкнули своего князя въ глубокій ровъ. Первымъ желаніемъ Ярополка, когда онъ вступилъ въ городъ Овручъ, было видѣть своего брата, который былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадей, упавшихъ за нимъ съ моста. Побѣдитель Ярополкъ, увидя бездушный, окровавленный трупъ своего брата Олега, забылъ о своемъ торжествѣ, о своей побѣдѣ и горько заплакалъ, раскаиваясь въ своемъ невольномъ злодѣяніи. Обратясь къ своему воеводѣ Свѣнельду, Ярополкъ съ упрекомъ спросилъ его: „того ли хотѣлось тебѣ?"—(Воевода Свѣнельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоря и Святослава, былъ главнымъ виновникомъ вражды между братьями. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына его Люта, встрѣтясь съ нимъ на охотѣ. Онъ, Свѣнельдъ, и побудилъ Ярополка начать войну противъ Олега).

„Но почему ты думаешь, братъ Василій, что нашъ великій князь Владиміръ не можетъ быть такимъ же добрымъ и милостивымъ, какъ покойный князь Ярополкъ?" нѣсколько волнуясь и горячась, прервалъ разсказъ Василія дружинникъ Святославъ: „Развѣ ты не слышалъ про его великодушный поступокъ съ женой Рогнѣдой, которая хотѣла его убить, но которую онъ простилъ ради ея малолѣтняго сына Изяслава?"

— Все, что ты, братъ Святославъ, мнѣ разсказывалъ о князѣ Владимірѣ, хорошо мнѣ извѣстно. Мнѣ даже извѣстно больше того, что ты знаешь! Слыхалъ ли ты, зачѣмъ мы собираемся сегодня, на вѣче, по желанію великаго князя Владиміра и его дружинниковъ?—

„Долженъ сознаться, что не слыхалъ, но сгораю нетерпѣніемъ узнать о томъ, какъ можно скорѣе"; торопливо промолвилъ Святославъ.

— Зачѣмъ созвали всѣхъ насъ сюда, на вѣче, я

узналъ о томъ отъ городского старца Ярослава. Желая угодить своимъ дружинникамъ-язычникамъ, князь Владиміръ велѣлъ биричамъ созвать народъ, чтобы объявить всѣмъ о необходимости отблагодарить боговъ за побѣды, дарованныя ими русской рати во время похода на ятвяговъ. Сегодня будетъ предложено народу кинуть жеребій на отрока и на дѣвицу; на кого жребій падетъ, того и зарѣзать богамъ! Поступалъ ли когда-нибудь такъ безчеловѣчно и жестоко съ своими подданными нашъ добрый и милостивый князь Ярополкъ?—

„Напрасно ты клевещешь на князя Владиміра", поспѣшно возразилъ Святославъ: „онъ тутъ ни причемъ; это дѣло его дружинниковъ—закоренѣлыхъ язычниковъ, которые упорно настаиваютъ и убѣждаютъ его въ необходимости человѣческой жертвы".

— Въ скоромъ времени убѣдишься въ правотѣ моихъ словъ,—спокойно замѣтилъ Василій и скрылся въ толпѣ, не желая остаться безучастнымъ въ общемъ движеніи, охватившемъ всю торговую площадь, сплошь покрытую народомъ. Въ толпѣ раздавались отдѣльные возгласы:

„Вѣстимо, пиръ задастъ намъ нашъ кормилецъ — великій князь кіевскій Владиміръ!"

— Полно врать! Развѣ время теперь думать о пирахъ, когда еще мы жертвъ не принесли богамъ своимъ, поражавшимъ враговъ нашихъ.—

„Дорогу тысяцкому! дорогу!" кричали биричи, раздвигая движеніемъ своихъ посоховъ направо и налѣво толпу народа, чтобы дать пройти тысяцкому Путятѣ, направлявшемуся къ возвышенному мѣсту, съ котораго обыкновенно говорилъ на вѣчѣ всякій, кто желалъ что-либо сказать народу.

„Тысяцкій желаетъ рѣчь держать", раздались тогда громкіе возгласы въ народѣ, и шумная толпа, въ ожиданіи рѣчи, сразу стихла.

— Братья мои! — такъ началъ говорить тысяцк
Путята:—нашъ великій князь Владиміръ полагает
что его доблестные дружинники одержали славн
побѣды надъ Ятвягами и завоевали ихъ страну, бл
годаря главнымъ образомъ милостивой помощи наше
всесильнаго бога Перуна, бога грома и молніи и гла
наго защитника нашей земли. Исполняя желаніе св
ихъ доблестныхъ дружинниковъ, которые, благода
своему мужеству и искусству владѣть оружіемъ, н
водятъ страхъ и трепетъ на сосѣднихъ враговъ, наш
князь Владиміръ предлагаетъ народу принести
жертву богу Перуну кого-либо изъ кіевлянъ, на ко
раго падетъ жребій. Ваше дѣло, братья мои, приня
или отвергнуть съ согласія всѣхъ участниковъ вѣ
предложеніе князя и его дружинниковъ. Мое дѣло
общить князю о рѣшеніи вѣчевого собранія.—

Въ отвѣтъ на заявленіе тысяцкаго Путяты по
нялся такой шумъ въ толпѣ, что ничего невозмож
было разобрать. Когда же шумъ нѣсколько уменьшил
то тысяцкій могъ разобрать отдѣльные возгласы,
летавшіе до его слуха:

„Конечно, правъ князь и его дружинники, требу
щіе принесенія благодарственной жертвы богу Перун

„Не могъ бы, вѣстимо, Владиміръ одолѣть свои
враговъ безъ помощи бога Перуна“!

— Но зачѣмъ приносить богу Перуну человѣ
скую жертву? — громко и рѣшительно спросилъ и
толпы дружинникъ Василій (христіанинъ), обращая
къ тысяцкому Путятѣ: — Развѣ нельзя отмѣнить
кія ужасныя жертвы, при одной мысли о которы
сердце каждаго человѣка должно обливаться кров
Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ суровые и воинств
ные греки, жившіе въ городѣ Спартѣ и его окрест
стяхъ, отмѣнили у себя человѣческія жертвы. Неу
ли мы, русскіе славяне, извѣстные съ древнихъ в
менъ своимъ кроткимъ обращеніемъ съ плѣнника

не пожалѣемъ убить родное дѣтище, чтобы только угодить алчущимъ крови язычникамъ! Неужели нельзя не принять рѣшенія князя?—

„Все возможно"! быстро отвѣтилъ тысяцкій, обращаясь къ дружиннику Василію: „чего пожелаетъ весь народъ! Но желанія отдѣльныхъ лицъ изъ толпы не могутъ заставить князя Владиміра, а особенно его дружинниковъ отмѣнить ихъ рѣшеніе. И такъ, братья мои", продолжалъ говорить Путята, обращаясь снова ко всему народу: „въ послѣдній разъ спрашиваю васъ,— будемъ ли мы бросать жребій на отрока или дѣвицу, коихъ судьба опредѣлитъ быть принесенными въ жертву Перуну? или, быть можетъ, вы рѣшили отвергнуть предложеніе великаго нашего князя Кіевскаго и отказаться отъ принесенія жертвъ Перуну и другимъ богамъ? Отвѣчайте мнѣ: будете ли бросать жребій или нѣтъ?"

— Будемъ, будемъ бросать жребій!—раздались въ толпѣ громкіе возгласы язычниковъ, ставшихъ грозно наступать и тѣснить христіанина Василія и его товарищей, пытавшихся убѣждать народъ не подчиняться власти великаго князя и его дружинниковъ.

Замѣтивъ, что большинство возгласовъ было въ пользу бросанія жребія, тысяцкій Путята, не обращая вниманія на противодѣйствіе нѣсколькихъ христіанъ, бывшихъ въ толпѣ и требовавшихъ отмѣны человѣческихъ жертвъ, предложилъ народу приступить къ метанію жеребія. Прежде всего тысяцкій объявилъ народу, что дружинники требуютъ, чтобы кіевляне выбрали трехъ христіанскихъ отроковъ и трехъ христіанскихъ дѣвицъ, на одного или на одну изъ нихъ и долженъ былъ пасть жребій. Не зная такихъ отроковъ и дѣвицъ, Путята обратился ко всѣмъ, кто только присутствовалъ на вѣчевомъ собраніи, съ просьбою указать ему ихъ.

„Братья мои!" такъ говорилъ Путята: „пусть тотъ

изъ васъ, кому извѣстны живущіе въ Кіевѣ христіане, у коихъ есть дѣти, назоветъ намъ такихъ христіанъ!"

Тогда дружинникъ Ярополкъ, стоявшій недалеко отъ тысяцкаго, обратился къ нему и сказалъ:

— Я могу назвать тебѣ, Путята, двухъ христіанъ Василія и Ѳедора; у перваго изъ нихъ два отрока—сына и три дочери—дѣвицы, а у второго одинъ сынъ—отрокъ. Я могу назвать имена этихъ отроковъ и дѣвицъ, если народъ того захочетъ. (Дружинникъ Ярополкъ былъ сердитъ на Василія за то, что онъ не согласился выдать за него, Ярополка, одну изъ своихъ дочерей. Когда же Ярополкъ обратился за содѣйствіемъ къ первому другу Василія къ Ѳедору, то этотъ послѣдній, будучи очень правдивымъ человѣкомъ, откровеннно сознался, что онъ, Ѳедоръ, если бы имѣлъ дочерей, также не выдалъ бы замужъ ни одну изъ нихъ за такого жестокаго человѣка, какимъ былъ Ярополкъ).

„Друзья мои", обратился тогда тысяцкій къ народу: „извѣстный вамъ своими воинскими доблестями дружинникъ Ярополкъ можетъ назвать намъ трехъ христіанскихъ отроковъ и дѣвицъ. Пусть тотъ изъ васъ, кто полагаетъ, что на указанныхъ Ярополкомъ отроковъ и дѣвицъ нельзя метать жребій, скажетъ намъ о томъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назоветъ намъ другихъ христіанскихъ дѣтей, болѣе достойныхъ жребія".

Въ отвѣтъ на заявленіе тысяцкаго Путяты послышались громкіе возгласы:

— Будемъ бросать жребій на отроковъ и дѣвицъ, указанныхъ дружинникомъ Ярополкомъ!—

Когда тысяцкій, прислушиваясь къ возгласамъ, которые раздавались въ разныхъ мѣстахъ многотысячной толпы, убѣдился, что всему народу понравился выборъ Ярополковъ, велѣлъ принести шесть палочекъ, на нихъ написали имена сыновей и дочерей Василія и сына Ѳедора; затѣмъ, положили всѣ палочки въ шлемъ

одного изъ дружинниковъ и позвали нищаго слѣпца; поставили его лицомъ къ идолу Перуна и велѣли ему, произнося молитвенное обращеніе къ богу грома и молніи, постепенно вынимать одну за другой пять палочекъ. Оставшаяся въ шлемѣ шестая палочка и содержала имя того, на котораго, такъ вѣрили наши предки—язычники, падалъ жребій по волѣ боговъ.

Когда тысяцкій Путята, не вынимая шестой палочки изъ шлема, прочелъ народу имя Іоанна, сына Ѳедора, которое было написано на этой палочкѣ, то въ толпѣ послышались громкіе возгласы:

„На то воля всесильнаго Перуна! его могуществу не будетъ конца"!

Спрашивая другъ друга, многіе кіевляне тотчасъ узнали, что жребій палъ на прекраснаго лицомъ и душою сына одного христіанина варяга, пришедшаго изъ Греціи.

— Забылъ Богъ Христіанскій русскую землю! — грустно и со вздохомъ промолвилъ тогда дружинникъ Василій и поспѣшилъ вмѣстѣ съ своими товарищами—христіанами удалиться въ улицу, гдѣ жилъ варягъ Ѳедоръ со своимъ сыномъ Іоанномъ. Шумъ и говоръ народа все еще не прекращался на мѣстѣ вѣчевого собранія.

Между тѣмъ тысяцкій Путята, переговоривъ съ городскими старцами, рѣшилъ тотчасъ же послать биричей сообщить отцу Ѳедору объ ожидающей его сына Іоанна участи.

Посланные отъ народа, придя къ старому варягу и показавъ ему шлемъ съ лежащею въ немъ палочкою, сказали ему:

„Прочти имя, написанное на этой палочкѣ, и ты увидишь, что палъ жребій на твоего сына; богамъ угодно взять его къ себѣ; и онъ долженъ быть принесенъ въ жертву"!

— Ваши боги,—отвѣчалъ варягъ Ѳедоръ:—не бо-

ги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ. Ваши боги ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева. Богъ же одинъ Тотъ, Которому служатъ грѣки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, и поселилъ его на землѣ. А ваши боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!—

Посланные биричи передали эти рѣчи народу. Наиболѣе ревностные язычники, съ оружіемъ, въ рукахъ, поспѣшно бросились на варяговъ домъ и разломали заборъ вокругъ него. Ѳедоръ съ сыномъ своимъ Іоанномъ стояли въ сѣняхъ. Блѣдность ихъ лицъ свидѣтельствовала о томъ сильномъ душевномъ волненіи, которое они переживали въ тѣ страшныя для нихъ минуты. Народъ неистово кричалъ варягу Ѳедору:

„Отдай сына своего нашимъ богамъ!"

— Если ваши боги дѣйствительно боги,—сказалъ Ѳедоръ рѣшительно, но нѣсколько дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—то пусть они пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына; а вы о чемъ хлопочете тутъ?—

Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась на варяговъ Ѳедора и Іоанна, подсѣкла (т. е. изрубила) подъ ними сѣни и убила ихъ. Такъ погибли эти первые два мученика христіанской вѣры въ Кіевѣ—Ѳедоръ и Іоаннъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ихъ домъ, князь Владиміръ, когда крестился, поставилъ церковь Божіей Матери.

Несмотря на то, что смѣлый варягъ Ѳедоръ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, язычества, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія какъ на кіевлянъ, которые были свидѣтелями гибели двухъ варяговъ—христіанъ, такъ особенно на великаго князя кіевскаго Владиміра; онъ неоднократно распрашивалъ очевидцевъ о смѣлыхъ и разумныхъ рѣ

чахъ христіанина Ѳедора; воспоминаніе о геройскомъ подвигѣ его никогда не покидало впечатлительную и отзывчивую душу Владиміра. Этотъ послѣдній своимъ геніальнымъ умомъ понималъ, что своими смѣлыми и разумными рѣчами варягъ Ѳедоръ сдѣлалъ, въ присутствіи огромной толпы народа, торжественный вызовъ язычеству и его кумирамъ. Называя языческихъ боговъ деревомъ, христіанинъ Ѳедоръ всенародно наругался надъ ними. Его краткая, но понятная каждому проповѣдь была произнесена громко, въ присутствіи многочисленныхъ язычниковъ; часть ихъ, сознавая, быть можетъ, очень смутно ничтожество язычества, не прочь была принять христіанскую вѣру. Когда ярость толпы, убившей Ѳедора и его сына, прошла, то въ памяти народной долго сохранялись страшныя для язычниковъ слова: ваши боги—дерево; Богъ одинъ, Которому кланяются греки и Который все сотворилъ. Когда народъ, вспоминая эти слова, пытливо смотрѣлъ на языческіе кумиры, эти послѣдніе стояли безотвѣтные и невѣрующимъ язычникамъ казались еще безобразнѣе прежняго.

III.

До крещенія Руси самыми памятными для князя Владиміра событіями, происходившими въ Кіевѣ, былъ случай съ варягомъ Ѳедоромъ и Іоанномъ. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого; много было пережито и предано забвенію кіевскимъ княземъ Владиміромъ; но мысль о первыхъ мученикахъ христіанства въ Кіевѣ, о смѣлой и разумной проповѣди христіанина Ѳедора и о безсиліи языческихъ боговъ не покидала впечатлительнаго князя Владиміра во все время его послѣдующей дѣятельности. Съ особенною настойчивостью эта мысль стала его преслѣдовать съ того момента, какъ Владиміръ приступилъ къ изученію религій сосѣднихъ народовъ путемъ бесѣдъ съ купцами и проповѣдниками, пріѣзжавшими по своимъ дѣламъ въ Кіевъ съ Востока и Запада. Къ числу народовъ, религіями которыхъ интересовался великій князь кіевскій, слѣдуетъ отнести, между прочимъ, камскихъ болгаръ, жившихъ тамъ, гдѣ теперь Казань. Владиміръ отправился однажды походомъ противъ нихъ и побѣдилъ ихъ. Дядя великаго князя кіевскаго Добрыня, посмотрѣвъ на плѣнниковъ, сказалъ: „Они въ сапогахъ;

5590.

отъ нихъ не дождемся дани; поищемъ лучше лапотниковъ". Камскіе болгаре, занимаясь постоянно торговлей и всякаго рода промыслами, были народъ богатый и зажиточный. Заключилъ Владиміръ съ ними миръ. Болгаре клялись: „Сохранимъ этотъ миръ, покуда камень не будетъ плавать въ водѣ, а хмѣль тонуть!"

На другой годъ послѣ заключенія мира (986 г.) пришли къ Владиміру послы камскихъ болгаръ, которые исповѣдывали вѣру магометову, и сказали ему:

„Ты, князь Владиміръ, мудръ и смышленъ, но живешь беззаконно; прими законъ нашъ и поклонися Магомету!"

— Какая вѣра ваша?—спросилъ Владиміръ болгарскихъ пословъ.

„Вѣруемъ въ Бога", отвѣчали послы: „а нашъ пророкъ учитъ насъ: совершать обрѣзаніе, свинины не ѣсть, вина не пить; позволяетъ имѣть много женъ и на томъ свѣтѣ даетъ каждому по семидесяти прекрасныхъ женъ".

Въ религіи магометанской князю Владиміру не нравилось обрѣзаніе, запрещеніе ѣсть свинину и пить вино.

— Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти!—замѣтилъ шутя Владиміръ, отпуская восвояси т. е. домой) болгарскихъ пословъ.

Отъ своихъ купцовъ, побывавшихъ въ Кіевѣ, узнали жившіе по сосѣдству нѣмцы — католики, что русскій князь Владиміръ интересуется религіями иныхъ народовъ и не прочь перемѣнить языческую вѣру на другую, болѣе разумную. Желая имѣть такого могущественнаго союзника, какимъ въ глазахъ современныхъ ему государей и князей являлся князь кіевскій Владиміръ, нѣмцы не замедлили прислать къ нему посольство съ предложеніемъ принять католическую вѣру. Нѣмцы-католики передали Владиміру слѣдующую рѣчь своего главнаго священнослужителя—папы:

„Папа велитъ тебѣ, великій князь кіевскій, передать, что земля твоя такая же, какъ и наша; но вѣра не такая. А наша вѣра есть свѣтъ, ибо мы поклоняемся Богу, Создателю неба и земли, звѣздъ, мѣсяца и всякаго живого существа: ваши же боги—дерево".

Князь Владиміръ, выслушавъ съ удовольствіемъ рѣчь католическихъ пословъ о величіи невидимаго Вседержителя и о ничтожествѣ языческихъ идоловъ, спросилъ ихъ:

— Какова же заповѣдь ваша?

„Пощеніе по силѣ", отвѣчали послы: „кто пьетъ или ѣстъ, тотъ дѣлаетъ все это во славу Божію, какъ говоритъ нашъ учитель—апостолъ Павелъ".

Узнавъ, что римскій папа хочетъ управлять царями и королями и собирать побольше дохода съ простого народа, что онъ допускаетъ богослуженіе только на латинскомъ языкѣ, непонятномъ для русскаго славянина, Владиміръ отпустилъ католическихъ пословъ, сказавъ имъ:

— Ступайте обратно: мы не примемъ вашей вѣры, слѣдуя примѣру нашихъ предковъ, которые не пожелали ея.—

Между Козарами, близкими сосѣдями русскихъ славянъ, жившими на восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ древней Руси, было много іудеевъ, то-есть, евреевъ. Козарскіе купцы, неоднократно бывая въ Кіевѣ, узнали, что камскіе болгаре и нѣмцы-католики отправляли посольство къ великому князю съ предложеніемъ принять ихъ вѣру и что Владиміръ съ большимъ интересомъ бесѣдовалъ съ болгарскими и католическими послами. Козары соблазнялись, подобно болгарамъ и нѣмцамъ, возможностью имѣть такого могущественнаго союзника, какимъ являлся въ глазахъ сосѣднихъ народовъ юный князь Владиміръ; недавнія его побѣды надъ ляхами и другими народами были извѣстны далеко за предѣлами древней Руси. Поэтому-то, козар-

скіе евреи также рѣшились попытаться склонить Владиміра въ пользу своей вѣры и велѣли своимъ посламъ сказать русскому князю:

„Мы слышали, что приходили къ тебѣ, великій князь кіевскій, болгаре и христіане, уча каждый народъ своей вѣрѣ. Но вѣдь христіане вѣруютъ въ того Бога, Котораго мы распяли; а мы вѣруемъ во единаго Бога Авраамова, Исаакова и Яковля".

— Въ чемъ же, состоитъ вашъ законъ?—спросилъ евреевъ Владиміръ.

„Обрѣзаться", отвѣчали они: „не ѣсть свинины, ни заячины, соблюдать субботы".

— А гдѣ земля ваша?—

„Въ Іерусалимѣ".

— Тамъ ли вы живете теперь? — снова спросилъ евреевъ Владиміръ, заинтересовавшись ихъ судьбою.

„Нѣтъ", отвѣчали они: „Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ, расточилъ насъ по всѣмъ странамъ за грѣхи наши; а землю отдалъ христіанамъ".

Князь Владиміръ, такъ горячо любившій свою родину, немало удивился смѣлости и дерзости козарскихъ пословъ, предлагавшихъ ему промѣнять его идоловъ на вѣру ихъ, евреевъ, коихъ самъ Богъ наказалъ лишеніемъ отечества.

Прощаясь съ козарскими послами, Владиміръ съ сердцемъ замѣтилъ имъ:

— Такъ какъ же вы, сами разсѣянные и отверженные, учите другихъ такой вѣрѣ, исповѣдуя которую вы заслужили гнѣвъ Божій. Если бы Богъ любилъ законъ вашъ, онъ бы не разсѣялъ васъ по лицу земли. Хотите ли вы, чтобы и съ нами случилось тоже?—

Но вотъ пріѣхалъ въ Кіевъ греческій философъ (философами греки называли мудрыхъ людей) и, бесѣдуя съ Владиміромъ о религіяхъ различныхъ народовъ, между прочимъ, сказалъ ему:

„Я слышалъ, что приходили къ вамъ болгаре и

учили своей вѣрѣ; но вѣра ихъ ведетъ къ погибели. Приходили и католики; ихъ вѣра хотя малымъ отличается отъ нашей, но не та истинная вѣра, которая установлена Іисусомъ Христомъ и апостолами".

— Приходили еще ко мнѣ евреи; они говорили, что вы вѣрите въ Того, Кого они распяли. Правда ли это?—спросилъ Владиміръ философа.

„Это такъ;" отвѣчалъ грекъ: „но мы вѣримъ въ Іисуса Христа потому, что было предсказано, что онъ родится, будетъ распятъ и погребенъ, но на третій день воскреснетъ и взойдетъ на небо. Онъ ждалъ отъ евреевъ раскаянія въ продолженіи сорока шести лѣтъ по воскресеніи; но, не дождавшись, послалъ на нихъ римлянъ, которые разрушили города ихъ, а самихъ разсѣяли по лицу земли, продавъ въ рабство".

— Чего же ради Богъ ниспосланъ на землю и претерпѣвалъ мученія?—обратился снова съ вопросомъ Владиміръ къ философу.

„Если хочешь", отвѣтилъ грекъ: „то я разскажу тебѣ въ немногихъ словахъ исторію какъ ветхаго завѣта Бога съ людьми, такъ и новаго завѣта".

— Радъ слушать;—сказалъ Владиміръ и съ особеннымъ вниманіемъ прослушалъ разсказъ философа о сотвореніи міра и человѣка, о грѣхѣ Адамовѣ и о другихъ явленіяхъ и событіяхъ сначала ветхозавѣтной исторіи, а затѣмъ, и новозавѣтной. Въ заключеніе своего разсказа философъ описалъ краснорѣчиво страшный судъ и, наконецъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, показалъ изумленному князю картину, на которой былъ изображенъ страшный судъ: праведники направо, съ веселіемъ идутъ въ рай, а грѣшники налѣво, идутъ въ муку. Владиміръ былъ въ восхищеніи отъ разсказа философа и отъ картины и, послѣ нѣкотораго раздумья, вздохнувъ, сказалъ:

— Хорошо тѣмъ, кто направо! горе тѣмъ, кто налѣво!

„Если ты, князь, хочешь быть направо", сказалъ философъ: „то крестись!"

— Подожду еще немного,—сказалъ Владиміръ. Потомъ, одаривъ философа, отпустилъ его съ честью.

Разсказъ греческаго философа произвелъ такое сильное впечатлѣніе на князя Владиміра, что, начиная съ того дня, когда происходила бесѣда его съ философомъ, идея о безсиліи языческихъ идоловъ и о ничтожествѣ самого язычества не покидала Владиміра ни на минуту. Но одно обстоятельство—что многіе его дружинники, составлявшіе главную силу рати, были закоренѣлые язычники, сильно смущало его всякій разъ, когда онъ готовъ былъ принять христіанскую вѣру.

По возвращеніи изъ похода на ятвяговъ, великій князь кіевскій Владиміръ долгое время бесѣдовалъ съ тѣми изъ своихъ дружинниковъ, которые постоянно сопровождали его и раздѣляли съ нимъ всевозможныя невзгоды и опасности всѣхъ предпринимаемыхъ имъ походовъ. Бесѣдуя съ дружинниками, Владиміръ совѣтовался, между прочимъ, съ ними о томъ, какъ ему ознаменовать ихъ славныя побѣды надъ ятвягами. Дружинники посовѣтовали князю бросить жеребій; а того отрока или дѣвицу, на кого падетъ, принести въ жертву богу Перуну. Владиміръ не замедлилъ поручить тысяцкому Путятѣ сообщить народу на вѣчѣ о рѣшеніи дружинниковъ. Великій князь кіевскій, зная, что среди кіевлянъ имѣются и христіане, предугадывалъ, что часть народа будетъ противъ рѣшенія дружинниковъ. Сознавая, что главная сила кіевской рати заключалась въ дружинникахъ—язычникахъ, Владиміръ, вопреки собственному желанію, сдѣлалъ уступку имъ, твердо рѣшивъ жить съ ними въ мирѣ. Это послѣднее рѣшеніе и смущало Владиміра всякій разъ, когда онъ намѣревался замѣнить языческую религію христіанскою. Боязнь остаться безъ защитниковъ русской земли и побуждало его все время „подождать еще немного".

Однажды, когда особенно преслѣдовала князя Владиміра мысль о томъ, какъ ему сохранить миръ съ дружинниками—язычниками, а самому креститься и, въ случаѣ нападенія на Русь враговъ, не остаться безъ помощи своихъ лучшихъ защитниковъ,—вошелъ въ великокняжескій теремъ городской старецъ Андрей побесѣдовать съ нимъ объ общественныхъ дѣлахъ Кіева. Этотъ старецъ Андрей передалъ, между прочимъ, князю Владиміру жалобу смердовъ, жившихъ въ окрестностяхъ Кіева, на постоянныя за послѣднее время насилія, совершаемыя надъ ними великокняжескими дружинниками и ихъ тіунами (т. е. управляющими имѣній). Болѣе другихъ позволяли себѣ обижать мирныхъ поселянъ тѣ дружинники, которые отличились во время послѣднихъ походовъ Владиміра и, благодаря своимъ воинскимъ подвигамъ, были въ большемъ почетѣ у великаго князя.

„Не знаю", мрачно замѣтилъ князь Владиміръ послѣ нѣкотораго размышленія: „какъ мнѣ быть съ этими алчными дружинниками—насильниками, такъ безжалостно обижающими простой народъ; еще надняхъ мнѣ разсказывалъ старецъ Петръ, что они у нѣкоторыхъ бѣдныхъ безпомощныхъ смердовъ не только отняли ихъ имущества, но и порочили ихъ женъ и дочерей. Очень бы мнѣ хотѣлось наказать ихъ построже, чтобы разъ навсегда отвадить ихъ отъ тѣхъ возмутительныхъ насилій, какія они позволяютъ себѣ въ отношеніи къ мирнымъ поселянамъ, къ смердамъ. Еще недѣля тому назадъ одинъ изъ моихъ вѣрныхъ слугъ-дружинниковъ Ярославъ, оказавшій мнѣ вмѣстѣ со своими товарищами по оружію столько услугъ во время моихъ послѣднихъ походовъ, хвалился мнѣ, въ присутствіи своихъ пріятелей, что онъ похитилъ юную красавицу—дочь одного зажиточнаго смерда, и какъ этотъ послѣдній то смиренно умолялъ Ярослава на колѣняхъ отпустить дочь-невѣсту, то произносилъ страшныя угрозы смыть кровью

безчестье своей семьи. Возмущенный до глубины души звѣрскимъ поступкомъ своего вѣрнаго слуги Ярослава, я немедленно приказалъ Ярославу возвратить убитому горемъ отцу его дочь; мой приказъ былъ встрѣченъ такимъ зловѣщимъ ропотомъ, что былъ моментъ, когда я думалъ, что жизнь моя въ опасности. Много угрозъ и заклятій пришлось мнѣ произнести прежде, чѣмъ мой приказъ былъ приведенъ въ исполненіе. Не подумай, другъ мой Андрей, чтобы меня не тяготило сознаніе, что я нахожусь въ тяжелой зависимости отъ своихъ вѣрныхъ слугъ—закоренѣлыхъ язычниковъ, исполненныхъ непонятной для меня злобы и ненависти къ мирнымъ поселянамъ!"

— Но если для тебя, князь,—возразилъ старецъ Андрей:—такъ тяжело сознаніе зависимости отъ язычниковъ, причиняющихъ столько зла, насилій и обидъ простому народу, то почему же тебѣ не попытаться уничтожить ее?—

„Легко сказать, мой другъ Андрей, совершенно уничтожить зависимость отъ тѣхъ людей,—своихъ вѣрныхъ слугъ,—коимъ я и мои подданные обязаны славными побѣдами надъ сосѣдними врагами. Ты забываешь, мой другъ, что эти враги готовы въ каждый данный моментъ поживиться богатствами, которыя успѣли накопить торговые и промышленные люди Кіева и другихъ богатыхъ городовъ русской земли. Легко сказать „уничтожить зависимость", но очень трудно, почти невозможно отречься, прогнать отъ себя тѣхъ людей—своихъ вѣрныхъ слугъ, которыхъ считаешь главными защитниками нашей земли".

— Почему же ты думаешь, князь,—продолжалъ возражать старецъ Андрей:—что такъ много враговъ у кіевскаго князя и что единственными защитниками русской земли являются великокняжескіе дружинники: эти дружинники, какъ я успѣлъ замѣтить за послѣднее время, съ большимъ удовольствіемъ грабятъ и

насилуютъ мирныхъ поселянъ, чѣмъ защищаютъ русскую землю отъ нападенія враговъ?—

„Кто же, по твоему, кромѣ дружинниковъ моихъ", спросилъ съ интересомъ князь Владиміръ: „можетъ съ успѣхомъ защитить русскую землю въ случаѣ внѣшней опасности?"

— Хотя бы земское ополченіе или земская дружина,—отвѣчалъ старецъ Андрей:—предводимая такими богатырями, какъ Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Михайло Потыкъ Ивановичъ и др.; всѣ они съ успѣхомъ одолѣваютъ заѣзжихъ заморскихъ богатырей, которые вступаютъ съ ними въ единоборство. Своею удалью и своею физическою силою, а главное своею готовностью пожертвовать собою для спасенія русской земли они много превзойдутъ твоихъ дружинниковъ, которые больше заботятся о себѣ, чѣмъ о другихъ, особенно о меньшей братіи (то-есть, о простомъ народѣ).—

„Большое тебѣ спасибо, мой другъ Андрей!" оживленно воскликнулъ князь Владиміръ (радостное и вдохновенное выраженіе его лица свидѣтельствовало, что какая-то добрая мысль озарила его умъ): „спасибо тебѣ зато, что своимъ разсказомъ о земскихъ богатыряхъ ты внушилъ мнѣ благую мысль о томъ, что спасеніе русской земли заключается не въ дружинникахъ—язычникахъ, а въ русскомъ народѣ и въ его богатыряхъ; многіе изъ нихъ, я надѣюсь, не прочь будутъ принять христіанскую вѣру. Завтра же созову своихъ бояръ и городскихъ старцевъ и сообщу имъ о своемъ рѣшеніи креститься".

Дѣйствительно, на другой день, по распоряженію Владиміра на великокняжескомъ теремномъ дворѣ собрались бояре и старцы городскіе для совѣщанія о вѣрѣ христіанской. Когда всѣ собрались, князь Владиміръ обратясь къ собравшимся, сказалъ:

„Я позвалъ васъ, мои друзья, чтобы побесѣдовать

съ вами о новой вѣрѣ и о замѣнѣ ею исповѣдуемой нами языческой религіи. Отъ сосѣднихъ народовъ въ разное время приходили къ намъ проповѣдники-магометане, католики, евреи и христіане. Каждый изъ нихъ хвалилъ свою вѣру; послѣдними пришли греки; они хулили всѣ другіе законы, но хвалили свой; много они говорили о началѣ міра, о бытіи его. Говорили греки красно и чудно; ихъ слушать было пріятно; они говорили, что есть другой свѣтъ, и что кто вступитъ въ ихъ вѣру, тотъ, если умретъ, оживетъ и во вѣки не умретъ; а кто другой законъ приметъ, тому горѣть въ огнѣ на томъ свѣтѣ. Друзья мои! я хотѣлъ спросить васъ, — чья религія больше всего вамъ нравится".

— Ты знаешь, князь,—отвѣчали бояре и старцы городскіе:—что никто не станетъ свое хулить, а будетъ непремѣнно расхваливать. А потому, если хочешь узнать правду, то пошли своихъ мужей; пусть они посмотрятъ, какъ каждый народъ исповѣдуетъ свою вѣру!—

Понравился этотъ совѣтъ князю Владиміру и всѣмъ людямъ; рѣшено было выбрать десять мужей хорошихъ и смышленныхъ, которые и были отправлены познакомиться съ религіями сосѣднихъ народовъ.

Посланные великимъ княземъ кіевскимъ мужи посѣтили прежде всего Болгарію, присутствовали при магометанскомъ богослуженіи и, недовольные тѣмъ, что видѣли, отправились къ католикамъ. Католическое богослуженіе также имъ не понравилось, и они направились въ Грецію. Узнавъ объ ихъ прибытіи, византійскіе императоры Василій и Константинъ сказали патріарху: „Пришли русскіе славяне разузнать о нашей вѣрѣ; убери церковь, какъ можно лучше, и устрой самое торжественное богослуженіе; самъ одѣнься въ святительскія ризы; пусть видятъ русскіе славяне славу Бога нашего!"

Въ соборной церкви св. Софіи въ Константинополѣ,

въ храмѣ, великолѣпнѣйшемъ изъ всѣхъ православ-
ныхъ храмовъ того времени, готовилась торжествен-
ная обѣдня. Тысячи свѣчей ярко освѣщали внутрен-
ность храма, и огонь ихъ красиво игралъ на золотыхъ
и серебряныхъ ризахъ иконъ. Великолѣпнѣйшія бла-
говонія курились и наполняли воздухъ пріятнымъ аро-
матомъ. Украшенные алмазами и жемчужинами одежды
священнослужителей дополняли эту картину велико-
лѣпія; а стройное церковное пѣніе многочисленныхъ
хорошо обученныхъ пѣвчихъ такъ и проникало въ ду-
шу молящихся и наполняло ее неизъяснимо сладким
чувствомъ благоговѣнія передъ Творцомъ вселенной.
Русскихъ пословъ поставили на такое мѣсто, откуд
можно было обозрѣть все великолѣпіе торжественнаг
богослуженія. Послѣ обѣдни византійскіе императоры
призвали пословъ къ себѣ во дворецъ, задали им
пиръ на славу и, одаривъ ихъ различными цѣнным
вещами, отпустили на родину.

Русскіе послы были очарованы богатствомъ и ве
ликолѣпіемъ греческой церковной службы, а такж
гостепріимствомъ греческихъ царей. Не заѣзжая уж
въ тѣ земли, въ которыхъ жили евреи, они прям
отправились домой, горя нетерпѣніемъ высказать сво
ему князю то впечатлѣніе, которое на нихъ произвел
греческая православная вѣра.

Когда послы воротились въ Кіевъ, Владиміръ опят
созвалъ бояръ и старцевъ городскихъ, хотя самъ уж
напередъ рѣшилъ вопросъ о превосходствѣ вѣры гр
ческой надъ другими вѣрами; но, не желая столь вах
ное дѣло рѣшать безъ бояръ и старцевъ городских
онъ велѣлъ посламъ еще разъ передъ всѣмъ собр
ніемъ повторить разсказъ о путешествіи.

„Были мы у болгаръ", такъ разсказывали послы в
присутствіи бояръ и старцевъ городскихъ: „видѣли м
какъ они молятся въ мечетяхъ: стоятъ безъ пояс
поклонятся и потомъ сядутъ и глядятъ по сторонам

какъ бѣшеные; не весело у нихъ, но печально нехорошъ ихъ законъ. Были у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы; но нѣтъ у нихъ никакой красоты. Потомъ пришли мы къ грекамъ, и повели они насъ туда, гдѣ служатъ своему Богу, и не знали мы тогда, на землѣ ли мы были или на небѣ! Такой красоты на землѣ нѣтъ; мы убѣждены и увѣрены, что тамъ именно Богъ пребываетъ съ людьми. Мы не можемъ забыть и, думаемъ, никогда не забудемъ той красоты. Каждый человѣкъ, когда попробывалъ сладкаго, не можетъ вкусить горькаго,—такъ и мы".

Бояре и старцы городскіе, выслушавъ рѣчь пословъ, сказали князю:

— Если бы былъ плохъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга; а она была мудрѣйшая изъ людей.—

Примѣръ предковъ имѣлъ громадное значеніе для Владиміра и для современнаго ему древнерусскаго общества. Съ другой стороны, вслѣдствіе частыхъ торговыхъ сношеній кіевскихъ купцовъ съ греческими, жившими въ Царьградѣ (такъ назывался встарину Константинополь), греческая вѣра была болѣе или менѣе извѣстна въ Кіевѣ еще при отцѣ Владиміра Св., при Святославѣ и дѣдушкѣ его — Игорѣ; при Игорѣ уже существовалъ въ Кіевѣ христіанскій храмъ пророка Ильи. Поэтому, великій князь кіевскій Владиміръ, нисколько не колеблясь болѣе въ выборѣ вѣры, спросилъ у бояръ и старцевъ городскихъ:

„Гдѣ же мы крестимся?"

— Гдѣ тебѣ, князь, будетъ угодно!—поспѣшно отвѣтили бояре и старцы городскіе.

Не хотѣлось гордому русскому князю посылать къ грекамъ и просить ихъ о присылкѣ священниковъ. Князь Владиміръ рѣшилъ отправиться въ походъ на греческую землю, намѣреваясь сначала побѣдить грековъ, а затѣмъ, по заключеніи съ ними мирнаго дого-

вора, пригласить ихъ священниковъ для совершенія обряда крещенія.

Но далеко не одна лишь гордость побуждала великаго князя кіевскаго отправиться сначала походомъ на грековъ, а затѣмъ ужъ, побѣдивъ ихъ, креститься. Владиміромъ руководило также желаніе испытать качество ратныхъ силъ русской земли и въ томъ случаѣ, когда не всѣ дружинники согласны были принять участіе въ походѣ на грековъ. Дѣло въ томъ, что когда въ Кіевѣ стало извѣстно, что послѣдствіемъ похода на грековъ должно быть крещеніе Руси, то наиболѣе ревностные и закоренѣлые язычники, находившіеся въ великокняжеской дружинѣ, категорически, наотрѣзъ отказались отъ участія въ походѣ на грековъ и просили князя Владиміра немедленно отпустить ихъ навсегда; они надѣялись, что такимъ рѣшительнымъ отказомъ отъ ратной службы заставятъ великаго князя кіевскаго призадуматься и даже, быть можетъ, отказаться отъ обращенія въ христіанство русскаго народа.

Однажды въ просторныхъ хоромахъ дружинника Ярополка собрались наиболѣе вліятельные изъ его друзей и долго толковали о томъ, какъ бы уговорить великаго князя кіевскаго Владиміра не принимать крещенія.

„Друзья мои“, сказалъ дружинникъ Петръ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ:„ я придумалъ одно средство, которое, по моему, можетъ побудить нашего князя Владиміра не креститься“.

— Говори, говори скорѣе, нашъ умнѣйшій другъ Петръ! Ты всегда былъ среди насъ самый изобрѣтательный и хитроумный! — послышались веселые возгласы остальныхъ дружинниковъ; они находились въ нѣсколько возбужденномъ состояніи вслѣдствіе гостепріимнаго обычая хлѣбосольнаго хозяина кормить гостей до сыта и поить ихъ до пьяна:—разсказывай намъ поскорѣе, въ чемъ состоитъ предлагаемое тобою средство

мы всѣ сгораемъ нетерпѣніемъ узнать о томъ, какъ можно скорѣе! — торопили Петра его пріятели, подсаживаясь на скамьи, поближе къ нему.

„Дѣло въ томъ, мои друзья, что вы неоднократно сами замѣчали и отъ своихъ пріятелей слышали, что изъ всѣхъ своихъ женъ болѣе другихъ нашъ князь любитъ прекрасную Адель. Среди же васъ, мои пріятели, имѣется два ея родственника: ея дядя—неустрашимый нашъ витязь Федоръ—и двоюродный братъ—непобѣдимый богатырь нашъ Иванъ; пусть они поговорятъ съ прекрасною ихъ родственницею Аделью и скажутъ ей, что если князь Владиміръ отправится въ Грецію и приметъ тамъ христіанскую вѣру, то онъ забудетъ ее; принявъ изъ рукъ византійскихъ императоровъ новую вѣру, нашъ князь женится на ихъ сестрѣ Аннѣ. Хитрая и красивая черноокая гречанка съумѣетъ полонить любящее сердце Владиміра, и тогда онъ навѣрно забудетъ ее, свою любимицу Адель".

— Разумно, разумно ты молвишь!—прервалъ Петра дружинникъ Ярополкъ.—

„Я завтра же увижу и поговорю съ нашимъ доблестнымъ витяземъ Ѳедоромъ и съ нашимъ славнымъ богатыремъ Иваномъ; я надѣюсь, что они исполнятъ нашу просьбу переговорить съ Аделью, если вы, мои друзья, того желаете".

— Мы всѣ того желаемъ,—раздались энергичные возгласы остальныхъ дружинниковъ:— и будемъ ждать съ великимъ нетерпѣніемъ того дня и часа, когда разумное слово красавицы Адели, быть можетъ, рѣшитъ дѣло въ нашу пользу.

IV.

Глубокая тишина царила надъ Днѣпромъ. Была теплая лѣтняя ночь. Многочисленныя звѣзды горѣли и свѣтились на темномъ небосклонѣ, ярко отражаясь въ синей зеркальной поверхности водъ Днѣпра. Стоя у окна своего терема, въ ожиданіи прихода князя Владиміра, прекрасная Адель любовалась чуднымъ видомъ Днѣпра. Многія мысли и воспоминанія роились въ ея отзывчивой душѣ. Между прочимъ, вспомнила она ту ночь, когда она, испытывая расположеніе къ себѣ Владиміра, настояла на немедленномъ удаленіи изъ великокняжескаго терема злополучной и горемычной Рогнѣды. Тогда было ей такъ весело, и сердце ея, при сознаніи побѣды надъ своей соперницей, наполнялось неизъяснимо-радостнымъ чувствомъ. Теперь же, когда она любовалась чуднымъ видомъ Днѣпра, при воспоминаніи о Рогнѣдѣ, ей становилось жутко; ея сердце начинало давить тяжелое чувство жалости и мучительное чувство опасенія, внушаемое, быть можетъ, сознаніемъ, что и съ ней можетъ случиться то же, что по ея настоянію случилось когда-то съ Рогнѣдой. Разсказъ ея родственниковъ Ѳедора и Ивана о чернооко́й кра-

сивой гречанкѣ—сестрѣ византійскихъ императоровъ, могущей своею хитростью плѣнить любящее сердце Владиміра, произвело сильное впечатлѣніе на чуткое сердце Адели. Быть можетъ, думала она: хитрая гречанка такъ же поступитъ со мною, какъ нѣкогда я поступила съ горемычною Рогнѣдою. Неужели судьба рѣшила и мнѣ быть такой же несчастной и горемычной, какъ Рогнѣда. Подъ вліяніемъ такихъ мрачныхъ мыслей слезы показались на прекрасныхъ глазахъ Адели. Но не успѣла она предаться дальнѣйшему теченію своихъ невеселыхъ думъ, какъ послышался шумъ шаговъ: къ терему приближался быстро Владиміръ.

„Что съ тобою, моя дорогая Адель"? спросилъ онъ ласково, войдя въ теремъ и замѣтивъ слезы на глазахъ своей жены.

— Разныя мрачныя мысли навели на мою душу такую тоску и печаль, что передъ твоимъ приходомъ я готова была горько, горько заплакать,— тяжело вздохнувъ, мрачно отвѣчала Адель, стараясь улыбнуться сквозь слезы въ отвѣтъ на ласку Владиміра, который нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ.

„Но кто тебя такъ встревожилъ и посмѣлъ испортить, нарушить твое всегда радостное настроеніе духа? Скажи мнѣ скорѣе, дорогая Адель, кто въ моемъ отсутствіи нагналъ на тебя, всегда веселую, такую тоску и печаль"?

— Дорогой мой князь! Я не могу тебѣ назвать человѣка, который своими разсказами такъ опечалилъ меня, что я готова горько заплакать; но я могу разсказать тебѣ слухи, которые дошли до меня, породили въ моей головѣ мрачныя мысли, уничтожить которыя можешь только ты одинъ и больше никто. Я узнала, что ты рѣшилъ креститься и вступить въ брачный союзъ съ черноокою гречанкою — сестрою греческихъ императоровъ. Скажи мнѣ безъ обмана, дорогой Владиміръ, справедливы ли эти слухи; но помни, что отъ

твоего отвѣта будетъ зависѣть, насколько радостна или горемычна будетъ моя жизнь! Умоляю тебя, дорогой князь, не мучь меня неопредѣленными отвѣтами, а главное не обманывай меня, если хоть сколько-нибудь любишь меня!—

„Какъ тебѣ не стыдно, дорогая Адель, сомнѣваться въ моей любви! Неужели ты не замѣчаешь", не безъ волненія промолвилъ Владиміръ: „что я тебя, моя ненаглядная, люблю больше всѣхъ на свѣтѣ! Не могу понять, кто могъ тебѣ разсказывать сказки о моей женитьбѣ на какой-то гречанкѣ! Вѣдь объ этомъ до сихъ поръ и рѣчи не было".

— Но, можетъ быть, мысли были о томъ, мой дорогой князь?—лукаво улыбаясь и пристально смотря на Владиміра, промолвила Адель вопросительнымъ и испытывающимъ тономъ.

„Рѣшительно не понимаю, кто могъ наболтать тебѣ о моей женитьбѣ на гречанкѣ царевнѣ и смутить пустою болтовнею твой душевный покой"! продолжалъ, нѣсколько волнуясь, говорить Владиміръ, уклоняясь отъ прямого отвѣта на вопросъ Адели.

Чуткое женское сердце почувствовало всю неискренность признанія Владиміра. Мучительное чувство сомнѣнія, закравшееся въ любящее сердце Адели, не уменьшилось, а увеличилось подъ вліяніемъ уклончивыхъ его отвѣтовъ. Поэтому, она рѣшила еще разъ испытать его расположеніе къ себѣ и потребовать отъ него рѣшительнаго да! или нѣтъ!

— Дорогой Владиміръ!—начала Адель, чувствуя, что отъ сильнаго волненія она съ трудомъ переводила дыханіе:—можешь ли ты безъ всякаго обмана отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ?—

„Конечно, могу, дорогая моя! Только не возьму я въ толкъ, что могло тебя такъ разстроить! Вѣдь ничего еще ни съ тобою, ни со мною не произошло; а ты, моя ненаглядная, уже страдаешь, готова за-

рыдать и пытаешь меня непонятными для меня вопросами".

— Ты говоришь, дорогой князь, что ничего не произошло; а развѣ готовится произойти съ тобой и со мною что-нибудь особенное? Не мучь меня, мой дорогой Владиміръ, я тебя умоляю, скажи мнѣ, что ожидаетъ меня и тебя, въ будущемъ! —

„Успокойся, моя дорогая! выкинь изъ головы мрачныя мысли, которыя какой-то недобрый человѣкъ забросилъ ихъ туда! Помни, что я тебя люблю, моя ненаглядная, и будь по прежнему весела и счастлива".

— Я буду счастлива, — прерывающимъ отъ сильнаго волненія голосомъ, но рѣшительно сказала Адель: — если ты всегда останешься вѣренъ данному мнѣ обѣщанію, данному въ ту злополучную для Рогнѣды и счастливую для меня ночь, когда ты, мой дорогой, изгоняя изъ своего терема Рогнѣду вмѣстѣ съ ея малолѣтнимъ сыномъ, говорилъ мнѣ, что такъ сильно меня любишь, что исполнишь мое любое желаніе! Тогда я не сомнѣвалась въ твоей любви и не требовала отъ тебя никакихъ новыхъ доказательствъ. Теперь же, когда сомнѣніе закралось въ мое сердце и начинаетъ мучительнымъ образомъ точить его, я позволю спросить тебя, дорогой князь, любишь ли ты меня въ настоящее время такъ сильно, такъ безумно, какъ въ ту счастливую ночь, когда ты далъ мнѣ слово исполнить всякія мои желанія?—

„Конечно, я тебя люблю такъ, какъ прежде любилъ", отвѣчалъ въ сильномъ волненіи Владиміръ, озадаченный неожиданнымъ для него вопросомъ: „но я прошу тебя, моя дорогая, объясни мнѣ, какія мои дѣйствія побудили тебя задать мнѣ такой странный вопросъ?"

— Я тебѣ все объясню, дорогой князь, если ты отвѣтишь на мой вопросъ: остался ли ты вѣренъ данному мнѣ слову — исполнить мое любое желаніе?—

„Конечно, я въ отношеніе къ тебѣ всегда былъ, есть и буду вѣренъ своему слову, если только ты, моя дорогая, будешь просить отъ меня что-либо возможное, не превышающее моихъ средствъ матеріальныхъ и силъ душевныхъ! Проси у меня, моя ненаглядная, чего хочешь! только не мучь меня такими странными вопросами!"

— Я тебя очень прошу сейчасъ о томъ, что ты можешь исполнить! Не отправляйся вмѣстѣ съ войсками въ походъ противъ грековъ! Пошли вмѣсто себя своего дядю Добрыню или тысяцкаго Путяту, или кого другого изъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Я тебя умоляю, дорогой князь, не отправляйся въ страну грековъ: греки—народъ хитрый, они обольстятъ тебя и погубятъ. Мое вѣщее сердце чуетъ бѣду, которое постигнетъ насъ съ тобою, если ты покинешь родной городъ. Умоляю тебя слезно, останься со мною въ Кіевѣ! Помни, дорогой князь, что мое чуткое сердце никогда меня не обманывало. Поэтому, если не хочешь меня погубить или самъ погибнуть, то не отправляйся въ походъ на грековъ!—

„Зачѣмъ ты меня сегодня такъ мучаешь странными вопросами и невозможными просьбами? Развѣ я могу, моя дорогая Адель, оставить цѣлое войско на произволъ судьбы. Тебѣ хорошо извѣстно, что какъ языческіе боги, такъ и Богъ Христіанскій любитъ храбрыхъ и почти всегда охраняетъ ихъ отъ всякой напасти. Почему ты думаешь, моя дорогая, что непремѣнно долженъ я погибнуть, сражаясь съ греками? Судьба избавляла меня отъ многихъ опасностей; надѣюсь, что и на этотъ разъ она меня пощадитъ. Напрасно ты, дорогая, волнуешь себя всякими мрачными мыслями, а меня пытаешь и мучаешь невозможными просьбами. Можетъ ли народъ уважать и почитать того князя, который побоится выступить въ походъ противъ враговъ его? Развѣ не будутъ надо мною смѣяться мои

дружинники, когда узнаютъ или догадаются, что я потому только не выступилъ во главѣ войска въ походъ, что повѣрилъ тяжелому предчувствію любящей меня жены"?

— Я вижу, что ты, дорогой мой князь, столь любимый и почитаемый русскимъ народомъ за свое доброе, но мужественное сердце и за великій разумъ, непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и своихъ подданныхъ любишь не меньше (а быть можетъ, и больше), чѣмъ меня. Но позволь мнѣ обратиться къ тебѣ, князь, еще съ одной просьбой, болѣе возможной, чѣмъ моя прежняя!—

„Повторяю тебѣ, дорогая Адель, проси меня, о чемъ ты хочешь! Я готовъ для тебя, моя ненаглядная, сдѣлать все, если только ты не потребуешь отъ меня, чтобы я дѣйствовалъ не на пользу своего народа, своей родины. Запомни, моя дорогая, что счастье моего народа, моей родины для меня дороже моего личнаго счастья"!

— Не будь ты героемъ, достойнымъ любви своего народа, я бы не полюбила тебя такъ горячо и нѣжно. Много князей, богатырей и витязей просили у моего отца руки моей, но всѣмъ имъ я отказывала, признавъ тебя самымъ достойнымъ женихомъ. Но если для тебя, мой дорогой Владиміръ, хоть сколько-нибудь дорога моя жизнь, мое счастье, то умоляю тебя, исполни мою, быть можетъ, послѣднюю просьбу; я очень и очень прошу тебя, когда ты будешь въ странѣ грековъ, не женись на гречанкѣ—сестрѣ византійскихъ императоровъ; я слыхала, что хитрыя гречанки способны скорѣе обмануть, обольстить и погубить своихъ мужей, чѣмъ сдѣлать ихъ счастливыми. Дай мнѣ слово, мой дорогой, что ты не возьмешь себѣ въ жены гречанку! —

„Если того не потребуетъ польза и счастье народа!" мрачно, но торопливо прервалъ Владиміръ рѣчь Адели, становившуюся для него все болѣе и болѣе мучительною и досадною.

— Какую пользу, какое счастье можетъ доставить народу твой брачный союзъ съ гречанкою?—

„Этотъ союзъ можетъ навсегда установить мирныя отношенія грековъ къ моему народу, столь необходимыя для того, чтобы наши купцы могли бы во всякое время торговать съ греками и этою торговлею обогащать себя и нашу родину—Русь. Но прошу тебя объ одномъ", прибавилъ Владиміръ, замѣтивъ, что слезы текли уже изъ прекрасныхъ глазъ Адели и что прерывистое дыханіе предвѣщало истеричныя рыданія: „не волнуй себя преждевременно всякими мрачными мыслями, а лучше помни объ одномъ, что кого-бы я ни взялъ себѣ въ жены, если того потребуетъ польза и счастье моего народа, я никогда не забуду тебя и попрежнему буду тебя любить больше другихъ"!

— Зачѣмъ, мой дорогой князь,—съ трудомъ проговорила Адель прерывающимся отъ сильнаго волненія голосомъ, при чемъ губы ея дрожали, глаза были полны слезъ, дыханіе было тяжелое; каждую минуту она готова была разразиться истеричными рыданіями: — зачѣмъ ты хочешь меня обмануть? Неужели ты думаешь, я не понимаю, что, взявъ себѣ въ жены христіанку и крестившись, ты будешь вѣрнымъ своей новой женѣ! Ты лучше меня знаешь, что, по обычаю христіанскихъ народовъ, полагается имѣть лишь одну жену; а по вѣрованію этихъ народовъ, какъ мнѣ еще на дняхъ разсказывалъ мой дядя и твой дружинникъ Ѳедоръ, многоженство и вообще измѣна своей женѣ почитается великимъ грѣхомъ! Я сомнѣваюсь, чтобы ты, мой дорогой, когда примешь крещеніе, рѣшился изъ-за любви ко мнѣ нарушить законъ христіанскій и тѣмъ самымъ навлечь на себя и на столь любимый тобою народъ гнѣвъ Божій. Лучше сознайся, князь, что ты охладѣлъ ко мнѣ, не любишь меня, какъ...—

Истеричныя рыданія прервали рѣчь Адели; въ изнеможеніи она упала на грудь Владиміра; судорожно

сжимала она руками его шею и, громко рыдая, проливала на его одежду цѣлые потоки слезъ.

То были мучительныя минуты для князя Владиміра. Онъ сознавалъ, что одно его слово: — не женюсь на гречанкѣ!—могло бы сразу успокоить столь несчастную въ тотъ моментъ Адель и ея великую печаль обратить въ величайшую радость. Но сознаніе своего долга передъ народомъ и сознаніе, что такимъ малодушнымъ поступкомъ, подобнымъ предпочтеніемъ счастья одного человѣка счастью цѣлаго народа, столь дорогой для него родины онъ, великій князь кіевскій, можетъ вызвать къ себѣ общее презрѣніе со стороны не только кіевлянъ, но и населенія всей Руси. Владиміръ чувствовалъ, что скоро наступитъ моментъ, когда онъ, утомленный впечатлѣніями дня, не въ состояніи будетъ больше переживать столь мучительныя минуты: для него становилось невыносимымъ быть свидѣтелемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ виновникомъ великаго горя несчастья той женщины, которую онъ прежде такъ нѣжно и горячо любилъ; онъ чувствовалъ, что еще нѣсколько такихъ мучительныхъ минутъ, и онъ разразится рыданіями. Когда Владиміръ замѣтилъ, что Адель впадаетъ отъ сильнаго волненія въ безсознательное состояніе, онъ осторожно снялъ съ своей шеи ея похолодѣвшія руки и посадилъ ее на скамейку, стоявшую близъ окна терема; самъ же, желая нѣсколько успокоиться, подошелъ къ окну, чтобы полюбоваться чуднымъ видомъ Днѣпра и многочисленныхъ звѣздъ, горѣвшихъ и свѣтившихся на темномъ небосклонѣ и ярко отражавшихся въ синей зеркальной поверхности водъ Днѣпра. Эта чудная звѣздная ночь напоминала ему многія счастливыя минуты его жизни, когда онъ наслаждался чувствомъ взаимной любви и когда единственной заботой его было выпить до дна ту чашу наслажденій, какую представляетъ изъ себя наша жизнь въ немногіе моменты нашего пребыванія на землѣ. Выплывавшая изъ-

за горъ луна, которая своимъ серебристымъ свѣтомъ озаряла оба берега Днѣпра, придавая ему еще болѣе фантастичный и очаровательный видъ, напомнила ему ту ужасную ночь, когда онъ могъ погибнуть отъ рукъ Рогнѣды.

— Кто можетъ поручиться,—такъ думалъ Владиміръ:—что Адель не поступитъ съ нимъ такъ же, какъ хотѣла поступить Рогнѣда. Быть можетъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, заснувъ беззаботно, я ужъ больше не проснусь, умерщвленный кинжаломъ мстительной Адели.—

Въ ту чудную звѣздную ночь, вспоминая свое прошлое и обдумывая свое настоящее, Владиміръ понялъ, что навсегда кануло въ вѣчность то беззаботное время, когда никакія житейскія волненія не отравляли его безмятежнаго счастья; онъ понялъ въ ту ночь, что для него наступаетъ иная пора жизни, когда ни горячая страсть Адели, ни спокойная любовь будущей жены Анны, о которой ему разсказывали много хорошаго, не могутъ доставить ему совершеннаго счастья на землѣ. Онъ чувствовалъ, что счастье его народа и нѣжно любимой имъ родины стало для него съ нѣкоторыхъ поръ дороже его личнаго счастья; онъ понялъ въ концѣ концовъ, что только сознаніе достиженія счастья и благополучія всей Руси можетъ быть удовлетвореніемъ его безъ устали работающему уму и горячо любящему сердцу.

— Что со мною? гдѣ я? — очнувшись, испуганно вскрикнула Адель и своимъ крикомъ прервала размышленіе Владиміра.

„Успокойся, дорогая, ты у себя и со мной!“ спокойно проговорилъ князь Владиміръ и, подойдя къ ней, поцѣловалъ ее въ голову.

Послѣ нѣсколько минутъ молчанія, быстро вставъ со скамейки, Адель рѣшительнымъ тономъ сказала Владиміру:

— Если ты, князь, рѣшилъ жениться на греческой

царевнѣ, лучше всего отпусти меня къ моему дядѣ Ѳедору, который, не желая креститься, намѣренъ покинуть тебя и поселиться гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Кіева по сосѣдству съ дремучими лѣсами. Тамъ, среди полей и лѣсовъ, скорѣе успокоится мое горемычное сердце.—

„Напрасно ты торопишься, моя дорогая Адель, что-либо рѣшать", проговорилъ взволнованный Владиміръ, котораго сильно встревожило и опечалило рѣшеніе Адели покинуть его: „еще неизвѣстно, состоится ли мой брачный союзъ съ греческой царевной, а ты ужъ бѣжишь отъ меня и не хочешь меня больше видѣть. Послѣдній разъ прошу тебя, моя ненаглядная, оставь на время свои мрачныя мысли и успокойся"!

— Не могу, дорогой князь, я успокоиться: слишкомъ я вѣрю своему вѣщему сердцу. Предлагаю тебѣ на выборъ: не отправляться въ походъ на грековъ и не жениться на греческой царевнѣ, а остаться въ Кіевѣ въ томъ самомъ теремѣ, гдѣ мы теперь находимся. Если же ты безповоротно рѣшилъ во главѣ своихъ войскъ отправиться походомъ въ Грецію и тамъ жениться, то немедленно покинь меня. Иначе на тебя нападутъ и убьютъ стерегущіе этотъ теремъ мой дядя съ своею дружиною; они находятся въ моемъ саду и явятся немедленно, какъ только я покажусь у окна и крикну имъ.—

Требованіе немедленнаго отвѣта и вѣсть о заговорѣ на его жизнь не только озадачили, но даже ошеломили князя Владиміра. Не зная, что ему предпринять, онъ бросился было къ Адели, намѣреваясь лаской смягчить ея рѣшеніе. Но она рѣзко оттолкнула его отъ себя и тотчасъ же бросилась къ окошку, намѣреваясь крикнуть и позвать своего дядю и его дружину. Простоявъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи и замѣтивъ, къ великому своему изумленію, зловѣщій блескъ въ прекрасныхъ глазахъ Адели, лицо которой было ярко

въ тотъ моментъ озарено серебристымъ свѣтомъ поднявшейся надъ горами луной, Владиміръ, послѣ нѣкотораго размышленія, рѣшилъ лучше покинуть любимую жену, чѣмъ лишить себя возможности путемъ брачнаго союза съ сестрою византійскихъ императоровъ сблизить языческую Русь съ христіанской Византіей и тѣмъ обогатить свой народъ нравственно, умственно и матеріально; рѣшивъ пожертвовать своимъ личнымъ счастьемъ, чтобы скорѣе достичь благоденствія своего народа, онъ поспѣшилъ выйти изъ терема Адели.

На другой день вся великокняжеская дружина знала о твердомъ намѣреніи князя Владиміра отправиться въ походъ въ Грецію и принять тамъ крещеніе.

Тогда дружинники-язычники, видя, что князь Владиміръ ни на минуту не колеблется въ своемъ рѣшеніи креститься, отправились къ нему, желая на прощанье поговорить съ нимъ. Во главѣ этихъ дружинниковъ былъ извѣстный намъ Петръ, который, прощаясь съ княземъ, какъ съ своимъ бывшимъ полководцемъ, военачальникамъ, съ укоромъ сказали ему:

„Не ожидали мы отъ тебя, великій князь кіевскій, что ты измѣнишь намъ, забывъ такъ скоро наши ратные труды и подвиги, благодаря которымъ такъ упрочилось твое положеніе на Руси. Но прощаясь съ тобою, князь, и благодаря тебя за твое доброе и справедливое отношеніе ко всѣмъ намъ, мы надѣемся, что если твои подданные-христіане окажутся плохими защитниками русской земли оть нападенія враговъ, ты, князь, снова обратишься къ намъ и убѣдишься тогда, что языческіе боги лучше помогаютъ воинственнымъ князьямъ на полѣ брани, чѣмъ Богъ Христіанскій, Который учитъ прощать даже своимъ заклятымъ врагамъ, а ни въ какомъ случаѣ не мстить имъ. Хотя мы тебя, князь, и покидаемъ, но мы не бѣжимъ за море, какъ нѣкогда ты бѣжалъ отъ князя Ярополка, а удаляемся лишь въ близь лежащіе кіевскіе лѣса, что-

бы при каждомъ удобномъ случаѣ напоминать тебѣ, что сила великокняжеской рати должна заключаться не въ почитаніи и ношеніи креста, а въ искусствѣ владѣть мечомъ"!

Въ тяжеломъ раздумьѣ оставили дружинники князя Владиміра. Угроза дружинниковъ нападать на мирныхъ поселянъ Кіева и его окрестностей въ связи съ тяжелыми впечатлѣніями предъидущей ночи крайне удручающимъ образомъ подѣйствовали на мрачно настроенную душу князя Владиміра. Жалко ему было разставаться съ своими дружинниками не потому, что онъ мечталъ о завоеваніяхъ, а потому, что на закаленныхъ въ бояхъ и опытныхъ въ ратномъ искусствѣ дружинниковъ онъ привыкъ смотрѣть, какъ на вѣрныхъ и надежныхъ защитниковъ своего народа. Но вспомнивъ разсказъ старца Андрея о народныхъ богатыряхъ, объ ихъ искренней, беззавѣтной преданности родинѣ и о постоянной ихъ готовности пожертвовать собою для спасенія русской земли, князь Владиміръ нѣсколько успокоился.

Вспоминая разумныя рѣчи старца Андрея, князь пересталъ сомнѣваться въ нравственной силѣ русскаго народа; сознаніемъ его больше и больше овладѣвала та мысль, что беззавѣтная любовь народа къ родинѣ и сердечная преданность любимому имъ князю могутъ больше принести пользы русской землѣ, чѣмъ воинственный задоръ и корыстныя наклонности великокняжескихъ дружинниковъ-язычниковъ. Подъ вліяніемъ думы о простомъ народѣ и объ его богатыряхъ, Владиміръ сталъ твердъ въ своемъ рѣшеніи креститься, а потому, не замедлилъ объявить кіевлянамъ походъ на грековъ. На бурномъ и шумномъ вѣчѣ, созванномъ тогда же, по желанію Владиміра, тысяцкимъ Путятою, выяснилось, что далеко не всѣ язычники готовы принять участіе въ походѣ.

„Много мы поработали на великаго князя кіев-

скаго Владиміра", раздавались отдѣльные возгласы среди великокняжескихъ дружинниковъ: „воюя съ врагами русской земли, да мало наградъ получили мы отъ него; еще на прошлой недѣлѣ лучшіе изъ нашихъ начальниковъ вмѣсто награды получили выговоръ отъ князя, а двухъ изъ нихъ даже выгнали изъ дружины за то только, что они позволили себѣ пограбить непочтительныхъ къ нимъ смердовъ и отнять у нихъ женъ и дочерей. Пусть теперь попробуютъ обойтись безъ насъ! Посмотримъ, удастся ли одолѣть грековъ земской дружинѣ, набранной изъ смердовъ-земледѣльцевъ и плотниковъ"!

Одновременно съ возгласами недовольныхъ язычниковъ раздавались громкіе и радостные возгласы смердовъ, среди которыхъ съ быстротою молніи облетѣла столь пріятная ихъ сердцу вѣсть, что изъ-за нихъ, смердовъ, великій князь кіевскій Владиміръ ссорится съ своими лучшими дружинниками, наказывая ихъ за тѣ насилія, какія они позволяли себѣ по отношенію къ простому народу.

„Да здравствуетъ нашъ защитникъ и кормилецъ-великій князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко"! раздавались радостные возгласы ликующихъ смердовъ: „веди насъ, куда хочешь! мы всюду за тобой пойдемъ"!

Многочисленная русская рать, значительная часть которой составляла земская дружина, подъ начальствомъ князя Владиміра отправилась изъ Кіева. Цѣлью предпринятаго Владиміромъ похода былъ не Константинополь, а городъ Корсунь, построенный греками тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Севастополь, то-есть, на берегу Чернаго моря (въ Крыму). Русская рать подступила къ городу, и началась осада. Корсунцы, даже послѣ неудачной для нихъ битвы въ открытомъ полѣ, отказались сдаться. Владиміръ объявилъ, что цѣлыхъ три года будетъ стоять подъ городомъ и, такимъ обра-

зомъ, или возьметъ силою, или голодомъ принудитъ ихъ къ сдачѣ.

Корсунцы, однако, не унывали и рѣшились защищаться до послѣдней крайности, надѣясь на свои крѣпкія стѣны, разрушить которыя было чрезвычайно трудно. Владиміръ началъ съ того, что приказалъ насыпать высокій валъ передъ городомъ; онъ предполагалъ, что русскіе стрѣлки, стоя на вершинѣ этого вала, будутъ въ состояніи пускать стрѣлы въ городъ и убивать всякаго, показывающагося на городской стѣнѣ. Корсунцы сообразили, въ чемъ дѣло, и пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы избѣжать угрожающей имъ опасности. Они сдѣлали подземный выходъ изъ города къ валу и ночью разрушали то, что днемъ успѣвали построить русскіе; а чтобы земля отъ разрушеннаго вала не повышала почвы передъ стѣнами города и, такимъ образомъ, не облегчала русскимъ воинамъ попытокъ взобраться на стѣны, они уносили ее съ собою и наваливали на одну площадь своего города. Скоро въ Корсунѣ выросла отъ этого цѣлая гора. Владиміръ былъ чрезвычайно недоволенъ медленностью, съ которой шла осада города, но онъ терпѣливо выжидалъ лучшихъ обстоятельствъ. Крайне тяготило его сознаніе, что одно изъ предсказаній покинувшихъ его дружинниковъ, повидимому, стало оправдываться: земская дружина, состоявшая преимущественно изъ земледѣльцевъ и всякаго рода ремесленниковъ, оказалась совершенно неопытною и мало искусною въ дѣлѣ осады городовъ; она не вела осады Корсуни съ такимъ искусствомъ, какимъ отличались во время прежнихъ походовъ Владиміра его опытные дружинники, научившіеся за моремъ (т. е. у варяговъ) ратному искусству.

Но взволнованная минутными сомнѣніями душа будущаго христіанина находила себѣ успокоеніе въ увѣренности въ помощь Божію; эта увѣренность помогала

Владиміру спокойно выжидать лучшихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ или проявленія помощи Божьей. Вдругъ приносятъ ему стрѣлу, къ которой было привязано письмо. Стрѣла, какъ потомъ оказалось, была пущена однимъ изъ осажденныхъ, нѣкіимъ Настасомъ. Въ письмѣ значилось, что недалеко отъ того мѣста, гдѣ была палатка русскаго князя, находился колодезь, отъ котораго подземными трубами вода идетъ въ городъ и, такимъ образомъ, снабжаетъ его питьемъ.

Настасъ совѣтовалъ отыскать то мѣсто, по которому проходятъ подземныя трубы, и, разрушивъ ихъ, перенять воду.

Велика была радость Владиміра, когда онъ возъимѣлъ снова надежду въ скоромъ времени покончить съ могущественнымъ городомъ и убѣдился, что его благочестивая увѣренность въ Божью помощь не была тщетною.

„Если сказанное Настасомъ сбудется, то я крещусь"! радостно воскликнулъ князь и велѣлъ искать подземныя трубы. Онѣ были найдены, засыпаны и вода, такимъ образомъ, перестала проникать въ городъ; жители его, изнемогая отъ жажды, должны были открыть ворота осаждающимъ.

Удачный исходъ осады Корсуни долженъ былъ еще болѣе утвердить Владиміра въ его намѣреніи креститься. Успѣшное окончаніе осады Корсуни представило ему новое доказательство величія и всемогущества Христіанскаго Бога. Поэтому, войдя въ завоеванный городъ, русскій князь не замедлилъ отправить пословъ къ византійскимъ императорамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: „я взялъ славный городъ Корсунь. Слыхалъ я, что у васъ есть дѣвица сестра; дайте мнѣ ее въ замужество; а то и съ вашимъ городомъ (Константинополемъ) сдѣлаю то же, что съ этимъ".

Византійскіе императоры Василій и Константинъ были сильно опечалены такимъ извѣстіемъ: имъ, во-

первыхъ, жаль было города, уже занятаго русскими, а во-вторыхъ, они стали опасаться и за Константинополь, потому что много слыхали о суровомъ нравѣ русскаго народа, который не любить шутить. Но опасаясь много дурного для себя и для своего царства, Василій и Константинъ тѣмъ не менѣе не рѣшались выдать сестры за язычника и, потому, послали имъ слѣдующій отвѣтъ: „Непристойно христіанкамъ сочетаться бракомъ съ язычниками; если ты крестишься, то получишь нашу сестру: если же нѣтъ, то не выдадимъ сестры за тебя".

— Скажите царямъ,—отвѣчалъ Владиміръ:—что я крещусь; я еще до начала похода отъ греческихъ проповѣдниковъ узналъ ихъ вѣру; эта вѣра мнѣ нравится; она понравилась и мужамъ, которыхъ я посылалъ въ Византію.—

Василій и Константинъ, не довѣряя вполнѣ русскому князю, опять послали сказать ему: „Крестись прежде! а потомъ мы пошлемъ сестру".

— Пусть тѣ, которые пріѣдутъ съ царевною,—отвѣчалъ Владиміръ:—окрестятъ меня.

V.

Вѣсть о предстоящемъ крещеніи великаго князя кіевскаго Владиміра и о вступленіи его въ бракъ съ византійскою царевною Анною быстро облетѣла все населеніе Константинополя и его окрестностей и наполнила чувствомъ радости сердца многихъ жителей этого города. Греки вмѣстѣ съ своими государями радовались главнымъ образомъ потому, что въ лицѣ русскаго князя Владиміра Византійская имперія пріобрѣтала себѣ могущественнаго союзника; съ момента заключенія брачнаго договора кіевскаго князя съ византійскою царевною исчезала та серьезная опасность для жителей Константинополя и его окрестностей, какая постоянно, въ теченіи цѣлаго столѣтія, угрожала имъ со стороны воинственныхъ русскихъ князей, безжалостно раззорявшихъ окрестности Константинополя.

Не замѣчалось только радостнаго настроенія въ царскихъ палатахъ константинопольскаго дворца, гдѣ пребывала царевна Анна. Обливаясь горькими слезами, она никакъ не могла помириться съ тою мыслію, что ей придется выйти замужъ за русскаго князя, за того самаго князя, который, судя по разсказамъ бывавшихъ въ Кіевѣ византійскихъ купцовъ, такъ невѣренъ былъ

своимъ многочисленнымъ женамъ, и котораго одна изъ нихъ Рогнѣда хотѣла даже убить за нарушеніе клятвы и за измѣну.

„Лучше мнѣ умереть, чѣмъ ѣхать въ Русь и сдѣлаться женою Владиміра, который убилъ своего роднаго брата Ярополка и родныхъ своей жены Рогнѣды", такъ говорила царевна Анна, отвѣчая на увѣщанія священника Іоанна, который былъ посланъ къ ней ея братьями—императорами Василіемъ и Константиномъ, чтобы убѣдить ее въ необходимости сдѣлаться женою русскаго князя Владиміра.

— Не забывай, княжна!—возразилъ ей священникъ Іоаннъ: что твой будущій мужъ твердо рѣшилъ сдѣлаться христіаниномъ и сказалъ посламъ твоихъ братьевъ Василія и Константина: „Пусть тѣ, которые пріѣдутъ съ царевною, окрестятъ меня"!

„Не вѣрю я, отецъ Іоаннъ, что русскій князь имѣетъ искреннее желаніе креститься. Думаю, что князь Владиміръ, который поставилъ въ Кіевѣ богу Перуну деревянный идолъ съ серебряной головою и съ золотыми усами, болѣе похожъ на своего отца Святослава—закоренѣлаго язычника, такъ зло насмѣхавшагося надъ христіанами, чѣмъ на свою бабку—христіанскую княгиню Ольгу".

— Ты забываешь, княжна,—замѣтилъ священникъ Іоаннъ:—что когда умерла бабка Владиміра—великая княгиня Ольга, ему было всего восемь лѣтъ. Вскорѣ послѣ того новгородцы сказали его отцу Святославу: „отдай намъ Владиміра!" Святославъ отвѣтилъ имъ: „возьмите"! Тогда Владиміръ съ дядею своимъ Добрынею отправился въ Новгородъ, гдѣ и пребывалъ нѣсколько лѣтъ. Въ Новгородѣ же, благодаря вліянію жрецовъ, называемыхъ тамъ, на сѣверѣ, волхвами, язычество пустило глубокіе корни. Вотъ почему въ началѣ своего княженія Владиміръ является такимъ усерднымъ язычникомъ. Живя постоянно, въ теченіи

нѣсколькихъ лѣтъ, среди закоренѣлыхъ язычниковъ и будучи отъ природы очень впечатлительнымъ человѣкомъ, юный князь не могъ хотя бы на нѣкоторое время не сдѣлаться горячимъ поборникомъ (т. е. защитникомъ) язычества. Но послѣ того, какъ геройскій подвигъ варяга Ѳедора и смѣлая его проповѣдь убѣдили Владиміра въ безсиліи языческихъ идоловъ и въ ничтожествѣ самаго язычества, онъ сталъ крѣпко подумывать о замѣнѣ языческой религіи какою-либо другою. Краснорѣчивая проповѣдь нашего философа рѣшила дѣло выбора въ пользу христіанской православной вѣры. Въ настоящее же время русскій князь имѣетъ самое искреннее желаніе сдѣлаться христіаниномъ. Еще вчера я бесѣдовалъ съ однимъ нашимъ купцомъ, который только что вернулся изъ Кіева и разсказывалъ мнѣ, какъ великій князь кіевскій Владиміръ, рѣшивъ принять христіанскую вѣру, поссорился съ лучшими и храбрѣйшими своими военачальниками и дружинниками; эти дружинники, будучи закоренѣлыми язычниками, наотрѣзъ отказались участвовать въ походѣ противъ насъ, когда узнали, что этотъ походъ долженъ былъ имѣть своимъ слѣдствіемъ крещеніе русскаго князя и его народа. Я лично увѣренъ и убѣжденъ, что русская земля должна обратиться къ покаянію и сдѣлаться причастною вѣрѣ Христовѣ. Вѣдь объ этомъ имѣется предсказаніе апостола Андрея. Этотъ апостолъ, путешествуя по Днѣпру вверхъ (то-есть, по направленію къ мѣсту, откуда эта рѣка беретъ свое начало) и выйдя на берегъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ впослѣдствіи суждено было явиться славному городу Кіеву, водрузилъ на одномъ изъ холмовъ крестъ и сказалъ своимъ спутникамъ слѣдующія пророческія слова: „Видите ли горы сіи? На нихъ возсіяетъ благодать Божія! воздвигнется большой городъ со многими святыми храмами!“ Пусть это апостольское пророчество осуществится, благодаря твоему рѣшенію, княжна, обратить

къ покаянію какъ русскаго князя Владиміра, такъ и весь русскій народъ. Ты не только спасешь цѣлое государство русское отъ грозящей ему гибели въ будущей жизни, но и нашу землю избавишь отъ лютой рати, предстоящей ей въ случаѣ твоего отказа сдѣлаться женою русскаго князя. Тебя же самую, княжна, ожидаетъ неувядаемая слава въ исторіи двухъ народовъ. Всякій—будь то юноша, почтенный мужъ, или убѣленный сѣдинами старецъ, кто прочтетъ лѣтописи византійскія и русскія (конца X-го и начала XI-го вѣка), узнаетъ о твоемъ славномъ и великомъ дѣяніи; его никогда не забудутъ благодарные потомки и твое имя будетъ благословлять какъ нашъ народъ, такъ и русскій.

Убѣжденная своимъ духовникомъ въ величіи и святости возложеннаго на нее дѣла обращенія въ христіанство русскаго князя и его народа, царевна Анна простилась съ роднею, сѣла на корабль и поплыла въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями этого города и мѣстнымъ духовенствомъ.

Въ это время, по словамъ преданія, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна Анна велѣла сказать ему:

„Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй; если же не крестишься, такъ не вылѣчишься".

— Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится,—замѣтилъ тогда Владиміръ:—поистинѣ великъ будетъ Богъ Христіанскій!

Послѣ того, Владиміръ объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ корсунскій вмѣстѣ съ священниками царевны Анны вступилъ въ главную церковь, построенную среди торговой площади; въ этой-то церкви со страхомъ и благоговѣніемъ въ сердцѣ приступилъ князь къ принятію важнѣйшихъ изъ христіанскихъ таинствъ. Когда греческій епископъ возложилъ на него руки, то Владиміръ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, онъ сказалъ:

— Теперь только я узналъ истиннаго Бога!—

При крещеніи Владиміръ получилъ имя Василія, но продолжалъ называться по прежнему. Нѣкоторые изъ его дружинниковъ, будучи свидѣтелями совершившагося надъ ихъ княземъ чуда исцѣленія, также крестились.

Вскорѣ послѣ крещенія совершенно было при торжественной обстановкѣ бракосочетаніе великаго князя кіевскаго Владиміра съ греческою царевною Анною. Городъ Корсунь русскимъ княземъ былъ отданъ византійскимъ императорамъ Василію и Константину въ вѣно, то-есть, какъ плату за жену (такой обычай, какъ извѣстно, существовалъ у русскихъ и другихъ славянъ).

На холмѣ, явившемся въ Корсунѣ во время осады на городской площади, была построена церковь въ память крещенія русскаго князя. Отправляясь въ Кіевъ вмѣстѣ съ своею супругою Анною, Владиміръ взялъ съ собою корсунскихъ священниковъ, затѣмъ, мощи св. Климента и Фивы, ученика его, а также иконы и церковные сосуды.

Священники, которыхъ прислали изъ Греціи для распространенія христіанской вѣры среди русскаго народа, были главнымъ образомъ изъ народа болгарскаго, подчиненнаго грекамъ. Болгаре (не камскіе: то были магометане, а дунайскіе) исповѣдывали уже тогда христіанскую вѣру. Они были славянскаго племени, а потому, и по языку похожи были на русскихъ. Между тѣмъ какъ грекамъ очень трудно было усвоить себѣ русскую рѣчь, болгаре скоро привыкали къ ней, да и безъ изученія говорили языкомъ, весьма близкимъ къ русскому, а потому, и понятнымъ для русскаго народа. У этихъ болгаръ была уже и своя азбука, и священныя книги, переведенныя св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Языкъ, употребляемый до настоящаго времени при православномъ богослуженіи, есть тотъ же древній болгарскій съ самыми незначительными измѣненіями.

VI.

Едва ли когда-либо въ Кіевѣ происходило болѣе бурное и шумное вѣче, какъ послѣ прибытія туда великаго князя кіевскаго Владиміра и его супруги Анны вмѣстѣ съ греческими священниками. На этомъ вѣчѣ было предложено тысяцкимъ Путятою кіевлянамъ собраться всѣмъ вмѣстѣ на берегу Днѣпра, чтобы креститься.

„Кто же изъ васъ, мои братья", такъ говорилъ тысяцкій Путята: „не пожелаетъ въ назначенный день явиться на берегъ Днѣпра и вмѣстѣ съ другими принять христіанскую вѣру, того великій князь кіевскій признаетъ противникомъ своей воли".

Еще за нѣсколько дней до созванія народа на вѣче, нѣкоторые кіевляне, слѣдуя примѣру своего князя, приняли крещеніе. Но нѣсколько закоренѣлыхъ язычниковъ, явившись на вѣче, стали смущать народъ слѣдующими возгласами:

„Мы не желаемъ отречься отъ нашихъ боговъ Перуна, Волоса, Сварога и другихъ, поклоняясь которымъ, мы счастливо воевали съ сосѣдними врагами, а въ мирное время мы съ успѣхомъ обогащались торговлей и всякаго рода промыслами. Зачѣмъ намъ перенимать вѣру отъ грековъ? вѣдь имъ столько зла при-

чинили ихъ сосѣди; а въ главномъ ихъ городѣ въ Константинополѣ нерѣдко происходили мятежи, смуты и волненія, причинявшіе столько горя и несчастья всему ихъ государству"?

— Неразумные вы люди!—возразилъ язычникамъ дружинникъ Василій христіанинъ:—неужели разрушеніе вашихъ идоловъ не убѣдило васъ въ безсиліи языческихъ боговъ и въ ихъ ничтожествѣ! Вспомните вы, какъ по приказанію великаго князя кіевскаго Владиміра, идолъ вашего главнаго бога Перуна съ серебряною головою и съ золотыми усами повергли на землю, привязали къ хвосту коня и такимъ образомъ съ горы поволокли къ рѣкѣ Днѣпру. Нѣкоторые изъ васъ, язычниковъ, думали, что оскорбленный богъ Перунъ тогда-то покажетъ свое могущество и поразитъ громомъ отступника князя и его дружинниковъ христіанъ; но не тутъ-то и было: солнце свѣтило ярко, и не слышно было ничего, похожаго на раскаты грома; вся природа, казалось, улыбалась, а ниспровергнутый богъ Перунъ тащился къ рѣкѣ. Нѣкоторые изъ христіанъ, желая показать язычникамъ, что ихъ идолъ не богъ, а простое дерево, били усердно его палками. Вспомните, какъ тяжелый идолъ былъ сброшенъ съ крутого берега въ воду, и онъ временно скрылся въ волнахъ Днѣпра. Немного погодя, онъ показался, потомъ опять скрылся въ водѣ и снова показался на ея поверхности, продолжая плыть по теченію рѣки. Нѣкоторые изъ васъ тогда кричали „выдубай (выплывай), нашъ боже"! вы кричали и надѣялись каждый разъ, когда изъ-подъ воды показывался идолъ, что вотъ, вотъ настанетъ минута мщенія! Но горемычный вашъ Перунъ продолжалъ плыть по теченію спокойно, и никакого мщенія не послѣдовало. И такъ, упорное молчаніе поруганнаго христіанами вашего главнаго бога Перуна должно было убѣдить васъ въ безсиліи языческихъ боговъ. О чемъ же вы теперь спорите и зачѣмъ смущаете своими неразумны-

ми и лживыми рѣчами легковѣрныхъ смердовъ? Великій князь кіевскій Владиміръ объявилъ вамъ кратко и ясно, что всякій—и богатый, и убогій, и нищій, и работникъ долженъ явиться на берегъ Днѣпра, а иначе противенъ будетъ князю. Не забывайте вы, что нашъ князь Владиміръ больше другихъ князей защищаетъ смердовъ, обижаемыхъ дружинниками; съ этими послѣдними онъ неоднократно ссорился изъ-за нихъ; а потому, простой народъ преданъ Владиміру больше, чѣмъ какому-либо другому князю. Стоитъ намъ, дружинникамъ, сказать народу, что вы противники великокняжеской воли, и тогда ничего не останется отъ вашего имущества. И мы, дѣйствительно, скажемъ смердамъ, чтобы они разрушили ваши дома и пограбили ваши имѣнія, если вы будете смущать ихъ своими неразумными и лживыми рѣчами."

Подобнаго рода угроза, произнесенная дружинникомъ Василіемъ въ присутствіи многихъ смердовъ, которые особенно уважали и любили этого дружинника христіанина за его добрыя дѣла, живо подѣйствовала на язычниковъ. Большая ихъ часть, не желая принять крещенія, поспѣшила къ своимъ домамъ. Въ тотъ день, когда было назначено всѣмъ кіевлянамъ явиться на берегъ Днѣпра, дружинники, не желавшіе креститься, выбравъ все самое цѣнное изъ своихъ домовъ, удалились изъ города въ лѣса, прилегавшіе къ Кіеву и его окрестностямъ.

Въ назначенный для крещенія день большая часть кіевлянъ шли добровольно на берегъ Днѣпра, говоря:

„Если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре, не приняли бы ея".

Нѣкоторые же изъ кіевлянъ шли по принужденію, побуждаемые страхомъ наказанія за ослушаніе воли великаго князя кіевскаго.

Со всего Кіева и его окрестностей въ день, назначенный Владиміромъ, стекался толпами народъ на бе-

регъ Днѣпра; тутъ собирались и мужчины, и женщины, и дѣти. Одни изъ нихъ сидѣли на берегу, другіе вошли въ воду; иные по шею погрузились, такъ что надъ водою торчали только бритыя головы съ узкою косичкою на темени (такого рода прическа часто встрѣчалась у русскихъ славянъ). Кіевляне, раньше другихъ принявшіе крещеніе, ходя по берегу Днѣпра, поучали народъ, какъ нужно ему держаться во время крещенія, и служили для него воспріемниками. Наконецъ, явились князь съ княгинею, митрополитъ Михаилъ и много духовенства. Князь былъ въ торжественной одеждѣ, духовенство тоже. При появленіи князя и духовенства среди шумной толпы народа водворилась тишина и спокойствіе.

На берегъ вынесли кресты и хоругви, и началось крещеніе.

„Господи, сотворившій небо и землю", молился князь: „взгляни на нихъ, новыхъ людей, и дай имъ увидѣть царство Твое! Утверди въ нихъ правую и несовратимую вѣру, а мнѣ помоги на всякаго врага"!

Послѣ того народъ, стоявшій въ рѣкѣ, раздѣлили на нѣсколько группъ, и по отдѣльнымъ группамъ, давая каждой одно имя, совершали обрядъ крещенія. И такъ, сбылось пророчество апостола Андрея. Городъ, возвышавшійся на берегу Днѣпра, принялъ крестъ и сталъ славить истиннаго Бога. Владиміръ построилъ нѣсколько церквей; одна изъ нихъ была воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ идолъ бога Перуна. Эту церковь строили греческіе мастера; украшена она была иконами, писанными въ Греціи, и снабжена сосудами, присланными оттуда же. Когда же эта церковь черезъ восемь лѣтъ была окончена, то князь Владиміръ, помолясь въ ней, сказалъ:

„Даю въ церковь сію десятую часть отъ имѣній моихъ и городовъ моихъ".

И стала, потому, церковь та называться Десятинною.

У того же мѣста Днѣпра, гдѣ низверженный и брошенный въ рѣку тяжелый идолъ бога Перуна „выдубалъ“ (т. е. выплывалъ), стоитъ теперь прекрасный христіанскій монастырь, извѣстный подъ именемъ Выдубицкаго. Крещеніе кіевлянъ произошло въ 988 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ крещенъ былъ народъ въ Кіевѣ, стоитъ въ настоящее время красивый памятникъ, состоящій изъ часовни, на которой возвышается большая колонна съ крестомъ на верхушкѣ.

Не во всѣхъ городахъ древней Руси вѣра Христова восторжествовала съ такимъ успѣхомъ, какъ въ Кіевѣ. Въ городахъ сѣверныхъ, дальше отстоящихъ отъ греческой земли, а потому, менѣе знакомыхъ съ греками и съ ихъ вѣрою, язычество пустило корни глубже, чѣмъ на югѣ. Это объясняется, между прочимъ, вліяніемъ жрецовъ, извѣстныхъ на сѣверѣ подъ именемъ волхвовъ. Благодаря вліянію грековъ, еще до крещенія Руси, на югѣ, напримѣръ, въ Кіевѣ число христіанъ постоянно увеличивалось. Къ числу сѣверныхъ городовъ, жители которыхъ готовы были возмутиться противъ князя Владиміра, желавшаго ихъ крестить, слѣдуетъ отнести и Новгородъ Великій. Когда великокняжескіе воеводы пришли въ этотъ городъ съ цѣлью крестить, новгородцы возстали подъ вліяніемъ убѣжденія языческаго жреца или волхва Богомила, прозваннаго за его краснорѣчіе Соловьемъ.

Узнавъ, что Добрыня идетъ крестить, новгородцы собрали вѣче и поклялись всѣ не пускать его въ городъ и не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, то новгородцы разметали большой мостъ и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли; вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (порока) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный ихъ, жрецъ Богомилъ. Епископъ Іоакимъ съ священ-

никами стоялъ на торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей, сколько могли, и въ два дня успѣли окрестить нѣсколько сотъ новгородцевъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ (прозванной впослѣдствіи Софійской, такъ какъ тутъ при Ярославѣ Мудромъ, сынѣ Владиміра Св., былъ построенъ храмъ св. Софіи) новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ:

„Лучше намъ умереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе"!

Новгородцы, побуждаемые Угоняемъ, такъ разсвирѣпѣли, что раззорили домъ Добрыни, убили его жену и еще нѣкоторыхъ изъ его родни, а также разграбили имѣніе ихъ. Тогда тысяцкій Владиміровъ Путята съ 500 ростовцевъ дошли до двора Угоняева, схватили его и другихъ лучшихъ людей и отослали ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть о печальной судьбѣ тысяцкаго Угоняя разнеслась, то новгородцевъ собралось до 5000; они обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу; а нѣкоторые изъ нихъ пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить дома христіанъ. На разсвѣтѣ подоспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу Волхова; новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча прекратилась. Тогда самые знатные изъ новгородцевъ пришли къ Добрынѣ просить мира Добрыня собралъ войско, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ: деревянныхъ сжечь, а каменныхъ, изломавъ, побросать въ рѣку. Нѣкоторые мущины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ:

„Нечего вамъ, новгородцы, жалѣть и тѣхъ, которые не могутъ себя оборонить; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать"?

Послѣ того, по приказанію Добрыни, биричи бѣгали по всему городу и объявляли всѣмъ новгородцамъ,

что имъ нужно собраться на берегу Волхова, чтобы принять крещеніе.

Посадникъ Воробей, сынъ Стояновъ, воспитанный при князѣ Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и энергичнѣе другихъ уговаривалъ народъ собираться на берегъ Волхова. Многіе новгородцы пошли къ рѣкѣ сами собою; а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили. Всѣ, собравшіеся на берегу Волхова, приняли крещеніе, при чемъ мущины находились выше моста, а женщины ниже. Тогда-то многіе язычники, чтобы отбыть отъ крещенія, прибѣгли къ хитрости и объявляли, что они уже раньше крещены. Въ виду такого заявленія, Іоакимъ приказалъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею кресты, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, не вѣрить тому, что крещенъ, и крестить ихъ. Разметанную церковь Преображенія построили снова.

Много ходило потомъ разсказовъ о крещеніи Новгорода Великаго: говорили, между прочимъ, что будто, когда волокли идолъ бога Перуна къ рѣкѣ Волхову, онъ, Перунъ, кинулъ свою палку на мостъ, соединявшій оба берега этой рѣки; и послѣ того, новгородцы стали будто бы драться на томъ мосту. Разсказывали также, будто шелъ въ тотъ день, когда крестили новгородцевъ, одинъ изъ нихъ съ горшками и, увидѣвъ, какъ плывшій Перунъ по Волхову приближался къ берегу, оттолкнулъ его шестомъ, сказавъ:

„Ѣлъ ты, Перунище, до сыта, а теперь плыви прочь"!

Воспоминаніе о крещеніи Новгорода Великаго сохранилось, между прочимъ, въ бранной для новгородцевъ пословицѣ: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ".

VII.

Знаетъ каждый изъ насъ, что христіанская вѣра есть вѣра любви и мира. Она велитъ во всякомъ человѣкѣ видѣть брата, никого не обижать, прощать даже враговъ своихъ, однимъ словомъ дѣлать другимъ то, что мы сами желали бы получить отъ другихъ. Христіанская вѣра требуетъ добрыхъ дѣлъ и честнаго исполненія своихъ обязанностей. Всѣ тѣ, которые отдались христіанской вѣрѣ всею душою, не могли не измѣниться, къ лучшему. Одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ совершеннаго нравственнаго перерожденія можетъ служить князь Владиміръ. Мрачную картину представляла порочная жизнь этого князя до 988 года: онъ измѣннической образомъ убилъ родного брата Ярополка, умертвилъ отца и двухъ братьевъ своей жены Рогнѣды; правдою и неправдою онъ старался извести враговъ своихъ, безпокоилъ сосѣдей постоянными набѣгами изъ желанія разграбить ихъ имущество и обогатиться самому; держалъ нѣсколько сотъ женъ и т. д... Тотъ же Владиміръ представляется намъ совершенно другимъ послѣ крещенія: неизвѣстно, куда дѣвался его воинственный задоръ, исчезла жестокость и заботливость о себѣ. Великій князь кіевскій Владиміръ, принявъ христіанскую вѣру, сталъ жить только для распростра-

ненія и укрѣпленія новой вѣры да для блага народа, даннаго ему Богомъ; послѣ крещенія онъ являлся постояннымъ защитникомъ своего народа, въ случаѣ притѣсненія его со стороны великокняжескихъ дружинниковъ. Греческая царевна сдѣлалась его единственною женою по христіанскому закону и она ревностно помогала ему въ исполненіи его добрыхъ намѣреній.

Заботясь постоянно о простомъ народѣ, Владиміръ, услыша однажды въ церкви слова евангелія „Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ", велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжій и брать,—что ему нужно: пищу, платье и даже деньги. Раздавая все необходимое сотнямъ бѣднякамъ, приходившимъ на княжій дворъ, Владиміръ не забывалъ даже тѣхъ, которые, по болѣзни и старости, не были въ состояніи дотащиться до его двора. Съ этою цѣлію онъ въ праздники велѣлъ развозить по городу въ большихъ возахъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, плоды, медъ, пиво и квасъ; а возница долженъ былъ постоянно кричать: „Гдѣ больные и нищіе, не могущіе ходить"? Всѣ съѣстные припасы, находившіеся въ возахъ, предназначались для такихъ тяжело больныхъ бѣдняковъ. Угощенія по городу и при дворѣ великокняжескомъ повторялись часто, чуть ли не каждый праздникъ.

Однажды, во время пира, княжескіе дружинники, когда основательно подпили, начали роптать на князя: „срамъ нашимъ головамъ,—ѣдимъ мы деревянными, а не серебряными ложками". Узналъ о томъ Владиміръ и велѣлъ выковать ложки серебряныя, говоря:

„Серебромъ и золотомъ не добуду я такой дружины, а съ такою дружиною добуду серебро и золото, какъ добывали отецъ мой и дѣдъ"!

Такъ какъ часть дружинниковъ, остававшихся вѣрными язычеству, нежелавшихъ креститься, пристали

къ разбойникамъ; число ихъ, поэтому, чрезмѣрно увеличилось, и греческіе епископы, не знавшіе русскихъ законовъ и обычаевъ того времени, когда на Руси не было ни тѣлесныхъ наказаній, ни смертной казни, стали говорить Владиміру:

— Умножились разбойники, отчего ты не казнишь ихъ?—

„Боюсь грѣха", отвѣчалъ Владиміръ.

— Ты поставленъ отъ Бога,—сказали епископы:— на казнь злыхъ и награду добрыхъ: должно казнить разбойниковъ, но съ разборомъ.

Владиміръ послушался совѣта греческихъ епископовъ и сталъ казнить пойманныхъ разбойниковъ „съ разборомъ" (то есть, послѣ того, какъ самъ лично убѣждался въ дѣйствительной ихъ виновности); разбойники, живя въ сосѣднихъ лѣсахъ, много зла причиняли мирнымъ поселянамъ-торговцамъ и ремесленникамъ города Кіева и его окрестностей. Среди этихъ разбойниковъ было немало великокняжескихъ дружинниковъ—этихъ давнишнихъ и немилосердныхъ насильниковъ простыхъ смердовъ; а потому, строгое наказаніе разбойниковъ, бывшихъ дружинниковъ, способствовало увеличенію любви и преданности простого народа въ отношеніи къ великому князю кіевскому Владиміру.

Но казня разбойниковъ, Владиміръ не проявлялъ въ этомъ никакой кровожадности, прибѣгая къ смертной казни лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; онъ не замедлилъ замѣнить смертную казнь вирою (т. е. штрафомъ), какъ только епископы замѣтили, что недоставало денегъ на войну съ печенѣгами; въ виду чего, они посовѣтовали князю снова брать виры.

Добрыя отношенія великаго князя къ епископамъ и добровольное слѣдованіе ихъ совѣтамъ свидѣтельствуютъ о сильномъ вліяніи древнерусскаго духовенства на современныхъ ему князей. Это вліяніе не ограничивалось одними церковными дѣлами; оно распространялось

и на дѣла общественныя и государственныя. Такимъ вліяніемъ во времена Владиміра Св. могло пользоваться лишь духовенство, принимавшее близко къ сердцу нужды и потребности простого народа. Близость Владиміра къ духовенству съ одной стороны и къ простому народу съ другой и является одною изъ главныхъ причинъ той извѣстности, какою пользовался этотъ князь среди своихъ современниковъ и ихъ потомковъ; наши предки въ теченіи многихъ вѣковъ не забывали перваго истинно народнаго князя—Владиміра Красное Солнышко.

VIII.

Такой тревоги, какая замѣчалась въ Кіевѣ въ 992 году, когда распространился слухъ о приближеніи къ нему печенѣговъ — этого бича мирныхъ поселянъ, давно не было въ этомъ городѣ. Сзываемый биричами, простой народъ толпами валилъ на торговую площадь, гдѣ по волѣ великаго князя, должно было произойти вѣчевое собраніе.

„Не слыхалъ ли братъ Ѳедоръ?" спрашивалъ одинъ смердъ (земледѣлецъ) другого: „что за причина такой внезапной тревоги въ нашемъ городѣ"?

— Какъ не слыхать, слыхалъ,—отвѣтилъ Ѳедоръ, посматривая въ ту сторону, откуда ожидали прихода тысяцкаго Путяты: — дѣло, видишь, въ томъ, братъ Петръ, что изъ-за рѣки Сулы показались печенѣги. На встрѣчу къ нимъ на рѣку Трубежъ, близь города Переяславля, вышелъ князь нашъ Владиміръ Красное Солнышко. Кіевская рать, видишь, стала на одной сторонѣ рѣки, а печенѣги на другой; но ни тѣ, ни другіе не рѣшались переплыть рѣку и вступить въ бой. Между тѣмъ печенѣжскій князь, подъѣхавъ къ рѣкѣ, позвалъ нашего князя и кликнулъ ему: „выпусти своего мужа, а я своего; пусть борятся. Если твой богатырь одолѣетъ моего, то не будемъ воевать три года; если же нашъ богатырь одолѣетъ, то будемъ воевать три года"! Нашъ князь Владиміръ Красное Солнышко согласился и, возвратясь въ станъ, послалъ тотчасъ биричей кликать кличъ по всѣмъ палаткамъ: „нѣтъ ли кого, кто-бъ взялся биться съ печенѣжскимъ богатыремъ"? И никто нигдѣ не отозвался. На другой день печенѣги выставили своего бойца, а съ русской стороны, видишь, никого не оказалось. Тогда-то нашъ князь Владиміръ Красное Солнышко поспѣшно послалъ въ Кіевъ, велѣлъ созвать вѣче и спросить кіевлянъ, нѣтъ ли охотниковъ сразиться съ печенѣгомъ. Вотъ причина, братъ Петръ, что биричи такъ поспѣшно сгоняютъ народъ на вѣче. —

„Эхъ, тяжелыя времена наступили на Руси"! промолвилъ проходившій мимо смердовъ Петра и Ѳедора одинъ старый дружинникъ, обращаясь къ другому: „слыхано ли въ прежніе годы дѣло, чтобы въ великокняжеской дружинѣ не нашлось богатыря, который бы взялся одолѣть хвастливаго бойца печенѣжскаго; про него, правда, говорятъ, что онъ великъ, какъ лось, а трусливъ, какъ заяцъ! Помнишь ли, братъ Василій, какъ во время похода на ляжскаго короля Мечислава какой-то ляхъ вздумалъ вызывать нашихъ

дружинниковъ на бой? и помнишь ли, какъ нѣсколько богатырей изъ великокняжеской дружины заспорили между собою, кому изъ нихъ выступить противъ ляха? Горячій споръ между ними готовъ былъ обратиться въ злую сѣчу, но князь нашъ поспѣшилъ бросаніемъ жребія прекратить этотъ споръ. Эхъ, не на добро, а на гибель русской земли поссорился князь Владиміръ съ своими лучшими дружинниками"! такъ закончилъ свою рѣчь старый дружинникъ Лаврентій, увидѣвъ бѣжавшаго мимо бирича, который громогласно возвѣщалъ народу о приближеніи тысяцкаго Путяты. Этотъ послѣдній, взойдя на возвышенное мѣсто и обратясь къ народу, сказалъ:

— Братья мои! великій нашъ князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко проситъ всѣхъ кіевлянъ отыскать поскорѣе богатыря, который бы рѣшился вступить въ бой съ дерзкимъ богатыремъ печенѣжскимъ. Побѣдителя ожидаетъ богатая награда, такъ какъ печенѣги обѣщали, что если нашему бойцу удастся одолѣть своего противника, не воевать съ нами три года. Торопитесь, братья мои, сообщить мнѣ, есть ли среди васъ, собравшихся сюда, на вѣче, или среди вашихъ родственниковъ и пріятелей такой охотникъ сразиться съ печенѣгомъ?—

Отвѣта на рѣчь тысяцкаго Путяты со стороны кіевлянъ, собравшихся на вѣче, не послѣдовало.

Расходясь по домамъ, народъ тужилъ, что въ то время отсутствовали въ Кіевѣ извѣстные своею силою и отвагою богатыри Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ.

Въ ожиданіи какихъ-либо извѣстій изъ Кіева, грустный и печальный сидѣлъ князь Владиміръ въ своей палаткѣ и разговаривалъ съ своими боярами о томъ, какъ мало стало на Руси богатырей. Вдругъ вошелъ сѣдовласый старецъ, снялъ шапку, перекрестился и,

почтительно поклонившись, обратился къ князю съ рѣчью:

„Гой ты еси, нашъ великій князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко! Сегодня я получилъ вѣсть изъ Кіева, что ты, нашъ заступникъ и кормилецъ, ищешь силача, который бы могъ вступить въ бой съ печенѣжскимъ борцомъ. У меня пять сыновей; младшій изъ нихъ, по имени Янъ, всегда отличался силой. Никто никогда не могъ одолѣть его. Однажды онъ мялъ кожи (отъ своего постояннаго занятія—выдѣлки кожи—онъ получилъ прозваніе Кожемяки), я сталъ его бранить, не помню, сейчасъ, за что; а онъ, разсердившись на меня, перервалъ кожи руками. Если хочешь, князь, я пришлю къ тебѣ своего младшаго сына; а ты испытай его силу, чтобы убѣдиться, можетъ ли онъ одолѣть печенѣжскаго богатыря".

— Спасибо тебѣ, старецъ:—промолвилъ обрадованный князь Владиміръ:—что для спасенія своей родины, „святой Руси", ты не жалѣешь своего сына! Эй вы, отроки!—крикнулъ князь, обратясь къ стоявшимъ у входа палатки юнымъ слугамъ:—поспѣшите привести сюда младшаго сына этого почтеннаго старца! А тебя, старецъ,—ласковымъ голосомъ сказалъ князь Владиміръ, когда вышли изъ палатки отроки, обратясь къ Петру (такъ звали старца):—какъ перваго своего друга, я хочу спросить о томъ, о чемъ я и мои бояре до твоего прихода спорили мы здѣсь такъ горячо. Нѣкоторые изъ моихъ бояръ стараются меня увѣрить и убѣдить, что во времена язычества богатырей на Руси было больше, чѣмъ въ наши послѣдніе годы, когда христіанская вѣра все больше и больше распространяется среди русскаго народа. Бояре мои говорили мнѣ, что тому государю и князю язычнику, которому угрожаетъ постоянная опасность со стороны воинственныхъ сосѣдей, не подобаетъ торопиться принимать христіанскую вѣру; если же такой государь или князь

крестился, то ему надо стараться жить въ мирѣ, не ссориться съ своими лучшими дружинниками-язычниками. Скажи мнѣ откровенно, мой добрый другъ Петръ, какъ долженъ поступить такой государь или князь христіанинъ по отношенію къ своимъ подданнымъ язычникамъ? Долженъ ли онъ быть одинаково справедливымъ по отношенію ко всѣмъ своимъ подданнымъ? или же обязанъ онъ, имѣя въ виду вѣрную защиту своего государства или своего княжества, дозволять лучшимъ храбрѣйшимъ своимъ дружинникамъ всякаго рода несправедливости, оскорбленія и даже насилія по отношенію къ простому народу; и все это дозволять только изъ-за боязни и опасенія поссориться съ ними, лучшими защитниками своей родины.

„Я думаю, князь", сказалъ старикъ послѣ нѣкотораго размышленія, „что государь христіанинъ долженъ одинаково справедливо относиться ко всѣмъ своимъ подданнымъ и быть первымъ защитникомъ слабыхъ и сирыхъ въ случаѣ, если ихъ будутъ обижать люди корыстолюбивые и злые. Вѣра христіанская не воодушевляетъ тѣхъ, кто мечтаетъ о захватѣ чужихъ земель и имуществъ; но эта вѣра вдохновляетъ каждаго изъ насъ,—будь мы знать боярская, или голь кабацкая,—всякій разъ, какъ опасность угрожаетъ нашей родинѣ, нашему государю и нашей вѣрѣ православной. Каждый изъ насъ, проникаясь истинами Христова ученія, не пожалѣетъ ни себя, ни дѣтей своихъ, чтобы спасти святую Русь отъ угрожавшей ей опасности".

— Добро ты говоришь, старецъ Петръ; я готовъ наградить тебя за твои разумныя рѣчи; проси отъ меня, чего хочешь!—ласково молвилъ князь Владиміръ.

„Для меня, князь, достаточно твоей ласки, твоего добраго желанія наградить меня, а главное для меня дорого сознаніе, что мой сынъ можетъ избавить столь любимую мною Русь отъ угрожавшаго врага-супостата.

А вотъ и мой сынъ"! промолвилъ радостно старецъ Петръ, замѣтивъ приближавшагося юношу.

Янъ, молодой человѣкъ, средняго роста, но атлетическаго сложенія, широкоплечій и съ замѣтно приподнятой грудью, войдя въ палатку, снялъ шапку, перекрестился и низко поклонился князю.

— Здравствуй, добрый молодецъ!—молвилъ ласково князь Владиміръ:—вѣдомо-ль тебѣ, зачѣмъ тебя сюда позвали?—

„Гой ты еси, великій нашъ князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко"! поклонившись въ ноги сказалъ громко и рѣшительно Янъ Усмошвецъ (такъ звали юнаго богатыря): „вѣдомо мнѣ, зачѣмъ ты, князь, меня звалъ сюда. Но да будетъ вѣдомо всѣмъ кіевлянамъ и всему русскому народу, что я готовъ пожертвовать своею жизнію за тебя, князь, за нашего перваго заступника и защитника всѣхъ слабыхъ и сирыхъ, а также за святую Русь. Но не вѣдомо никому, могу ли я одолѣть богатыря печенѣжскаго. Могу я только, если позволишь, показать тебѣ, князь, свою силу. Нѣтъ ли тутъ у васъ по близости большого и сильнаго быка"? спросилъ юноша у стоявшихъ возлѣ князя отроковъ: „если есть такой, раздразните его раскаленнымъ желѣзомъ и пустите потомъ на меня"!

Какъ говорилъ Янъ Усмошвецъ, такъ и сдѣлали. Привели самаго большого и сильнаго быка; раскаленнымъ желѣзомъ довели его до бѣшенства и пустили. Когда разъяренный быкъ несся мимо юноши, тотъ схватилъ его за бокъ съ такою силою, что вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою.

— Силенъ же ты, добрый молодецъ!—промолвилъ ласково князь Владиміръ, ударивъ по-пріятельски юнаго богатыря по плечу:—думаю, что безъ труда ты одолѣешь хвастливаго печенѣга. Эй, вы, отроки!—крикнулъ князь, обратясь къ стоявшимъ близь него слугамъ:—тотчасъ

приготовьте для нашего добраго молодца богатыря Яна, мечъ, топоръ и щитъ!

На другой день утромъ снова приблизился къ русской рати печенѣжскій богатырь и его товарищи по оружію стали кликать:

— Нѣтъ ли мужа! Нашъ уже готовъ!—

Князь Владиміръ велѣлъ выйти Яну Усмошвецу, который смѣло пошелъ на встрѣчу къ печенѣжскому богатырю. Этотъ послѣдній былъ огромнаго роста и сталъ смѣяться надъ юнымъ Яномъ, который былъ значительно ниже его. Печенѣгъ разсчитывалъ на вѣрную побѣду, но горько ошибся: русскій богатырь свалилъ его на землю и задушилъ его руками.

Побѣда Яна Усмошвеца надъ печенѣжскимъ богатыремъ воодушевила русскую рать и устрашила печенѣговъ. Владимірова дружина бросилась на нихъ, многихъ изрубила мечами и топорами, остальныхъ прогнали далеко въ степи; и долго, надо полагать, печенѣги со страхомъ вспоминали Яна—юнаго русскаго богатыря, главнаго виновника нанесеннаго имъ столь жестокаго пораженія.

Но не одна сила физическая и отвага души избавляли святую Русь отъ угрожавшаго ей нашествія и разоренія со стороны внѣшнихъ враговъ. Также и сила ума, если допустить, что столь свойственная нашимъ древнѣйшимъ предкамъ хитрость была однимъ изъ проявленій таковой силы, оказала имъ однажды немалую услугу; объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, исторія города Бѣлгорода.

Какъ-то великій князь кіевскій Владиміръ отправился въ Новгородъ Великій набирать войско противъ печенѣговъ. Эти послѣдніе, узнавъ о томъ, напали на одинъ изъ городовъ кіевской Руси—Бѣлгородъ и осадили его. Жители этого города, застигнутые врасплохъ, не запаслись достаточнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и, потому, принуждаемые голодомъ, рѣшились имъ сдаться.

„Мы умираемъ съ голоду", говорили жители Бѣлгорода, собравшись на вѣче: „не лучше ли намъ отдаться печенѣгамъ, чѣмъ умереть съ голоду: они кого убьютъ, а кого и отпустятъ: все равно намъ предстоитъ голодная смерть"!

Но съ такимъ рѣшеніемъ бѣлгородцевъ не согласился одинъ старецъ, не бывшій на вѣчѣ. Онъ послалъ за старѣйшинами и сказалъ имъ:

— Слышалъ я, что хотите отдаться печенѣгамъ.—

„Да", отвѣчали старѣйшины: „Бѣлгородцы не могутъ дольше переносить голода".

— Послушайтесь меня, — сказалъ тогда имъ старецъ: — не передавайтесь печенѣгамъ три дня и сдѣлайте то, что я вамъ скажу.—

Когда старѣйшины дали ему обѣщаніе исполнить его волю, онъ сказалъ имъ:

— Соберите съ каждаго дома хоть по горсти овса, или пшена, или отрубей.—

Бѣлгородцы сдѣлали такъ, какъ сказалъ имъ старецъ; онъ же велѣлъ женщинамъ сварить собранный со всего города овесь, пшено и отруби, какъ варятъ кисель, потомъ выкопать колодезъ и вставить въ него кадку и влить въ нее это варево. Потомъ старецъ приказалъ бѣлгородцамъ сыскать меду; разсытить его и влить въ другую кадку, вставленную тоже въ колодезь. На слѣдующій день, утромъ, по его совѣту, позвали печенѣговъ. Они послали десять человѣкъ изъ своихъ, когда бѣлгородцы дали имъ своихъ заложниковъ. Печенѣжскіе послы убѣждали русскихъ сдаться и говорили, что если они не сдадутся, то умрутъ голодною смертію.

Бѣлгородцы, въ свою очередь, уговаривали печенѣговъ:

„Зачѣмь вы себя губите? развѣ можете заставить насъ сдаться? Десять лѣтъ вы простоите и все-таки

ничего не сдѣлаете, потому что насъ кормитъ земля; если не вѣрите, посмотрите на эти колодцы"!

Попробовали печенѣги изъ обоихъ колодцовъ и, подивившись, сказали:

— Князья наши не повѣрятъ, если сами не поѣдятъ.—

Осажденные дали печенѣгамъ пищи и питья въ горшки, которые были представлены ихъ князьямъ. Эти послѣдніе, полагая, что земля города Бѣлгорода въ самомъ дѣлѣ кормитъ жителей этого города, больше не надѣялись взять его голодомъ и перестали осаждать его.

IX.

Чтобы отвѣтить на вопросъ, помнитъ ли нашъ простой народъ славное княженіе Владиміра Красное Солнышко, надо заглянуть въ народныя пѣсни-былины. Былинами назывались встарину пѣсни, въ которыхъ народъ разсказываетъ о томъ, что въ дѣйствительности было; изъ нихъ мы

узнаемъ, что русскій народъ никогда не забывалъ своего любимаго князя; сотни разъ упоминается этотъ князь въ нашихъ былинахъ. Многія изъ нихъ начинаются такъ:

Во стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
У ласкова князя, у Владиміра
Было пированье, почестной пиръ
Было столованье, почестный столъ,
На многихъ князей, на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей...

Читая наши былины, невольно обращаешь вниманіе на то, что изъ всѣхъ древнерусскихъ князей народная память запомнила лишь одного великаго князя кіевскаго Владиміра Святославовича, по прозванію „Красное Солнышко". Народная память не случайно такъ твердо запомнила Владиміра Св. и забыла навсегда другихъ князей древней Руси. Характеромъ своихъ дѣяній (главнымъ образомъ постоянною заботою о простомъ народѣ, о смердахъ) Владиміръ Св. не походилъ на его предшественниковъ и, поэтому, не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на своихъ современниковъ. Предшественники Владиміра Св., первые русскіе князья Олегъ, Игорь и Святославъ нападали неоднократно на сосѣднія славянскія племена и на грековъ (т. е. на византійскую имперію); они обременяли своихъ подданныхъ всякаго рода поборами и повинностями, изъ которыхъ (т. е. повиностей) самою чувствительною и тяжелою для народа была военная служба: эти князья не давали возможности многимъ мирнымъ городскимъ и сельскимъ поселянамъ южной, средней и отчасти сѣверной Руси спокойно заниматься земледѣліемъ, торговлею и промыслами; они забывали о главномъ назначеніи древнерусскаго князя—о защитѣ южныхъ и юго-восточныхъ границъ тогдашней Руси отъ нападенія сосѣднихъ враговъ—азіатскихъ кочев-

никовъ. Непохожимъ на этихъ князей—большихъ любителей заниматься захватомъ чужихъ земель и имуществъ—является Владиміръ Св.; онъ много заботился о защитѣ русской земли; стремясь обезопасить ея границы, онъ устраивалъ города по сосѣдству съ поселеніями азіатскихъ кочевниковъ. Изъ городовъ, построенныхъ Владиміромъ ближе другихъ къ Кіеву, извѣстны: Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ. Эти и другіе города заселялись „лучшими" (то-есть, храбрѣйшими) мужами, способными защищать ихъ отъ степныхъ варваровъ. Этихъ „лучшихъ" мужей князь Владиміръ переселялъ съ сѣвера на югъ.

Заботясь о томъ, чтобы обезопасить границы древней Руси, любимый князь русскаго народа тѣмъ самымъ способствовалъ матеріальному обогащенію жителей Кіева и другихъ древнерусскихъ городовъ, являвшихся торговыми и промышленными центрами тогдашней Руси.

Но много заботясь о матеріальномъ обогащеніи русскаго народа, Владиміръ Св. заботился также объ умственномъ обогащеніи современнаго ему общества. Время распространенія христіанской вѣры на Руси совпадаетъ съ временемъ утвержденія въ ней начатковъ грамотности и письменности. При Владимірѣ Св. впервые стали на Руси учить грамотѣ. Этотъ князь велѣлъ открыть школы для мальчиковъ; ему приходилось иногда брать ихъ насильно у неразумныхъ родителей, которые оплакивали своихъ дѣтей, отдаваемыхъ въ книжное ученіе, какъ мертвыхъ. Владиміръ Св. хотѣлъ, чтобы какъ можно больше было священниковъ изъ русскихъ, а не изъ иностранцевъ; а такъ какъ священнику для церковнаго обихода необходимо умѣть читать, то этотъ князь позаботился о заведеніи школъ при церквахъ и объ устройствѣ ихъ. Насильно Владиміръ отдавалъ дѣтей учиться только потому, что отцы и матери, не понимая пользы ученія,

никакъ не хотѣли добровольно посылать дѣтей въ школы. Учителями были священники, потому что тогда, да и много лѣтъ спустя, никто, кромѣ духовныхъ лицъ, то-есть, священниковъ и монаховъ, не былъ обученъ грамотѣ на Руси.

Читая наши былини и желая по нимъ составить себѣ понятіе и представленіе о славномъ княженіи Владиміра Св., мы невольно обращаемъ наше вниманіе на то, что изъ всѣхъ его дѣяній нашъ народъ запомнилъ только то, что онъ собираетъ вокругъ себя богатырей (Илью Муромца, Алешу Поповича, Добрыню Никитича и др.), пируетъ съ ними и, въ случаѣ надобности, отправляетъ своихъ богатырей (первымъ изъ нихъ, судя по былинамъ, является крестьянскій сынъ Илья Муромецъ) на разные подвиги. И такъ, изъ всѣхъ славныхъ дѣяній Владиміра Св. особенно глубокое и сильное впечатлѣніе на простой народъ, на древнерусскихъ смердовъ, произвела близость этого князя къ земской дружинѣ. Судя по былинамъ, главными защитниками „святой Руси" являются не княжескіе дружинники, а земскіе дружинники, и особенно народные богатыри, стоявшіе во главѣ земской дружины; такимъ образомъ, по народному пониманію, не въ княжеской дружинѣ настоящая великая сила Руси, а въ народѣ, именно въ лучшихъ представителяхъ простого народа (напримѣръ, изъ крестьянъ — Илья Муромецъ, а изъ ремесленниковъ—Янъ Усмошвецъ). И такъ, земскіе дружинники являются главными защитниками святой Руси во времена славнаго княженія Владиміра Красное Солнышко; между тѣмъ княжескіе дружинники, по словамъ былинъ, занимаются только тѣмъ, что пируютъ съ княземъ своимъ; съ женами и дѣтьми бываютъ на вечеринкахъ, пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются, льстятъ Владиміру, подущаютъ его на земскихъ богатырей, встрѣчаютъ этихъ послѣднихъ съ гордостью или грубостью и насмѣшкою; при наступленіи же врага или

какой бѣды, хлопочутъ лишь защитить городъ, пугаются; убѣждаютъ князя послать за богатырями, изъ боязни попасть въ плѣнъ, прячутся; изъ страха передъ врагомъ, когда ужъ онъ являлся, ползаютъ окорачь по полу.

Предшественники Владиміра Св. и ближайшіе его преемники дорожили немало расположеніемъ княжеской дружины особенно той ея части которая состояла изъ наемниковъ—варяговъ. Извѣстно, что отецъ Владиміра Св.—Святославъ, не обративъ вниманія на увѣщанія своей матери княгини Ольги, отказался креститься только изъ опасенія, что дружина его станетъ надъ нимъ смѣяться. Также извѣстно, что сынъ Владиміра Св.—Ярославъ Мудрый поссорился съ новгородцами, въ свою бытность въ Новгородѣ Великомъ, изъ-за того только, что казнилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за самовольную расправу съ варягами, служившими въ его дружинѣ и позволявшими себѣ всякаго рода насилія по отношенію къ новгородцамъ, ихъ женамъ и дочерямъ.

Совершенно иначе держалъ себя великій князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко въ отношеніи къ княжескимъ дружинникамъ, особенно къ наемникамъ варягамъ. Еще въ началѣ своего княженія, когда, по убіеніи брата Ярополка, Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, пришли къ нему дружинники варяги и сказали:

„Городъ нашъ, мы взяли его; дай намъ окупу по двѣ гривны съ человѣка"!

— Погодите мѣсяцъ,—отвѣчалъ Владиміръ:—соберемъ деньги.—

Отказываясь немедленно вознаградить своихъ дружинниковъ варяговъ, русскій князь имѣлъ въ виду столь дорогіе для него интересы мирныхъ поселянъ-земледѣльцевъ, торговцевъ и ремесленниковъ города Кіева и его окрестностей. Владиміръ не желалъ обижать мирныхъ и трудолюбивыхъ горожанъ и сельчанъ, чтобы только удовлетворить алчность своихъ дружин-

никовъ. Насколько отецъ его Святославъ и сынъ его Ярославъ были расположены къ своей дружинѣ (особенно къ лучшей ея части—къ варягамъ) и дорожили ея преданностью и любовью, настолько Владиміръ былъ особенно расположенъ къ мирнымъ и трудолюбивымъ горожанамъ и сельчанамъ и дорожилъ преданностью и любовью простого народа—земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Великій князь кіевскій Владиміръ Красное Солнышко строго наказывалъ княжескихъ дружинниковъ, обижавшихъ мирныхъ поселянъ, простыхъ смердовъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ дѣяній Владиміра мы видѣли, что этотъ князь больше любилъ мирныхъ и трудолюбивыхъ горожанъ-торговцевъ и ремесленниковъ и сельчанъ-земледѣльцевъ, чѣмъ воинственныхъ и алчныхъ дружинниковъ. Напрасно эти послѣдніе прождали мѣсяцъ; ничего имъ не далъ кіевскій князь. Тогда варяги сказали ему:

„Обманулъ ты насъ, князь; пусти насъ къ грекамъ"!

— Идите!—промолвилъ въ отвѣтъ Владиміръ, который нисколько не жалѣлъ о томъ, что ему приходилось разставаться съ воинственными и алчными дружинниками; ему было жалко лишь мирныхъ горожанъ и сельчанъ, не только тѣхъ, которые жили въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и тѣхъ, кто жилъ въ Царьградѣ (т. е. въ Константинополѣ), куда направлялись варяги. Поэтому, великій князь Владиміръ написалъ византійскому императору слѣдующее:

„Идутъ къ тебѣ варяги, не держи ихъ въ городѣ, а то надѣлаютъ тамъ столько же зла и всякой пакости, какъ и здѣсь (т. е. въ Кіевѣ); размѣсти ихъ по разнымъ городамъ, а сюда не пускай ни одного!"

Вотъ за подобнаго рода заботу о мирныхъ поселянахъ, и за усердную защиту ихъ отъ притѣсненія со стороны великокняжескихъ дружинниковъ, возлюбилъ простой народъ великаго князя кіевскаго Владиміра Красное Солнышко больше другихъ князей.

Русскому народу особенно дорога память о Владимірѣ Св. и потому также, что онъ первый изъ русскихъ князей, по совѣту епископовъ, сталъ строго наказывать дружинниковъ—закоренѣлыхъ язычниковъ; занимаясь грабежемъ и разбоемъ, они поселились въ кіевскихъ лѣсахъ и обижали многихъ мирныхъ поселянъ, жившихъ какъ въ самомъ городѣ Кіевѣ, такъ и въ его окрестностяхъ.

Наказывая самъ этихъ алчныхъ дружинниковъ, Владиміръ Красное Солнышко одобрялъ и тѣхъ богатырей (какъ напримѣръ, Илью Муромца), которые истребляли ихъ. Въ былинахъ эти язычники-разбойники олицетворяются въ образѣ идолища поганнаго, котораго убиваетъ любимый богатырь русскаго народа—Илья Муромецъ; за такой его подвигъ по словамъ былины:

Князь Владиміръ не зналъ, чѣмъ благодарить Илью Муромца,
И всѣ жители смерти Идолища обрадовались.

Заслуживъ такое искреннее расположеніе и любовь со стороны простого народа, Владиміръ Св. въ послѣдніе годы своего княженія не былъ счастливъ въ семейной жизни. За годъ до смерти его сынъ Ярославъ, князь новгородскій, отказался платить своему отцу дань—300 гривенъ, которую въ тѣ времена платили новгородцы кіевскому князю. Узнавъ о такомъ неповиновеніи собственнаго сына, Владиміръ рѣшилъ наказать его за ослушаніе и сталъ готовиться къ походу: поправлять дороги и мостить мосты. Между тѣмъ Ярославъ послалъ къ варягамъ за море искать помощи. Готовясь къ войнѣ, Владиміръ, сильно огорченный неповиновеніемъ сына своего Ярослава, разболѣлся въ любимомъ селѣ Берестовѣ и умеръ (15 іюля 1015 г.) на 54-мъ году отъ роду. Тѣло покойнаго князя свезли въ Кіевъ и поставили въ церкви Богородицы. Печаль-

ная вѣсть о смерти великаго князя кіевскаго Владиміра Красное Солнышко съ быстротою молніи облетѣла весь Кіевъ и его окрестности и повергла всѣхъ горожанъ и сельчанъ въ великую скорбь: народъ плакалъ навзрыдъ о своемъ князѣ; бояре плакали о немъ, какъ о защитникѣ, простые же смерды, нищіе и убогіе, какъ о заступникѣ и кормильцѣ. Со слезами положили тѣло блаженнаго князя въ мраморную раку и и схоронили его.

Православная церковь русская въ княженіе Ярослава Мудраго, сына Владимірова, причислила Владиміра къ лику святыхъ и установила празднованіе въ честь его 15 іюля, день его преставленія. Тогда же церковь освятила за Владиміромъ и названіе Равноапостольнаго за его труды въ дѣлѣ распространенія христіанства на Руси.

Въ заключеніе своего разсказа о любимомъ князѣ русскаго народа для опредѣленія великаго значенія Владиміра въ исторіи Россіи, я позволю себѣ обратить благосклонное вниманіе читателя на неоднократно упоминаемый мною вопросъ: почему такъ охотно народъ воспѣваетъ любимаго своего князя Владиміра Св. и такъ упорно молчитъ о громкихъ въ нашей исторіи дѣяніяхъ другихъ древнерусскихъ князей? Чтобы понять вполнѣ значеніе Владиміра Св. въ исторіи русскаго народа, необходимо вспомнить, что со времени образованія русскаго государства (въ 862 г.) варяжскими князьями, русскій простой народъ, терпя всякаго рода насилія отъ дружинниковъ и варяговъ, чувствовалъ сильную потребность имѣть защитника и заступника въ лицѣ своего князя. Первымъ такимъ защитникомъ и заступникомъ меньшей братіи (такъ называли встарину простой народъ) является Владиміръ Св. Послѣ этого князя было немало князей умныхъ, храбрыхъ, прославившихъ въ исторіи свое имя славными побѣдами надъ врагами своей родины; но всѣ они за-

быты простымъ народомъ, надо полагать, потому, что они не любили такъ горячо свою меньшую братію и не стояли къ ней такъ близко, какъ Владиміръ Св. Этотъ единственный, дѣйствительно, народный князь, который, стоя близко къ народу, полагалъ, что основною задачей его княжеской дѣятельности должно было быть постоянное исполненіе одной изъ главныхъ заповѣдей Христова ученія „возлюби ближняго, какъ самого себя".

Безпримѣрное въ исторіи русскаго народа сердечное отношеніе Владиміра Св. къ меньшей братіи отмѣчено въ нашихъ былинахъ прозвищемъ „ласковаго". Многіе современники любимаго князя русскаго народа, даже его родной сынъ Ярославъ (прозванный впослѣдствіи Мудрымъ) не вполнѣ сочувствовали и понимали этого перваго народнаго князя. Сыну его Ярославу казалось, напримѣръ, излишнимъ доставлять своему отцу средства, необходимые для устройства народныхъ пировъ, почему онъ и прекратилъ платежъ новгородской дани кіевскому князю. Но что касается до простого народа, то этотъ послѣдній такъ высоко цѣнилъ любовь и ласку къ себѣ своего любимаго князя Владиміра, что пройдетъ еще много вѣковъ, и онъ, народъ, не забудетъ „ласковаго князя Владиміра Красное Солнышко".

І. Сениговъ.

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ РУССКАГО НАРОДА.

Часть II.

1.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

2.

САДКО БОГАТЫЙ КУПЕЦЪ.

I. Чудесное исцѣленіе Ильи Муромца каликами перехожими. — Родительское благословеніе богатыря на добрые подвиги. — Первые подвиги Ильи Муромца. — Умершвленіе Соловья разбойника. — Уничтоженіе Идолища Поганаго. — Пораженіе татарскаго войска. — Богатырь на перекресткѣ. — Значеніе дѣятельности Ильи Муромца. II. Чудесное обогащеніе новгородскаго гусляра Садки. — Напрасное желаніе купца Садки выкупить всѣ товары Новгорода великаго. — Требованіе морскимъ царемъ вознагражденія отъ Садки. — Благочестіе и доброта новгородскаго богатыря. — Значеніе дѣятельности любимыхъ богатырей русскаго народа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. общ. печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 сентября 1901 года.

Любимые богатыри русскаго народа.

I. Илья Муромецъ.

Еще ярко золотистые лучи утренняго солнца не успѣли согнать ночной росы съ сочной травы пажитей, расположенныхъ среди дремучихъ лѣсовъ Муромскихъ, когда въ одной изъ небольшихъ избъ богатаго и славнаго во времена великаго князя кіевскаго Владиміра Св. села Карачарова передъ иконой Божьей Матери горячо молилась со слезами на глазахъ престарѣлая Евфросинья Яковлевна — жена крестьянина Ивана Тимоѳеевича. Радостно сіяло утреннее солнце, освѣщая ярко золотистымъ свѣтомъ икону Божьей Матери (икона — работы греческихъ мастеровъ), но не радостно, а тяжело и грустно было на душѣ Евфросиньи Яковлевны. Великое горе стряслось надъ нею и ея мужемъ. Уже тридцать лѣтъ ихъ сынъ Илья сиднемъ сидѣлъ, ни ногами, ни руками шевелить не могъ. Отцу съ матерью, уже успѣвшимъ состариться въ ожиданіи исцѣленія ихъ сына, въ ихъ жизни крестьянской всюду нужна была помощь, а между тѣмъ ихъ умное и привѣтливое

дѣтище Илья не могъ съ мѣста сойти, ни руки поднять. Отросла у Ильи борода, просидѣлъ онъ свое мѣсто на печи; сотни разъ отецъ съ матерью возносили свои горячія и слезныя мольбы къ святымъ угодникамъ, а Илья все не могъ исцѣлиться. Съ великою радостью всталъ бы онъ и помогъ бы своимъ престарѣлымъ родителямъ справить тяжелыя крестьянскія работы; но не было въ немъ никакой силушки: ни руками, ни ногами не могъ онъ шевельнуть.

„Ну, что моя дорогая Ефросинушка, — ласково обратился къ женѣ, которая, замѣтивъ мужа, окончила свою продолжительную утреннюю молитву, вошедшій въ избу престарѣлый, но бодрый на видъ, высокаго роста и широкоплечій крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:—не пора ли намъ съ тобою отправляться на работу? Ужъ наши сосѣди ушли въ лѣсъ пожни чистить. Ты сегодня дольше, чѣмъ всегда, молилась передъ иконой Божьей Матери. Ужъ не видѣла ли ты, Ефросинушка, чего особеннаго во снѣ“?

— Ты угадалъ, Иванъ! — живо отвѣтила жена Евфросинья Яковлевна, привѣтливо смотря на своего мужа, съ которымъ она прожила мирно, душа въ душу, болѣе полвѣка:—дѣйствительно, я видѣла сегодня ночью чудный сонъ: будто несмѣтная сила враговъ облегла наше село Карачарово, а наше ненаглядное дѣтище—любезный сынъ Илья, съ огромною дубиною въ рукахъ, поражаетъ этихъ враговъ направо и налѣво, долго, долго бьется съ ними, и въ концѣ концевъ, поразивъ своею дубиною враговъ, наводитъ на нихъ такой страхъ, что всѣ они, сколько ихъ тамъ ни было, кто только могъ двигаться съ мѣста, побѣжали прочь отъ нашего села Карачарова, а сынъ нашъ Ильюша цѣлъ и невредимъ вернулся домой.

— О, какъ бы я былъ счастливъ! — со вздохомъ промолвилъ Иванъ Тимоѳеевичъ, лицо котораго оживилось, когда онъ слушалъ разсказъ жены о пророче-

скомъ снѣ:—если бы выздоровѣлъ нашъ возлюбленный сынъ Ильюша. Я могъ бы тогда спокойно умереть, зная, что не придется нашему любезному дѣтищу, въ случаѣ нашей смерти, униженно просить о помощи своихъ сосѣдей. Не знаю, какъ ты, Евфросинушка, но я твердо вѣрю, что наши непрестанныя молитвы доходны къ всеправедному Господу Богу; Онъ по своему милосердію исцѣлитъ любезнаго нашего сына Ильюшу.—

„Почему же такъ долго, не взирая на наши многолѣтнія усердныя моленія, не посылаетъ милосердный Богъ исцѣленія нашему разумному и ласковому дѣтищу Ильюшѣ"? спросила Евфросинья Яковлевна, нѣсколько успокоенная непоколебимою увѣренностью своего мужа въ помощь Всемогущаго Творца вселенной.

— Недавно я бесѣдовалъ о промыслѣ Божьемъ съ нашимъ священникомъ Петромъ, который, недѣли три тому назадъ, пріѣхалъ сюда изъ Кіева; онъ мнѣ говорилъ, что иногда всеблагій Господь не посылаетъ скорой помощи тѣмъ изъ насъ, кого Онъ, Всевышній, особенно возлюбилъ и чье долготерпѣніе желаетъ испытать. Будемъ уповать, что Всевышній испытываетъ наше долготерпѣнье! Будемъ надѣяться, что Милосердный Господь пошлетъ любезному нашему сыну Ильюшѣ исцѣленіе раньше, чѣмъ наша смерть осиротитъ его! А пока, дорогая Евфросинушка, пойдемъ на работу. Пусть не думаютъ наши добрые сосѣди, что мы съ тобою такъ отъ старости ослабѣли, что не въ состояніи работать.—

Сказавъ это, Иванъ Тимоѳеевичъ вмѣстѣ съ женою своею Евфросиньею Яковлевною ушелъ въ лѣсъ пожни чистить, вырубать лѣсъ подъ поля.

А Илья оставался дома одинъ одинешенекъ.
Въ ту пору приходили къ нему три калики перехожіе—
нища братія,
Становились подъ окошечко косящатое,
Становились и просили милостыню:

„Ты пойди, Илья, принеси испить!"
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ,—говори
Илья.

Очень жалѣетъ о томъ, что онъ не въ состоян
исполнить просьбу нищихъ. Въ избѣ никого нѣтъ, в
ушли на работу, а онъ на ноги встать не может
Ильѣ Муромцу отъ души хотѣлось бы принести испи
нищимъ, но, къ сожалѣнію, онъ не можетъ это сд
лать. Но нищіе, оказалось, были не простые люди,
чудесные врачи: они-то и исцѣлили его болѣзнь.

Вошли эти нищіе въ избу, осмотрѣлись, на ико
помолились; старшій изъ нихъ и говоритъ Ильѣ:

„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!"
Илья сидитъ, силу пробуетъ:
Тронетъ ногу—нога поднимается,
Тронетъ другую—другая поднимается.
И сталъ вставать Илья на ноги.
Встаетъ Илья, поднимается,
Посередь избы становится;
И взялъ Илья братину великую,
Пошелъ въ подвалы глубокіе,
Наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ
И подносилъ нищимъ странникамъ.

И такъ, по слову этихъ нищихъ, нашъ богаты
всталъ на ноги, сталъ владѣть руками и ногами,
затѣмъ, какъ это мы увидимъ сейчасъ, онъ получил
силу богатырскую, какъ даръ Божій, за христіанск
подвигъ, за желаніе утолить жажду нищихъ странн
ковъ. Онъ поднесъ нищимъ братину (т. е. большу
кружку), но ему нищіе отдаютъ назадъ.

Хватилъ Илья братину за-разъ.
Нища братія у Ильи спрашивали.
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?"
Отвѣчаетъ имъ Илья Муромецъ:
— Кабы столбъ былъ отъ земли да до небушка,
Ко столбу было золото кольцо,—за кольцо бы взял
Всю землю поворотилъ!

Нищіе, однако, видятъ, что такой силы много человѣку, и ему самому трудно съ ней совладать, и они снова говорятъ:

„Ты пойди, Илья, принеси другую чашу!"
И взялъ Илья братину больше прежняго;
Пошелъ въ подвалы глубокіе, опускался ниже того,
Наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ, пуще того,
И подносилъ нищимъ странникамъ;
Ему нищіе отдаютъ назадъ,
Хватилъ Илья братину заразъ,
Они у Ильи стали спрашивать:
— Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?..—
Отвѣчаетъ имъ Илья Муромецъ:
„Чую, что во мнѣ силушки половинушка".

Нищіе нашли, что этого довольно съ него, и стали съ нимъ прощаться:

„Проводи, Илья, насъ въ чисто поле!"
И говорятъ ему нищіе на прощаньице:
„Богъ тебя благословилъ, Илья Муромецъ, силой своей
Такъ и стой за вѣру христіанскую
И за домъ Пресвятыя Богородицы.
На бою тебѣ смерть не писана;
Бейся же со всею силою невѣрною,
И дома не живи, не работай,
А поѣзжай во стольный Кіевъ градъ."

Послѣ нѣкотораго размышленія, нищіе снова сказали Ильѣ Муромцу:

— Помни только одинъ завѣтъ; не бейся со Святогоромъ богатыремъ, онъ сильнѣе тебя; берегись и Вольги, Вольга можетъ тебя хитростью одолѣть; не иди и супротивъ рода Микулина, потому что его любитъ мать-сыра земля..—

Простившись съ Ильею Муромцемъ, нищіе ушли, а Илья Муромецъ пошелъ къ отцу на пожню (т. е. на ниву, вычищенную изъ подъ лѣса); придя на пожню и увидя, что его отецъ и работники отдыхали послѣ утренней работы въ тѣни вѣтвистаго дуба, онъ взялъ

ихъ топоры и сталъ чистить пожни. Въ одинъ часъ нашъ богатырь расчистилъ великое поле и наработалъ въ такой короткій промежутокъ времени больше, чѣмъ его отецъ съ работниками въ теченіи трехъ дней; при чемъ топоры воткнулъ онъ въ пни съ такою силою и такъ глубоко, что ни отецъ его, ни работники, которые вскорѣ проснулись, услыхавъ богатырскую работу Ильи, не въ состояніи были вытащить ихъ изъ пней. Дивился отецъ его всему видѣнному и промолвилъ:

„Кто это такъ напроказилъ?"
И вышелъ Илья Муромецъ изъ лѣсу,
И вынулъ у нихъ топоры изъ пневъ.
Отецъ говоритъ: „Слава Богу,
Сыну Богъ далъ здоровье,
Большой будетъ работникъ!"

Между тѣмъ Илья Муромецъ задумываетъ дѣло великое. Сидя въ сидняхъ, очевидно, Илья слышалъ отъ каликъ перехожихъ—нищей братіи объ иноземныхъ врагахъ русской земли, о разбойникахъ, избивавшихъ души невинныя и закладывавшихъ дороги прямоѣзжія. Жаль, конечно, было крестьянскому сыну Ильѣ Муромцу своей родины, святорусской земли, а особенно бѣдныхъ горожанъ и сельчанъ, страдавшихъ больше другихъ отъ вторженія сосѣднихъ враговъ и отъ всякаго рода насилій и грабежей разбойниковъ. Понятно что, получивъ силу богатырскую и помня завѣтъ нищихъ странниковъ, онъ рѣшилъ употребить ее на пользу родинѣ и на защиту бѣдныхъ и слабыхъ посполянъ въ случаѣ, если ихъ будутъ обижать богатые и сильные міра сего. Онъ приготовляетъ себѣ богатое оружіе и достаетъ себѣ коня богатырскаго. Научили еще Илью странники на прощанье, какъ себѣ коня добыть. Пошелъ Илья въ чисто поле, видитъ: ведетъ прохожій невзрачнаго жеребенка, немудраго, нехоленого. Вся то цѣна ему грошъ, а прохожій запросилъ цѣну непомѣрную: пятьдесять рублей съ полтиною, и

Илья съ нимъ не сталъ торговаться, далъ ему то, что онъ запросилъ, и повелъ жеребенка домой. Сталъ онъ его кормить бѣлояровою пшеницею, сталъ поить свѣжей ключевой водой, холилъ, выхаживалъ ровно три мѣсяца; потомъ выводилъ его по три зари, вывалялъ его въ трехъ росахъ утреннихъ, и сталъ бурушко на диво конемъ. Заставилъ Илья его черезъ высокій тынъ прыгнуть; перепрыгнулъ конь и копытами не задѣлъ; положилъ онъ ему на хребетъ свою руку богатырскую, конь не пошатнулся, не шелохнулся, только заржалъ.

— Это добрый конь,—сказалъ Илья Муромецъ:— будетъ онъ мнѣ вѣрнымъ товарищемъ въ бою...—

Собираясь на богатырскіе подвиги и задумавъ ѣхать въ стольный градъ Кіевъ Богу помолиться, князю Владиміру поклониться, Илья Муромецъ, какъ добрый семьянинъ, прежде всего проситъ у отца и матери благословенья родительскаго.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не зеленые листочки растилаются,
Разстилается сынъ передъ своимъ отцомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньице:
— Охъ, ты гой еси, родимый, милый батюшка,
Дай ты мнѣ свое благословеньице!
Я поѣду во славный, стольный Кіевъ градъ,
Что ко ласкову ко князю Владиміру,
Послужить ему вѣрой—правдою,
Постоять за вѣру христіанскую.—
Отвѣчаетъ крестьянинъ Иванъ Тимофѣевичъ:
„Я на добрыя дѣла благословенья дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина".

По словамъ другой былины, не отецъ, а самъ Илья налагаетъ на себя завѣтъ проложить дорогу прямоѣзжую въ Кіевъ, не вынувъ оружія, не окрававивъ рукъ.

Поѣзжаетъ Илья, самъ выговариваетъ,
Кладываетъ то заповѣдь великую:
— Ѣхать то мнѣ добру молодцу,
Во пути мнѣ во дороженькѣ,
Рукъ чтобы мнѣ не кровавити.—

Отвѣсивъ отцу съ матерью низкій поклонъ до земли, Илья Муромецъ пошелъ надѣвать доспѣхи богатырскіе, сѣдлать своего Бурушка холенаго. Выковалъ себѣ Илья изъ трехъ полосъ желѣзныхъ три стрѣлы и закалилъ ихъ въ матери сырой землѣ; меча же не нашлось по немъ: какой ни сожметъ въ кулакъ, рукоять и отвалится. Бросилъ онъ эти мечи бабамъ лучину щипать, сковалъ себѣ копье булатное и сталъ сѣдлать коня; положилъ войлочки на войлочки, потнички на потнички, а поверхъ всего сѣдло черкасское съ двѣнадцатью подпругами шелковыми, съ тринадцатою желѣзною не для красы, а для крѣпости.

Захотѣлось Ильѣ Муромцу свою силу испробовать: пошелъ онъ къ рѣкѣ Окѣ, собралъ народъ, уперся плечомъ въ гору, что на берегу высилась, и свалилъ ее въ рѣку; завалила гора русло: повернулась рѣка, потекла по новому; а то мѣсто, гдѣ старое русло, Илья горою завалилъ; старые люди еще и понынѣ молодымъ показываютъ, про богатыря вспоминаючи. Пустилъ Илья на прощанье корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, по кормилицѣ за то, что кормила, поила его тридцать три года, зашилъ горсть родной земли въ ладонку. Отстоялъ онъ заутреню со своими домашними и пустился въ путь.

Ѣдетъ Илья къ стольному граду Кіеву, торопится, хочетъ поспѣть къ обѣднѣ воскресной, съ ласковымъ княземъ Владиміромъ свѣтлый праздникъ Христовъ отпраздновать.

Скачетъ конь богатырскій выше лѣса дремучаго, по рѣкамъ броду не спрашиваетъ; первый ускокъ скочилъ въ полторы версты; гдѣ скочилъ, тамъ ключъ живой изъ земли ударилъ, что и понынѣ бьетъ; за

вторымъ ускокомъ миновалъ богатырь родимый Муромъ, а за третьимъ ускокомъ его и слѣдъ простылъ; очутился онъ подъ самымъ Черниговымъ.

Во время первой поѣздки нашего богатыря въ Кіевъ онъ вынужденъ былъ нарушить отцовскій завѣтъ, когда попалъ подъ Черниговъ, окруженный несмѣтною силою татаръ (въ былинахъ иногда событія разновременныя, напр. княженіе Владиміра Св. (980—1015 гг.) и нашествіе татаръ (1224 г.), описываются, какъ событія одновременныя; такое сопоставленіе въ былинахъ событій разновременныхъ называется *анахронизмомъ*).

А подъ градомъ Черниговымъ стоитъ сила басурманская.
Что не бѣль на поляхъ забѣлѣлася,
Забѣлѣлись ставки басурманскія;
Что не синь во поляхъ засинѣлася,
Засинѣлись мечи булатные;
Что не крась въ поляхъ закраснѣлася,
Закраснѣлась кровь со печенью.
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти,
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго.
А хочетъ та сила басурманская взять Черниговъ градъ,
Извѣчныя (т. е. древнія) церкви Божіи на дымъ пустить,
А самого князя съ воеводою жива въ полонъ взять.
Зачѣмъ мать сыра земля не погонится?
Зачѣмъ мать сыра земля не разступится?
И жаль стало Ильѣ Муромцу града Чернигова.
Неукротимое сердце богатырское
Пуще огня огоничка оно разыграется,
Пуще палящаго мороза оно разгорается.
Тутъ говоритъ Илья таково слово:
„Не хотѣлось бы батюшкѣ супротивничкомъ быть
И нарушить данную мнѣ имъ заповѣдь".

Но „не помыслить зломъ на татарина", это значило бы допустить его безнаказанно убивать въ чистомъ полѣ христіанина. А равнодушно смотрѣть на убійство не то же ли, что самому убивать? Разсуждаетъ, такимъ образомъ, Илья Муромецъ и рѣшаетъ, что всякій можетъ заповѣдь кладывать, а не всякій-то можетъ ее исполнить. Нарушая отцовскій завѣтъ, нашъ богатырь руководился чувствомъ человѣколюбія, желая помочь черниговцамъ, которымъ угрожала великая опасность—нападеніе несмѣтной силы татаръ. Не вооружись Илья Муромецъ на татаръ, онъ допустилъ бы ихъ погубить многихъ жителей большого города Чернигова. И вотъ нашъ богатырь

Беретъ онъ въ руку саблю боевую,
Началъ по силушкѣ (т. е. среди непріятельскаго войска) погуливать:
Гдѣ повернется, дѣлалъ улицы,
Поворотится—частыя площади.

Какъ только богатырь замѣчаетъ, что значительно поубавилось татарскаго войска, онъ, дойдя уже до татарскихъ царевичей, прекращаетъ кровопролитіе и, обращаясь къ этимъ царевичамъ, говоритъ имъ:

„Поѣзжайте вы по своимъ мѣстамъ,
Сказывайте всѣмъ, кого встрѣтите,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
Что въ святой Руси богатыри живутъ".

Довольствуясь одною угрозою, богатырь нашъ не заботится даже о томъ, чтобы угроза эта соединялась со славою его имени.

Побѣда надъ татарами была одержана Ильею Муромцемъ такъ быстро, что черниговцы не замѣтили того; и въ то время, когда уже нашъ богатырь возвращался въ Черниговъ, послѣ побѣды надъ татарскимъ войскомъ, жители этого города еще въ церкви молились, причащались и съ родными прощались, собираясь

идти на татаръ. Между тѣмъ Илья Муромецъ подъѣхалъ къ церкви, гдѣ собрались черниговцы, слѣзъ съ коня, привязалъ его къ столбу и вошелъ въ нее (т. е. въ церковь). Смотрятъ на него черниговцы, дивуются:

— Откуда ты, добрый молодецъ, взялся? какъ къ намъ въ городъ черезъ силу несмѣтную татарскую могъ пробраться?—

Перекрестился Илья Муромецъ, поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ черниговцамъ:

„Эй, вы, добрые молодцы, куда собираетесь, о чемъ тужите, плачете, молитесь"?

— Аль не видѣлъ, витязь, что вокругъ нашего города облегла несмѣтная сила татарская? Не совладать намъ съ ними; на вѣрную смерть идемъ!—

Усмѣхнулся Илья и молвилъ:

„Не поздно ли собралися, добрые люди? Вы взойдите на стѣну, гляньте въ поле чистое, не лежатъ ли силы несмѣтныя"?

Побѣжали черниговцы на стѣну, глядятъ въ поле и очамъ не вѣрятъ: усѣяно поле мертвыми татарами; ни одинъ не привстанетъ, не подымется; вся сила татарская побита, какъ одинъ человѣкъ. Бросились черниговцы къ удалому богатырю, несутъ ему хлѣбъ, соль, дары великіе, серебро, золото, скатный жемчугъ, дорогія ткани разноцвѣтныя.

— Добрый молодецъ,—такъ говорили черниговцы,— могучій витязь, ты скажи, какъ тебя звать-величать? Какого ты роду-племени? Прими наши дары, хлѣбъ соль нашу малую, велика твоя заслуга для города нашего и для всѣхъ насъ, живущихъ въ немъ! а потому, бьемъ тебѣ челомъ, просимъ мы у тебя одной милости: ты останься у насъ жить воеводою, будемъ мы тебѣ служить вѣрой-правдою, будемъ слушать приказа твоего богатырскаго.

„Зовутъ меня Ильею Муромцемъ, а родомъ я изъ села Карачарова, не могу я быть воеводою, надо

мнѣ поспѣшить въ стольный Кіевъ-градъ къ свѣтлому Солнышку, князю Владиміру; покажите-ка мнѣ туда дорогу прямоѣзжую".

Переглянулись черниговцы, призадумались:

— Есть отъ насъ къ Кіеву дорога прямоѣзжая, да нельзя по той дорожкѣ ѣхать: тридцать лѣтъ по дорожкѣ той не ѣзжено, не хожено; залегло тою дорожкою болота тамъ глубокія, да широкая рѣка Смородина, быстрая, бурливая, что ни броду, ни проѣзду, да еще за рѣкою Смородиною свито гнѣздо соловьиное; засѣлъ въ немъ Соловей разбойникъ, нѣтъ мимо него ни конному проѣзду, ни пѣшему проходу; всѣхъ онъ убиваетъ своимъ свистомъ. Ѣздимъ же мы, витязь, въ Кіевъ окольною дорогою, хоть она и вдвое дальше, но за то вѣрнѣе. Поѣзжай-ка, удалый молодецъ, дорожкою окольною, прямоѣзжею дорогою пойдешь на вѣрную смерть; не сдобровать твоей головушкѣ отъ этого свисту соловьинаго.—

Разгорѣлось у Ильи сердце богатырское.

„Мнѣ ли, молодцу, бояться свисту соловьинаго, рыканья звѣринаго? Я поѣду въ Кіевъ прямою дорожкою, я очищу дорожку вплоть до самаго Кіева".

Вскочилъ Илья на своего коня; взвился конь подъ облако и слѣдъ простылъ.

Однажды во время пути нашъ богатырь сошелъ со своего Бурушка и отправился пѣшкомъ по берегу рѣки, ведя коня за поводъ, встрѣтился съ богатыремъ Зюзей, который шелъ и одинъ тянулъ расшиву (т. е. парусное судно) бичевою. Мѣсто было узкое; разойтись трудно, Съ дороги!—закричалъ Зюзя спѣсиво. Не понравилась эта хвастливость Ильѣ.

„Самъ съ дороги"! — отвѣчалъ богатырь Зюзѣ. Зюзя, кинувъ бичеву, пошелъ къ Ильѣ, чтобъ дать ему отвѣдать своей богатырской силы. Не вступаетъ съ нимъ въ бой Илья, не хочетъ драться; Илья хватаетъ Зюзю на руки и кидаетъ вверхъ. Летитъ Зюзя

вверхъ и потомъ летитъ внизъ; сто разъ успѣлъ онъ сказать на полетѣ: „Виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду!“ Илья подхватилъ его на руки, поставилъ на землю и продолжалъ свой путь.

По дорогѣ въ Кіевъ нападаютъ на нашего богатыря разбойники и хотятъ отнять у него богатырскаго коня; но онъ стрѣляетъ изъ лука не по разбойникамъ:

Ему жалко ихъ до смерти убить,—
Стрѣляетъ онъ старый во сырой дубъ.

Богатырь, которому жалко разбойниковъ до смерти убить, напоминаетъ намъ любимаго князя русскаго народа Владиміра Святого, избѣгавшаго даже разбойниковъ казнить смертію. И такъ, Илья, довольствуясь одною угрозою, стрѣлялъ не въ разбойниковъ, а въ дубъ.

А спѣла тетивка у туга лука,
Угодила стрѣла въ сырой вѣтвистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ;
Отъ того-то грому богатырскаго
Разбойники съ коней попадали
И пять часовъ безъ памяти лежали.

Когда же они, очнувшись, предлагаютъ богатырю столько казны, сколько хочетъ, и соглашаются быть его постоянными слугами, Илья Муромецъ отказывается и отъ казны и отъ ихъ службы, говоря имъ:

„Не хочу я съ вами стада пасти,
А ѣду я въ Кіевъ градъ,
Къ Владиміру князю на вспоможеніе,
На его сбереженіе“.

Такимъ образомъ, главною цѣлью подвиговъ Ильи Муромца, было не собираніе богатствъ, не пріобрѣтеніе власти, а служеніе міру, принесеніе пользы какъ всему народу, такъ и главному его защитнику и заступнику-великому князю кіевскому Владиміру Красному Солнышку.

Отсутствіе въ нашемъ богатырѣ корысти и готовность его послужить всему міру православному замѣчается также въ тѣхъ былинахъ, въ которыхъ описывается борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ.

Ѣхалъ удалый по чисту полю,
Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
На столбѣ надпись такая:
„Прямо ѣхать, только пятьсотъ верстъ,
А объѣздомъ ѣхать, семьсотъ верстъ;
Какъ прямо ѣхать, живу не быть;
Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному.
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ..."
Стоитъ Илья пораздумался:
„Не честь мнѣ, хвала молодецкая,
Ѣхать тою дороженькой окольною,
А лучше поѣду дороженькою прямоѣзжею"...
Пріѣзжаетъ Ильюша къ сырымъ дубамъ:
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ.
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по-змѣиному,
А въ третьи зарявкалъ по-звѣриному.
Добрый конь Ильи на колѣнки палъ
Отъ того отъ свиста соловьинаго,
Отъ того отъ шипа отъ змѣинаго,
Отъ того отъ крика отъ звѣринаго.
Говоритъ Илья Муромецъ своему коню:
„Волкъ тебя ѣшь, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты, конь, въ темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли крику звѣринаго".

Натянувъ тогда тугой лукъ, Илья Муромецъ выстрѣлилъ въ Соловья разбойника. Стрѣла съ такой силой ударилась въ правый глазъ, что вышла въ лѣвое ухо.

Упалъ тогда Соловей разбойникъ на землю; поднявъ его, нашъ богатырь пристегнулъ его къ черкасскому стремени.

Когда нашъ богатырь, одолѣвъ Соловья разбойника, подъѣхалъ ко двору послѣдняго, сначала на него бросилась старшая дочь Соловья и хотѣла его ударить кускомъ чугуна въ 90 пудовъ. Но Илья увернулся отъ удара и съ такою силою ударилъ ее по спинѣ, что она пролетѣла черезъ весь дворъ длиною въ семь верстъ и упала на другой конецъ двора. Тогда жена и дѣти Соловья-разбойника стали предлагать за него

Много несчетной золотой казны:
Стали давать денегъ три тысячи;—
Не беретъ Илья трехъ тысячей;
Стали давать ему тридцать тысячей;—
Не беретъ Илья и тридцати тысячей.
Говорятъ Ильѣ жена и дѣти Соловья разбойника:
„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты бери-ка за отца нашего
Хочешь краснаго золота, хочешь чистаго серебра,
А хочешь скатнаго лучшаго жемчуга,
Сколько можешь увезти на добромъ конѣ,
Унести на плечахъ могучихъ богатырскихъ!"
Сказалъ имъ Илья таковы слова:

— Ай же, малыя дѣти Соловьиныя! не отдамъ я вамъ здѣсь отца вашего батюшку; я его отдамъ вамъ, можетъ быть, въ Кіевѣ, куда вы должны привезти всѣ ваши богатства.

Сказавъ это, Илья Муромецъ поспѣшилъ сѣсть на коня и поскакалъ по направленію къ Кіеву.

Не желая больше медлить и минуточки въ Соловьиномъ подворьѣ, за три ускока былъ уже у рѣки Днѣпра, а на Днѣпрѣ рѣкѣ перевозчицей была Соловьиная дочь, Катюшенька. Широка, глубока рѣка; видитъ Соловей, что не перейти богатырю, не перескочить коню богатырскому, и кричитъ своей дочери:

„Доченька родная, Катюшенька! Не перевози ты добраго молодца, витязя могучаго, проси ты у него въ залогъ меня, стараго, тогда и перевези, какъ отпуститъ меня на волю"!..

Послушалась отца перевозчица, отчалила и переѣхала на ту сторону.

Промолчалъ нашъ богатырь Илья Муроцецъ, слѣзъ съ коня, лѣвой рукой его въ поводу ведетъ, а правою рветъ дубы столѣтніе съ корнями, съ подкореньями; подошелъ къ рѣкѣ, перебросилъ дубы, намостилъ себѣ мостъ крѣпко-на-крѣпко, самъ перешелъ и коня перевелъ. Вынулъ онъ тогда изъ кармана подорожную плетку шелковую о семи хвостахъ съ проволокою, подошелъ къ перевозчицѣ.

— Ну-ка, дѣвица, теперь мы съ тобой разсчитаемся!—

Стегнулъ разъ, она съ ногъ свалилася, а другой стегнулъ и убилъ ее до смерти.

Пріумолкъ Соловей-разбойникъ, не шелохнется и глянуть не смѣетъ на богатыря.

Бѣжитъ конь у Ильи, какъ соколъ летитъ, озера промежъ ногъ беретъ, хвостомъ поля устилаетъ. Смотрятъ на Илью старые богатыри, любуются:

— Нѣтъ другого богатыря на поѣздку, какъ Илья Муромецъ! Вся поѣздка его молодецкая, вся поступка его богатырская!

Пріѣзжаетъ Илья во Кіевъ градъ.
Среди двора княжецкаго
Привязалъ коня ко дубову столбу,
Походилъ онъ во гридню (т. е. столовую) во свѣтлую
И молился онъ Спасу со Пречистою;
Кланяется-то онъ на всѣ четыре стороны,
Солнышку-князю со княгиней въ особину.
Поднесли Ильѣ турій рогъ меду сладкаго.
Принималъ Илья единой рукой,
Выпивалъ его единымъ духомъ;
Взговоритъ тутъ Илья таково слово:

— Охъ ты гой еси, Владиміръ князь стольно-кіевскій,
Тебѣ надо-ль насъ, принимаешь ли
Сильныхъ могучихъ богатырей,
Тебѣ, сударь, князю, на почесть-хвалу,
Твоему граду стольному на сбереженье,
Басурманамъ на посѣченье?—
Говоритъ ласковый Владиміръ князь:
„Да какъ мнѣ васъ не надо то;
Я вездѣ васъ ищу вездѣ спрашиваю!
Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ?
Величаютъ какъ по изотчеству?
А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловать".
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
— Охъ ты гой еси, ласковый, стольный Владиміръ князь,
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ славнаго изъ города изъ Мурома,
Изъ того ли села Карачарова.
Не засталъ я обѣдню воскресную:
Провозился долго я съ Соловьемъ разбойникомъ,
Одолѣлъ его я и привезъ тебѣ, князь показать".

Сначала ни князь, ни окружавшіе его богатыри не повѣрили Ильѣ Муромцу въ томъ, что онъ совладалъ съ Соловьемъ, потому что Соловей былъ не подъ силу никому. Но они еще не знали, какой богатырь къ нимъ пріѣхалъ.

Не повѣрилъ князь и сказалъ онъ Ильѣ:
„А видно ты, удалый добрый молодецъ,
Сегодня успѣлъ побывать въ кабакѣ!
Не напился ли ты меда или пива,
Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?..."
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
— Самъ изволь посмотрѣть, князь нашъ милостивый!
Привязалъ я Соловья разбойника къ стремени.—
Тогда Владиміръ князь, красно Солнышко,
Скорешенько всталъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубеньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,

Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ.
Смотрѣть его удачи богатырскія.
Выходили тутъ князи-бояре,
Всѣ русскіе могучіе богатыри.
Говорилъ-то Владиміръ князь да таковы слова:
„Если ты, Соловей-разбойникъ, воръ Рахмановичъ,
Засвищи-ка ты по соловьиному."
Говорилъ то Соловей-разбойникъ воръ Рахмановичъ:
„Не твой хлѣбъ я кушаю, не тебя и слушаю".
Говорилъ то какъ Владиміръ князь да стольно-кіевскій:
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Прикажи-ка ты засвистать по соловьиному".

„Ой, великій князь стольно-кіевскій, запеклись у Соловья уста его, не свистнуть ему теперь; вели ему вынести чару зелена-вина въ полтора ведра, да другую пива пьянаго, да третью меда сладкаго; да дай закусить калачомъ крупичатымъ, величиною въ турій рогъ; вотъ тогда онъ и засвищетъ, потѣшитъ насъ.

Такъ молвилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Когда же принесли Соловью чару зелена вина, принесли пива, меду сладкаго; и когда освѣжилъ онъ свою голову, нашъ богатырь сталъ его уговаривать:

— Ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ.
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи ты, змѣй, по-змѣиному,
Зарявкай, звѣрь, по-звѣриному,—
И потѣшь князя Владиміра!—
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;
Отъ страха нѣкоторые изъ нихъ упали на землю,
На карачкахъ по двору наползалися.
Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Уйми ты Соловья разбойника,
А и эта шутка намъ не надобна".

А Соловей сталъ упрашивать Илью Муромца:

— Отпустите вы меня на волю, я выстрою вокругъ Кіева села съ приселками, города съ пригородами, по-

строю церквей, монастырей; буду грѣхи свои тяжкіе замаливать.

Не слушаетъ его Илья Муромецъ, а молвитъ:

„Нельзя отпустить его, онъ опять будетъ разбой держать; не строитель онъ вѣковой, а раззоритель".

Илья скорешенько садился на добра коня,
И онъ везъ-то Соловья да во чисто поле,
И онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
— Тебѣ полно-тко свистать по-соловьиному,
Тебѣ полно-тко кричать да по-звѣриному,
Тебѣ полно-тко слезить да отцевъ, матерей,
Тебѣ полно-тко вдовить женъ молодыхъ,
Тебѣ полно-тко спущать то сиротать да малыхъ дѣтушекъ... —
Затѣмъ Илья возвратился во Кіевъ градъ,
Поступилъ онъ на службу ко князю Владиміру
И былъ главнымъ защитникомъ русской земли.

Подъ самымъ городомъ Кіевомъ на проѣзжей дорогѣ стояла богатырская застава; а эту заставу оберегали не много, не мало — двѣнадцать богатырей. Атаманомъ на заставѣ былъ Илья Муромецъ, подъатаманомъ Добрыня Никитичъ, есауломъ Алеша Поповичъ.

Три года стояли ужъ богатыри на своей молодецкой заставѣ, не пропускали ни коннаго, ни пѣшаго, ни своего, ни чужого; мимо нихъ ни звѣрь не проскользалъ, ни птица не пролетала; горностайка пробѣжитъ, и тотъ шубку оставитъ, птица пролетитъ и та перо выронитъ....

Разбрелись какъ-то богатыри: кто въ Кіевъ уѣхалъ, кто на охоту отправился стрѣлять гусей, лебедей, а Илья Муромецъ заснулъ въ своемъ бѣломъ полотняномъ шатрѣ крѣпко-накрѣпко, проспалъ вплоть до зари, всталъ и пошелъ умываться ключевою водою, студеною. Ѣдетъ Добрыня съ охоты, видитъ на полѣ

слѣдъ отъ копыта лошадинаго, богатырскій слѣдъ, не маленькій, величиною съ пол-печи. Сталъ Добрыня слѣдъ этотъ разсматривать и говорить:

— Это не простая ископыть; это проѣхалъ мимо нашей заставы могучій Жидовинъ богатырь изъ земли Козарской!—

Пріѣхалъ Добрыня на заставу, сталъ скликать своихъ товарищей:

— Гой еси, вы, братцы, товарищи! Что-жъ у насъ за застава, коли мы не углядѣли, какъ мимо насъ Жидовинъ проѣхалъ, чужой богатырь? Какъ же это мы, братцы, на заставѣ не устояли? Надо теперь ѣхать въ погоню за нахвальщикомъ...

Стали тутъ богатыри судить да рядить, кому ѣхать, и положили послать Алешу Поповича.

„Нѣтъ, братцы", сказалъ Илья: „это вы нехорошо придумали: Алеша жаденъ на золото, серебро; увидитъ онъ на богатырѣ одежду дорогую, позарится и погибнетъ ни за что, ни про что".

Хотѣли было еще выбрать того да другого, но все оказались богатыри неподходящіе. Тогда положили ѣхать въ поле Добрынѣ Никитичу.

Собрался Добрыня, осѣдлалъ своего коня, взялъ съ собою палицу желѣзную, тяжелую, опоясалъ острую сабельку, взялъ въ руки шелковую плеть и поѣхалъ догонять нахвальщика. Доѣхалъ до горы Сорочинской, въѣхалъ на гору, смотритъ въ трубку серебряную, видитъ, стоитъ удалой богатырь въ полѣ; конь подъ нимъ, какъ гора; а самъ онъ, какъ сѣнная копна; на головѣ шапка мѣховая, пушистая, все лицо закрываетъ.

Поѣхалъ Добрыня прямо на богатыря, закричалъ ему громкимъ голосомъ:

„Эй ты, нахвальщикъ! Что же ты мимо нашей заставы проѣхалъ, нашему атаману Ильѣ Муромцу не поклонился, нашему есаулу Алешѣ Поповичу ничего въ казну не положилъ на всю нашу братію"?

Заслышалъ Жидовинъ Добрыню, повернулъ коня, поскакалъ къ нему... Задрожала земля, всколыхалась вода въ озерахъ, а конь Добрыни палъ на колѣни, едва его Добрыня на поводу удержалъ.

„Господи! Мать Пресвятая Богородица"! взмолился витязь: „унеси ты меня только отъ такого чудища".

Повернулъ онъ скорѣе коня и ускакалъ на заставу. Пріѣзжаетъ ни живъ, ни мертвъ и разсказываетъ все Ильѣ Муромцу и товарищамъ.

— Ну ужъ, видно, мнѣ самому —сказалъ Илья Муромецъ:—ѣхать въ чистое поле; если Добрыня, мой крестовый братъ, не справился, такъ больше мнѣ некѣмъ и замѣниться.—

Осѣдлалъ Илья своего вѣрнаго Бурушка, взялъ съ собою палицу въ девяносто пудъ, опоясалъ саблю острую, прихватилъ копье мурзамецкое собрался выѣхать въ чистое поле.

Догоняетъ его Добрыня Никитичъ, спрашиваетъ:

„Охъ, братецъ крестовый, славный богатырь Илья Муромецъ! Выѣзжаешь ты на бой не на шуточный, на побои смертные, на удары тяжелые: что же велишь намъ дѣлать? Куда намъ идти, куда ѣхать прикажешь, чтобы тебя оберечь"?

— Поѣзжайте вы на гору Сорочинскую, смотрите, выслѣживайте нашъ богатырскій бой: какъ увидите, что не въ моготу мнѣ больше съ Жидовиномъ биться, поспѣшайте ко мнѣ на выручку.—

Такъ сказалъ Илья Муромецъ и выѣхалъ въ чистое поле; посмотрѣвъ въ свой кулакъ богатырскій, онъ видѣлъ: разъѣзжаетъ богатырь громадный, тѣшится, кидаетъ къ небу палицу желѣзную въ девяносто пудъ. Закинетъ Жидовинъ эту палицу выше облака ходячаго, подъѣдетъ, подхватитъ одною рукой и вертитъ его по воздуху, какъ лебяжьимъ перышкомъ...

Жутко стало Ильѣ, никогда онъ такого силача еще

не видывалъ. Обнялъ онъ своего коня косматаго, припалъ къ нему, говоритъ:

— Охъ ты, Бурушко мой косматенькій, ты мой добрый, вѣрный товарищъ и въ радости, и въ горести! Послужи-ка ты мнѣ теперь вѣрою, правдою постарому, попрежнему, чтобы не побилъ насъ съ тобою Жидовинъ некрещеный въ чистомъ полѣ, чтобы не срубилъ онъ мнѣ буйной моей головушки!—

Заржалъ конь, взглянулъ на богатыря и ринулся впередъ на страшный бой.

Подъѣхалъ Илья къ Жидовину, закричалъ ему:

— Эй ты, воръ, нахвальщикъ! Зачѣмъ проѣхалъ нашу заставу и мнѣ, атаману, челомъ не билъ, есаулу нашему въ казну не клалъ?—

Увидѣлъ его Жидовинъ, припустилъ на него коня; всколебалась земля, затряслась; но у Ильи конь стоитъ, какъ вкопанный, не дрогнетъ; самъ Илья въ сѣдлѣ не шелохнется.

Съѣхались противники, ударились палицами, бились, не жалѣючи, со всей богатырской силы, такъ что у палицъ рукояти пообломилися; а ни тотъ, ни другой не одолѣлъ, другъ друга не ранили; даже доспѣхи цѣлы остались; и оба они на коняхъ усидѣли. Обнажили они тогда свои сабли острыя, разъѣхались, наскочили, ударились; зазубрились сабли о кольчуги, переломилися, ни того, ни другого не ранили. Налетѣли они другъ на друга съ копьями, били другъ друга въ грудь со всей силы; переломились копья по маковки; а все оба богатыря на коняхъ сидятъ. Стали они тянуться на палицѣ: ухватились оба за палицу, тянулись долго ли, коротко ли; у нихъ кони на колѣна пали, а ни тотъ, ни другой богатырь изъ сѣдла не вылетѣлъ, не двинулся.

— Знать, ужъ надо намъ биться рукопашкою!— рѣшили они и сошли съ коней.

Схватились два силача, что ясные соколы, бьются,

борются весь день до вечера, бьются, борются съ вечера до полуночи, а съ полуночи до зари утренней... Вдругъ махнулъ Илья правою рукою, да и поскользнулся на лѣвую ногу; подвернулась у него нога; упалъ онъ на землю, а нахвальщику то и наруку: сѣлъ онъ ему на грудь, вынулъ свой булатный кинжалъ, хочетъ отсѣчь Ильѣ голову по плечи, распороть грудь, вынуть сердце съ печенью, а самъ надъ нимъ насмѣхается:

„Старый ты старикъ, калѣчище! Тебѣ ли ѣздить въ чистое поле, тебѣ ли стоять на богатырской заставѣ?!... Некому, развѣ, у васъ на Руси смѣнить тебя, стараго? Поставилъ бы ты себѣ у дороги келейку да и собиралъ бы подаяньице; вотъ бы и хватило тебѣ на пропитанье до самой смерти"!

Лежитъ Илья подъ нимъ, а самъ думаетъ:

— Развѣ невѣрно мнѣ святые отцы напророчили, что на бою мнѣ смерть не написана? А вотъ теперь я подъ богатыремъ лежу!

Только подумалъ, и чувствуетъ, что у него силушки-то вдвое прибыло: какъ подбросилъ онъ противника своего съ груди богатырской; полетѣлъ тотъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, упалъ и ушелъ въ мать сырую землю попоясъ.

Не рубилъ ему Илья буйной головы, отпустилъ его на всѣ четыре стороны; самъ же воротился на заставу къ богатырямъ и, нисколько не хвастаясь своей побѣдою, только замѣтилъ:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Такого чуда не наѣзживалъ.

Такимъ образомъ, наряду съ необычайною тѣлесною силою мы наблюдаемъ у Ильи Муромца необыкновенную кротость и смиреніе христіанина, однимъ словомъ, соединеніе силы тѣлесной и силы духовной.

Таковъ любимый богатырь русскаго народа: никогда и нигдѣ онъ не испытываетъ силы напрасно, не выказываетъ ее, когда не нужно, не тѣшится ею; она

(т. е. сила) всегда у него полезное орудіе для добраго дѣла только (напримѣръ, для избавленія мирныхъ кіевлянъ отъ разбойниковъ и другихъ лихихъ людей). Не любитъ крови его мирная, не воинственная душа. Мягкосердечіе и великодушіе были настолько значительны въ нашемъ богатырѣ, что онъ не только самъ избѣгалъ наносить удары и причинять вредъ кому бы то ни было, но останавливалъ иногда другихъ богатырей, посягавшихъ на жизнь своихъ соперниковъ. Такъ, когда богатырь Добрыня намѣревался отомстить другому богатырю Алешѣ Поповичу за то, что онъ, Алеша, принудилъ его (т. е. Добрыню) жену выйти за него замужъ, Илья Муромецъ останавливаетъ расходившуюся руку Добрыни, говоря:

„Не убей ты смертью напрасною меньшаго брата Алешу Поповича"!

Лишь въ одномъ случаѣ нашъ богатырь измѣнялъ основному правилу своихъ дѣйствій — не причинять вреда и насилія кому бы то ни было (судя по былинамъ, такого рода измѣна наблюдалась въ теченіи всей жизни Ильи Муромца раза два, три)—тогда, когда его пылкую душу и горячее сердце возмущала какая-нибудь вопіющая несправедливость. Такою несправедливостью въ глазахъ перваго представителя земской дружины Ильи Муромца являлось то предпочтеніе, которое въ очень рѣдкихъ случаяхъ, по наущенію и подъ вліяніемъ великокняжескихъ дружинниковъ, оказывалъ Владиміръ Красное Солнышко княжеской дружинѣ передъ земской. Такъ однажды этотъ князь, находясь подъ минутнымъ вліяніемъ своихъ старыхъ дружинниковъ, не любившихъ земскихъ (т. е. народныхъ) богатырей, сдѣлалъ пиръ про всѣхъ бояръ и витязей, всѣхъ позвалъ, только одного позабылъ — Илью Муромца. Обидѣлся старый богатырь, задумалъ думу недобрую. Взялъ онъ свой тугой лукъ съ каленными стрѣлами, по кіевскимъ улицамъ похаживаетъ, маковки золотыя со-

стрѣливаетъ. Настрѣлялъ ихъ много ли, мало ли, и сталъ кричать, созывать по Кіеву:

„Эй, вы, нищіе, убогіе, собирайтесь-ка ко мнѣ, я васъ виномъ напою“....

Бѣгутъ къ нему отовсюду нищіе, радехоньки, а онъ продалъ золотыя маковки и накупилъ имъ цѣлыя бочки вина, угощаетъ ихъ, самъ съ ними пьетъ. Гуляютъ они ни день, ни два, похаживаютъ по улицамъ, шутки пошучиваютъ. Владиміръ видитъ, что дѣло плохо, разсердился на него богатырь, надо его сердце унять, а то не сдобровать, пожалуй, и Кіеву. Заготовилъ онъ пиръ лучше прежняго, созвалъ опять всѣхъ бояръ и витязей (т. е. лучшихъ дружинниковъ) и сталъ съ ними думу думать, совѣтъ держать: кого бы послать къ Ильѣ, чтобы звать его на честной пиръ.

— Кому же иному идти за Ильею,—рѣшили витязи:— какъ не брату его названному, Добрынѣ Никитичу? Съ Добрыней они крестами помѣнялися, держали заповѣдь великую: чтобы меньшій братъ слушалъ большаго, а большій меньшаго.—

„Ну, Добрынюшка Никитичъ, тебѣ и идти къ Ильѣ съ повинною“, сказалъ Владиміръ: „скажи ему, чтобы на старое не гнѣвался; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“!

Пошелъ Добрыня, пришелъ къ Ильѣ; видитъ,—онъ сидитъ съ нищими, угощается, прохлаждается.

— Ахъ ты, братецъ мой названный, славный богатырь Илья Муромецъ! Удержи ты свои руки бѣлыя, могучія, укроти свое сердце лютое; ты попомни нашу заповѣдь великую, чтобы старшему брату слушаться брата меньшаго. Послалъ меня къ тебѣ Солнышко Владиміръ князь, просилъ тебя на старое не гнѣваться, а придти къ нему на честной пиръ, съ нимъ, нашимъ Солнышкомъ, помириться.—

„Ну“, говорилъ такъ Илья Муромецъ: „крестовый братъ названный, зналъ князь Владиміръ, кого за

мною послать; никого бы другого я не послушался, а съ тобою у меня заповѣдь положена: нельзя мнѣ тебя ослушаться. Что-жъ, пойти пойду на честной пиръ, только ужъ и гостей своихъ съ собой захвачу; пусть Владиміръ князь на меня за это не прогнѣвается.

Пошелъ Илья по Кіеву къ княжескому терему, а за нимъ потянулась и вся нищая братія; всѣмъ велѣлъ идти за собою въ княжескую гридню.

Владиміръ, какъ завидѣлъ дорогого гостя, вскочилъ изъ-за стола, взялъ его за бѣлыя руки, цѣловалъ его въ самыя уста, называлъ любимымъ богатыремъ, славнымъ Ильею, свѣтъ, Ивановичемъ.

Стали усаживаться за столы дубовые, ведетъ Владиміръ своего дорогого гостя къ столу говоритъ ему".

— Ой же ты, Илья, свѣтъ, Ивановичъ! Ты садись на любое мѣсто, на выбранное: хочешь, сядь по заслугѣ, по выслугѣ, по мою руку правую; хочешь, сядь на мѣсто большее, въ большой уголъ; а то, хочешь, сядь куда тебѣ, молодцу, вздумается.—

Не сѣлъ Илья на мѣсто большее, не сѣлъ и по заслугѣ, по выслугѣ, и выбралъ себѣ мѣсто среднее и съ собою посадилъ всю нищую братію.

Поднесли Ильѣ чару зелена вина, да другую чару меду сладкаго; выпилъ Илья и сказалъ князю:

„Ай ты, Владиміръ стольно Кіевскій! Зналъ ты, князь, кого за мною послать, зналъ, кому меня было позвать! Не послалъ бы ты моего братца крестоваго, никого бы я другого не послушалъ... И ужъ плохо бы вамъ всѣмъ пришлось отъ меня, отъ стараго!.. Ну да, Богъ тебя проститъ на этотъ разъ, а кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ"!

Такъ-то пировалъ Илья ровно три дня съ княземъ и съ княгинею; пировала съ ними и вся нищая братія, и не только въ гриднѣ княжеской, а и по всему Кіеву всѣ пивоварни, всѣ винные погреба были открыты на княжескій счетъ; кто хотѣлъ, тотъ шелъ, пока его

ноги носили. Зато и узнали во всемъ Кіевѣ отъ стараго до малаго, что помирился любимый богатырь кіевлянъ съ любимымъ ихъ княземъ—Илья Муромецъ, свѣтъ, Ивановичъ съ Краснымъ Солнышкомъ, ласковымъ княземъ Владиміромъ; узнали всѣ и порадовались: (всякъ по своему—молодые плясать пошли, старые зелена вина отвѣдали да пѣсню затянули, а малыя дѣтушки собрались вокругъ бабушекъ, послушать старинушку про прежнее, да про бывалое).

Что наши предки относились съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти своего любимаго богатыря Ильи Муромца, это видно, между прочимъ, изъ того, что объ этомъ богатырѣ, по словамъ былины,

Написано было у святыхъ отцевъ,
Удумано было у апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ побитому.

То глубокое уваженіе нашихъ предковъ, съ какимъ они относились къ Ильѣ Муромцу, объясняется истинно христіанскимъ поведеніемъ любимаго народнаго богатыря. Такое поведеніе нашего богатыря мы замѣчаемъ какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ его подвигахъ, въ его борьбѣ съ Идолищемъ поганымъ, съ татарами и въ трехъ поѣздочкахъ, предпринятыхъ имъ на закатѣ его долгихъ дней.

Подъ „Идолищемъ поганымъ“ должно разумѣть, судя по содержанію многихъ былинъ, тѣхъ алчныхъ дружинниковъ—закоренѣлыхъ язычниковъ, которые, по крещеніи Руси, бѣжали въ сосѣдніе кіевскіе лѣса и занимались разбоемъ и грабежемъ мирныхъ поселянъ, жившихъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Кромѣ того, подъ „Идолищемъ поганымъ“ возможно разумѣть вообще всѣхъ бывшихъ во времена Владиміра Св. закоренѣлыхъ язычниковъ, съ наиболѣе ревностными и ярыми представителями которыхъ успѣшно борется одинъ изъ лучшихъ представителей христіанства—лю-

бимый своими современниками богатырь Илья Муромецъ, твердо помнившій во всѣхъ случаяхъ своей жизни главную заповѣдь Христову о любви къ ближнему.

По словамъ нѣкоторыхъ былинъ, „Идолище" совершалъ всякаго рода насилія во всей русской землѣ, а главнымъ образомъ, въ Кіевѣ: господство его въ этомъ городѣ сопровождалось многими насиліями: будучи громаднымъ, безобразнымъ, страшнымъ, онъ ѣлъ и пилъ чудовищными пріемами.

И въ вышину Идолище трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень.
Промежду глазъ калена стрѣла;
Голова-то у него съ пивной котелъ,
Глаза-то у него съ пивные ковши,
Туловище со круту гору.

Идолище поганое, пожирая во множествѣ жертвы, такъ что мало уже остается скота въ городѣ, не допускаетъ совершенія церковной службы, звона колокольнаго, прошенія милостыни Христовымъ именемъ. Князь поневолѣ ему подчиняется; съ княгинею онъ обращается самымъ наглымъ образомъ; народъ весь перепуганъ, въ ужасѣ. Илья узнаетъ о томъ отъ странниковъ-богомольцовъ.

Поселился Идолище поганое на дворѣ великокняжескомъ, отправивъ посла къ Владиміру съ предложеніемъ выставить противъ него одного изъ своихъ богатырей. Въ ужасъ пришелъ тогда князь Владиміръ и сильно закручинился, не зная, какъ ему поступить. Его выручаетъ изъ бѣды Илья Муромецъ, который говоритъ ему:

Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
На бою мнѣ-ка смерть не написана.
Пойду я въ широкое чистое поле
И убью-то я Идолища поганаго.
Обулъ Илья лапти шелковыя,

Котомку одѣлъ онъ черна бархата,
На головушку надѣлъ шляпу земли грѣческой.
И пошелъ онъ ко Идолищу ко поганому.
Пришелъ Илья въ палату бѣлокаменную
Ко этому Идолищу поганому.
Пришелъ къ нему и поздоровался.
Говорилъ ему Идолище поганое:
„Разскажи-ка мнѣ, странникъ, вотъ о чемъ:
Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ"?
Говоритъ ему Илья таковы слова:
Такъ великъ Илья, какъ и я.

Идолище не догадывается, кто стоитъ и опять спрашиваетъ нашего богатыря:

„Ты скажи мнѣ, странникъ вотъ о чемъ:
По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣстъ?
По многу ли Илья вашъ пива пьетъ"?
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:
Ѣстъ Илейко по калачику.
Пьетъ Илейко по стаканчику.
Насмѣялся надъ нимъ Идолище поганое:
„Экой вашъ богатырь Илья:
Я вотъ по семи ведеръ пива пью,
По семи пудовъ хлѣба кушаю".
Говоритъ ему Илья таковы слова:
У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ
У него была корова ѣдучая:
Она много пила и ѣла, и лопнула".
Это Идолищу не понравилося;
Схватилъ онъ свое кинжалище стальное
И бросилъ его въ Илью Муромца
Со всею силою великою,
Отодвинулся Илья въ сторону,
Пролетѣлъ его мимо стальной ножъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Расходились плечи могучіе,
Захватилъ онъ шляпу землегрецкую,
Землегрецкую шляпу въ сорокъ пять пудовъ.
Металъ шляпу въ Идолище поганое,
Попадалъ ему въ буйну голову.
Улетѣла голова въ чисто поле.

Князь Владиміръ не зналъ, чѣмъ благодарить Илью Муромца, и всѣ жители смерти Идольской обрадовались.

Черты христіанскаго поведенія Ильи Муромца, его великодушіе, незлобіе, человѣколюбіе и постоянная готовность послужить на пользу общую замѣчаются и въ тѣхъ былинахъ, въ которыхъ разсказывается о нападеніи татаръ на Кіевъ во время отсутствія Ильи и нѣкоторыхъ другихъ богатырей. Отсутствовали богатыри въ Кіевѣ потому, что они поссорились съ княземъ Владиміромъ и положили не бывать болѣе въ Кіевѣ:

— Князь,—жаловались они тогда:—слушаетъ бояръ и витязей и не почитаетъ богатырей.—

Между тѣмъ въ ихъ отсутствіе городъ Кіевъ осадило такое огромное войско татарское, что отъ пару конинаго солнце и мѣсяцъ померкнули. Велитъ князь Владиміръ зазвонить въ плакунъ-колоколъ, а самъ направляется въ церковь въ платьѣ печальномъ; случайно встрѣчаетъ онъ Илью и то не узналъ его подъ одеждою странника. Униженно проситъ князь Владиміръ богатыря „постараться за вѣру христіанскую", бьетъ челомъ онъ до сырой земли среди площади городской: „не ради меня, князя Владиміра, не ради княгини Апраксѣевны, не ради церквей и монастырей,—а ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей, пособи мнѣ, Илья Муромецъ", — говоритъ, между прочимъ, князь Владиміръ:—„думушку думать: сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ, безъ бою, безъ драки, безъ кровопролитія напраснаго"?

Отвѣчаетъ Илья князю Владиміру:

— Ни о чемъ не печалься, Владиміръ, князь кіевскій: Богъ нашъ Спасъ оборонитъ насъ, Пречистая и всѣхъ сохранитъ. Насыпай миску чистаго серебра, другую краснаго золота, третью скатнаго (т. е. лучшаго крупнаго) жемчуга, и поѣдемъ со мной къ татарскому царю Калину съ своими подарками.

Пріѣхавъ въ станъ татарскій, Илья соскочилъ съ коня, кланяется царю и говоритъ:

Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ,
Прими дорогіе подарки отъ великаго князя Владиміра.
А и дай ты намъ сроку на три дня—
Въ Кіевѣ дѣла свои справить,
Отслужить обѣдню съ панихидами,
Какъ-де служатъ по усопшимъ душамъ,
Другъ со дружкой проститься.

Царь Калинъ принялъ подарки съ бранью, а срока не далъ. Обидно стало Ильѣ, что не далъ Калинъ царь срока ни на три дня, ни на три часа, и сказалъ онъ ему:

Собака, проклятый ты Калинъ царь!
Отойди съ татарами отъ Кіева!
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Обидно стало и царю такое слово; онъ велѣлъ татарамъ схватить Илью. Схватили Илью,

Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпкія повязки шелковыя.

Еще болѣе оскорбился Илья, но еще терпитъ и повторяетъ только царю слова свои:

Собака, проклятый ты Калинъ царь!
Отойди съ татарами отъ Кіева!
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Еще болѣе разсерженный, Калинъ царь плюетъ Ильѣ въ ясны очи, говоря: „Всегда хвастливы русскіе люди. Весь опутанъ стоитъ передо мною, да еще хвастаетъ".

Сильно оскорбился Илья; за великую досаду показалось ему, что плюетъ ему царь въ ясны очи:

Вскочилъ въ полдерева стоячаго,
Изорвалъ повязки на могучихъ плечахъ...

Не допускаютъ Илью до добраго коня и до его тяжелой палицы, до мѣдной, литой, въ три тысячи пудовъ. Схватилъ Илья самаго высокаго татарина за ноги и началъ татариномъ помахивать. Куда ни махнетъ— тутъ и улицы лежатъ, куда отвернетъ — съ переулками:

А самъ татарину приговариваетъ:
А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
А и жиловатъ, собака, не изорвется.
Но только сказалъ Илья свои слова,
Какъ оторвалась татарская голова,
Угодила та голова вдоль по войску татарскому.

И на полетѣ бьетъ и ломитъ татаръ. Побѣжали татары, потонули въ болотахъ и рѣкахъ. Воротился Илья къ Калину царю, схватилъ его за руки и приговариваетъ:

Васъ, басурманскихъ царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!..
Поднялъ его выше своей головы,
Ударилъ его прямо о камень,
Расшибъ его въ крохи пирожныя.
Бѣгутъ остальные татары и заклинаются:
„Не дай Богъ намъ бывать во Кіевѣ,
Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!
Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы?
Одинъ человѣкъ всѣхъ татаръ побилъ"!

Уже будучи старикомъ, наѣзжаетъ однажды Илья Муромецъ на перекресткѣ на столбы съ надписями: „Въ эту дорогу ѣхать — женатому быть, въ эту — богату быть, а вотъ въ эту—убиту быть". Послѣ нѣкотораго размышленія старый богатырь рѣшилъ, что незачѣмъ ему передъ смертью обзаводиться женою и искать себѣ богатства. „Поѣду-ка", говоритъ онъ: „въ ту дорожку, гдѣ убиту быть, и убиту быть и замучену, а душѣ-то съ тѣломъ быть разлученной".

Илья Муромецъ, отправляясь по той дорогѣ, на которой онъ могъ быть убитымъ, встрѣчаетъ разбой-

никовъ; они нападаютъ на него, но онъ одолѣваетъ ихъ при помощи своей желѣзной палицы въ сто девяносто пудовъ.

Побивъ разбойниковъ и возвратясь къ столбамъ съ надписями, Илья Муромецъ измѣняетъ одну изъ нихъ слѣдующимъ образомъ: „Во ту дорожку ѣздилъ— убитъ не былъ".

Затѣмъ нашъ богатырь, желая узнать, что можетъ побудить его жениться, отправляется по второй дорогѣ.

Ѣхалъ Илья Муромецъ ровно три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Выѣзжаетъ онъ на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга зеленые,
На тѣхъ лугахъ на зеленыхъ
Стоитъ какъ чудо-чудное, диво-дивное:
Городомъ назвать, такъ онъ малъ стоитъ,
А селомъ назвать, такъ онъ великъ стоитъ;
Стоятъ тутъ палаты бѣлокаменныя;
Пріѣзжалъ онъ туда на широкій дворъ;
Выходила изъ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ
Молодая прекрасная королевична,
Брала удалаго за бѣлыя руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Проводила въ палаты бѣлокаменныя,
Садила за тѣ столы дубовые...

Вмѣсто того, чтобы влюбиться въ молодую и прекрасную королевичну, Илья, догадываясь, что она чародѣйка,

Какъ бралъ онъ ее за бѣлы руки,
Бросилъ на кроватку волшебную,
Провалилася она въ тѣ погреба глубокіе.

Взявъ у нея золотые ключи и открывъ ими погреба, богатырь выпустилъ изъ нихъ многихъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ и могучихъ богатырей, которымъ онъ и роздалъ все имѣнье молодой королевичны.

И такъ, Илья Муромецъ не сдался на хитрость чародѣйки, а потому, могъ поправить и вторую над-

пись: „Въ ту дорожку ѣздилъ—женатъ не былъ". Во время второй поѣздки представлялся ему случай разбогатѣть, но онъ не воспользовался этимъ случаемъ, такъ какъ никогда не отличался корыстными наклонностями. Поэтому, не трудно было Ильѣ воздержаться отъ пріобрѣтенія всякаго рода сокровищъ, когда онъ отправился по дорогѣ, „гдѣ богату быть".

Проѣхавъ триста верстъ, богатырь среди зеленыхъ луговъ нашелъ глубокіе погреба, а въ нихъ много золота, серебра и лучшаго жемчуга. На эти сокровища, хранившіяся въ погребахъ, Илья Муромецъ рѣшилъ построить церкви и монастыри и, учредивъ въ нихъ церковное пѣніе и колокольный звонъ, постановилъ, чтобы поминали въ этихъ церквахъ и монастыряхъ бывшихъ владѣльцевъ этихъ сокровищъ.

Не воспользовался нашъ богатырь найденнымъ имъ богатствомъ и могъ съ тѣмъ большимъ правомъ подновить и послѣднюю надпись: „Въ ту дорожку ѣздилъ, богатъ не былъ".

По словамъ другой былины, Илья Муромецъ роздалъ доставшееся ему золото, серебро нищимъ и сиротамъ безпріютнымъ, а часть его употребилъ на построеніе церквей.

Состроилъ онъ церкви Божіи, православныя,
И строилъ ихъ не за свою-то душеньку,
А за души добрыхъ, почестныхъ людей.
Въ тѣхъ церквахъ—онъ, Илья, молится Господу
И предъ иконами за землю свято-русскую,
Затепливалъ свѣчи воску ярова.
А когда старый богатырь преставился,
Люди добрые богомольные
День и ночь за него Богу молилися.
А тому ли сильному, могучему богатырю,
Богатырю Ильѣ Муромцу мы славу поемъ;
Мы славу поемъ и честь воздаемъ.

И такъ, безсребренность, постоянная готовность служить своему ближнему безъ всякой корыстной цѣли,

отсутствіе властолюбія, великодушіе, незлобіе и мягкосердечіе — вотъ какія достоинства мы замѣчаемъ въ Ильѣ Муромцѣ.

Но, спрашивается, какія достоинства и черты характера этого богатыря обратили особенное вниманіе нашихъ предковъ и сдѣлали его любимцемъ всего русскаго народа? Думаемъ, что своихъ современниковъ и ближайшихъ ихъ потомковъ Илья Муромецъ особенно поразилъ своею постоянною готовностью служить своему ближнему безъ всякой корыстной цѣли, своею также постоянною думою и заботою о томъ, какъ постоять „за сиротъ—малыхъ дѣтушекъ, за безмужнихъ вдовъ", своимъ искреннимъ желаніемъ принять подъ свою охрану всѣхъ старыхъ, бѣдныхъ и убогихъ и раздать послѣднимъ доставшуюся на его долю „золотую казну". Свое счастье, свое благополучіе нашъ богатырь видитъ въ служеніи міру православному, въ его счастьѣ и довольствѣ.

Думаемъ, что едва ли когда-нибудь нашъ народъ забудетъ своего любимаго богатыря Илью Муромца, который такъ твердо во всѣхъ случаяхъ своей жизни помнилъ главную заповѣдь Христову о любви къ ближнему.

II.

Садко—богатый купецъ.

Царство Московское имѣло мало такихъ богатыхъ и торговыхъ городовъ, какимъ былъ Новгородъ Великій.

Весело жили встарину богатые купцы въ этомъ городѣ, который широко раскинулся по обѣ стороны рѣки Волхова, что течетъ изъ озера Ильменя. Было великое раздолье въ этомъ славномъ городѣ, было гдѣ тамъ разгуляться удали молодецкой, любящей побольше простора для своей воли-волюшки завѣтной. На почетныхъ пирахъ, задаваемыхъ чуть не ежедневно богатыми новгородцами, бывало много гостей и немало гусляровъ и скомороховъ, которые потѣшали и уве-

селяли какъ самого ласковаго и хлѣбосольнаго хозяина, такъ и его гостей.

Изъ всѣхъ новгородскихъ гусляровъ (гусли — это музыкальный струнный инструментъ, похожій на арфу) искуснѣе и веселѣе другихъ умѣлъ наигрывать Садко гусляръ. На всѣхъ новгородскихъ пирахъ съ почетомъ встрѣчали и провожали Садка, кормили его досыта, а поили допьяна. Всего имущества было у Садка его гусли яровчатые. Онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ тѣмъ, что игралъ на пирахъ, тѣшилъ музыкой и пѣсней веселую компанію богатыхъ новгородцевъ.

Вотъ и пришла разъ на Садка невзгодушка — не зовутъ его на пиры новгородскіе: и день, и два, и три проходитъ, все сидитъ добрый молодецъ безъ дѣла, даже соскучился. Пошелъ Садко къ Ильмену озеру, сѣлъ на бѣлъ-горючъ камень и заигралъ въ свои гусельки. Вода въ озерѣ тогда была гладкая, какъ зеркало. А какъ только сталъ онъ играть на гусляхъ, вода вдругъ заколебалась въ озерѣ.

Испугался Садко и промолвилъ:

— Что за притча? вѣтру нѣтъ, а волны заходили!—

Пересталъ онъ играть и вернулся въ городъ.

Прошло еще три дня, а Садка все не звали на пиръ. Желая разогнать свою тоску, онъ пошелъ снова къ озеру Ильменю и опять сталъ наигрывать на своихъ гуселькахъ; и опять видитъ — вода заколебалась въ озерѣ, поднялись волны въ немъ. Еще больше испугался.

Садко взялъ гусли и снова вернулся домой.

Прошло еще два дня. На третій день Садко въ унынiи отправился къ озеру и опять заигралъ на гуселькахъ. По-прежнему вода заколебалась. Не успѣлъ на этотъ разъ Садко отойти отъ берега, какъ вдругъ изъ воды показался морской царь и молвилъ ему:

„Полюбилася мнѣ, Садко, игра твоя нѣжная, жалостливая: чѣмъ мнѣ тебя пожаловать за то, что по-

тѣшилъ меня? Ступай-ка ты къ себѣ въ Новгор
какъ позовутъ тебя купцы на пиръ, ты и бейс
ними объ великій закладъ, что есть въ Ильменѣ-о
рыба — золотое перо; ставь на закладъ свою бу
голову, а съ купцовъ бери лавки товара крас
Какъ ударишься ,съ ними объ закладъ, сдѣлай
шелковый неводъ и приходи ловить въ озерѣ: я
дамъ три рыбы — золотое перо" (на днѣ озера
много диковинъ; никто ихъ не видитъ; но, по на
ному вѣрованію, божество водное откроетъ ихъ
кому само пожелаетъ открыть).

Исчезъ царь морской въ волнахъ, а Садко по
къ себѣ въ Новгородъ. Только что пришелъ дом
ужъ его и зовутъ на честной пиръ.

Сталъ онъ играть на гусляхъ, стали его п
зеленымъ виномъ, брагою хмѣльною: развязался у
ляра языкъ, сталъ онъ хвалиться передъ куп
богатыми:

— Вы послушайте-ка меня, гости званные,
ные купцы! Я знаю, есть въ Ильменѣ-озерѣ чудо
ное, диво-дивное: есть въ озерѣ рыба—золотое пер

Заспорили съ нимъ купцы, говорятъ ему:

— По пустому ты хвастаешь, никогда никто т
рыбы не видывалъ, нѣтъ такой рыбы въ озерѣ
бывало!

Стоитъ на своемъ гусляръ:

„Хотите, бейтесь со мною объ великій закл
заложу я вамъ свою буйную головушку, а вы дав
мнѣ лавки товара краснаго, миткалей да камки,
сукна съ оксамитомъ бархатомъ".

Ударились съ нимъ три богача-купца объ закл
каждый заложилъ ему по три лавки товара крас

Связали шелковый неводъ, пошли къ Ильме
озеру, Закинули разъ — попалась рыбка-золотое п
закинули въ другой, — и другую выудили, въ тр
разъ закинули — третью поймали. Проиграли ку

отдали Садкѣ девять лавокъ; сталъ онъ торговать, и повалило къ нему счастье невиданное: получилъ онъ такіе барыши со своихъ товаровъ, о какихъ и не слыхивали; состроилъ себѣ палаты бѣлокаменныя, а въ палатахъ все устроилъ по небесному: на небѣ солнце— и въ палатахъ солнце, на небѣ мѣсяцъ — и въ палатахъ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

Нѣкоторыя былины иначе объясняетъ причину обогащенія Садко.

На Волгѣ, гдѣ, дѣйствительно, торговали съ успѣхомъ новгородскіе купцы и откуда нерѣдко возвращались съ нажитыми богатствами, — торговалъ не безъ успѣха и Садко двѣнадцать лѣтъ. Ему покровительствовалъ духъ рѣки, изображаемый въ былинахъ обыкновенно въ женскомъ образѣ матушки-Волги. Послѣ многолѣтняго плаванія по Волгѣ, захотѣлъ Садко побывать въ Новгородѣ. Вотъ онъ прощается съ Волгою и въ знакъ признательности отрѣзываетъ кусокъ хлѣба, посыпаетъ его солью и бросаетъ въ волны, говоря при этомъ:

„А спасибо тебѣ, матушка-Волга рѣка!
А гулялъ я на тебѣ двѣнадцать лѣтъ;
Никакой я печали и скорби не испытывалъ здѣсь,
И въ добромъ здоровьѣ отъ тебя отошелъ!
А ѣду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать!"

Матушка-Волга отвѣчаетъ ему:

А и гой еси, удалый добрый молодецъ!
Когда придешь ты въ Новгородъ,
Поклонися отъ меня брату моему,
А славному озеру Ильменю.

Когда Садко благополучно прибылъ въ Новгородъ, передалъ онъ озеру Ильменю поклонъ отъ Волги-матушки. Изъ озера вышелъ удалый добрый молодецъ,— то былъ Ильмень-озеро,—и спросилъ Садко:

„Почему ты знаешь сестру мою?"

Садко отвѣчалъ:

— Гулялъ я по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ; знаю ее я съ вершины до устья.

Тогда говоритъ Ильмень озеро:

Проси рыбаковъ въ Новѣгородѣ;
Ихъ съ тремя неводами;
И съ тѣми людьми со работными.
И заметывай ты неводы въ Ильмень—озеро;
И будетъ тебѣ Божья милость.

Какъ приказалъ Садкѣ Ильмень-озеро, такъ и сдѣлалъ Садко. Первый разъ закинули рыбаки неводъ,—вытащили много рыбы мелкой; второй разъ закинули—вытащили рыбы красной; третій разъ закинули—вытащили рыбу бѣлую. Сложилъ Садко пойманную рыбу въ погребъ на гостинномъ дворѣ. Когда черезъ три дня Садко пришелъ въ погребъ, то увидѣлъ, гдѣ была рыба мелкая,—деньги мелкія; гдѣ рыба красная, тамъ червонцы; гдѣ бѣлая рыба, тамъ серебряныя монеты. Такимъ образомъ, Садко, облагодѣтельствованный добрымъ духомъ озера Ильменя, сдѣлался очень богатымъ купцомъ.

По народному пониманію, которое высказано въ нѣкоторыхъ новгородскихъ былинахъ, рыбная торговля являлась въ Новгородѣ Великомъ промысломъ выгоднымъ, приносившимъ скорое обогащеніе купцу.

Но, сдѣлавшись богатымъ купцомъ, Садко не забываетъ и своей меньшей братіи — бѣдныхъ жителей Новгорода Великаго. Вотъ онъ приходитъ въ братчину Никольщину; желая побрататься съ новгородскими мужиками, Садко проситъ принять его въ братчину.

Однажды созвалъ Садко къ себѣ гостей на великій пиръ, знатныхъ бояръ, посадскихъ людей, самого посадника съ тысяцкимъ. Сидятъ гости, прохлаждаются, пьютъ, ѣдятъ, похваляются: кто—конемъ богатырскимъ, кто—казною, кто удалью—молодецкою, кто—

родомъ-племенемъ; только самъ хозяинъ сидитъ, молчитъ, рѣчи слушаетъ.

Говорятъ ему гости:

„Что же ты, Садко, ничѣмъ не хвастаешь"?

— Да что мнѣ хвастать? Вы и сами знаете, что у меня платья цвѣтного не износить, дружины не перечесть; а на казну свою безсчетную я скуплю всѣ товары новгородскіе, крупные и мелкіе, выкуплю все, такъ что тамъ и торговать нечѣмъ станетъ...—

Словили его на словѣ, ударились съ нимъ посадникъ да тысяцкій объ закладъ: чтобы выкупилъ онъ всѣ товары новгородскіе; назначили закладъ тридцать тысячъ денегъ.

Поднялся Садко на другой день ранымъ рано, разбудилъ дружину, далъ дружинникамъ золотой казны безъ счету, послалъ скупать всѣ товары; самъ тоже пошелъ въ гостиный рядъ посмотрѣть, какъ опустѣютъ лавки новгородскія.

На другой день опять послалъ онъ свою дружину скупать товары, опять пришелъ въ гостиный рядъ, смотритъ: товаровъ-то навезено вдвое противъ прежняго, всѣ лавки опять полнымъ-полны. Повыкупилъ Садко и во второй день все, что навезли, думаетъ, что на третій день съ государемъ Великимъ Новгородомъ справится; анъ, не тутъ-то было: навезли товаровъ втрое противъ прежняго, подоспѣли товары московскіе, и опять стоятъ лавки полнымъ-полны.

Задумался тутъ Садко, образумился и молвилъ:

„Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Если повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій,
Побогаче меня славный Новгородъ"!
Отдавалъ онъ купцамъ новгородскимъ
Денегъ всего тридцать тысячей.

Въ нѣкоторыхъ новгородскихъ былинахъ въ разсказѣ о томъ, какъ скупалъ Садко всѣ товары въ Новгородѣ, указывается на благочестіе купца; такъ въ этихъ былинахъ упомянуто, между прочимъ, что въ первый день, когда закупалъ Садко товары новгородскіе,

Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
А и шедъ, Садко Божій храмъ сорудилъ,
А и во имя Стефана Архидьякона,
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ;
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ.
Во второй день,
Шедъ, Садко Божій храмъ сорудилъ
А и во имя Софіи Премудрыя:
Въ третій день
Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце:
Шедъ, Садко Божій храмъ сорудилъ
Во имя Николая Можайскаго.

Что богатый купецъ Садко, дѣйствительно, жилъ въ Новгородѣ и сооружалъ на свои средства церкви, о томъ разсказываютъ и древне-новгородскія лѣтописи; такъ подъ 1167 г. въ нихъ упоминается о построеніи Садкомъ каменной церкви св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Считаемъ не лишнимъ обратить благосклонное вниманіе читателя на то обстоятельство, что св. мученики Борисъ и Глѣбъ, которыхъ древняя Русь глубоко чтила, какъ своихъ святыхъ заступниковъ,— ставя ихъ въ примѣръ братолюбія во время княжескихъ усобицъ, были сыновья Владиміра Св. Думаемъ, что не случайно съ особеннымъ благоговѣніемъ относился любимый нашимъ народомъ богатырь Садко богатый купецъ къ памяти св. братолюбцевъ Бориса и Глѣба—сыновей любимаго князя русскаго народа Владиміра Краснаго Солнышка.

Построилъ однажды Садко на свою золотую казну безсчетную тридцать кораблей, красивыхъ, расписныхъ:

бока у нихъ выведены по звѣриному, корма по гусиному, а носъ по орлиному, — вмѣсто глазъ вставлено по яхонту. Нагрузилъ онъ корабли свои товарами новгородскими и сталъ ѣздить торговать по Волхову да по Ладожскому озеру, да по Невѣ рѣкѣ, а потомъ съѣздилъ и въ Золотую Орду, продалъ товары съ большою выгодою, накопилъ себѣ цѣлыя бочки краснаго золота, чистаго серебра.

Ѣдетъ Садко назадъ, въ Новгородъ, по синему морю: расходилось синее море, разбушевалось; поднялась буря страшная, престрашная, раскидала всѣ тридцать корабликовъ по волнамъ; рветъ вѣтеръ буйный паруса полотняные; ломаютъ волны корабли; не сладить съ волнами удалымъ корабельщикамъ.

Стоитъ Садко на своемъ кораблѣ, посматриваетъ и говоритъ дружинѣ.

„Вы послушайте меня, дружинушка моя храбрая! Разгнѣвался, видно, на насъ морской царь: ѣздимъ мы по морю синему и взадъ, и впередъ, беремъ барыши богатые, а морскому царю дани не плачивали; вотъ онъ и требуетъ отъ насъ свое заслуженное. Берите-ка вы бочку чистаго серебра, спускайте-ка въ море, авось онъ и смилуется".

Спустили молодцы бочку съ серебромъ; покатилась бочка, скрылась въ пучинѣ морской, а все буря не унимается; пуще прежняго вѣтеръ паруса рветъ...

„Видно, мало царю дани показалося", говоритъ Садко:— „спускайте еще бочку съ краснымъ золотомъ".

Спустили и красное золото, а все царь морской бушуетъ, не унимается. Призадумался тогда Садко, закручинился:

„Видно", говоритъ: „царь морской живой дани требуетъ. Знать, судьба наша такая, братцы: одному изъ насъ быть въ морѣ у морского царя; бросимте жребій; чей жребій упадетъ на дно, тому и идти въ море, къ морскому царю".

Сдѣлали всѣ дружинники себѣ жребіи изъ таволги, подписали свои имена, а Садко пустилъ вмѣсто жребія хмѣлевое перо: у всѣхъ-то жребіи по водѣ плывутъ, а у Садки жребій ключемъ на дно пошелъ.

„Нѣтъ, не правильно, братцы, мы эти жребіи придумали: пусть теперь тотъ въ море идетъ, чей жребій по водѣ поплыветъ".

Сдѣлали себѣ всѣ жребіи ивовые, а Садко пустилъ жребій булатный: у всѣхъ жребій ключемъ ко дну идутъ, а у Садки жребій по водѣ плыветъ.

„Ну, прощайте, братцы, дружинушка моя храбрая!" говоритъ Садко: „значитъ, ужъ меня морской царь къ себѣ требуетъ. Дайте-ка мнѣ, братцы, мои гусельки, поиграю я на нихъ напослѣдки, потѣшуся, больше ужъ мнѣ на нихъ не игрывать"!

Принесли ему гусли, взялъ онъ ихъ, жалко съ ними разставаться:

„Ужъ не взять ли мнѣ ихъ въ синее море?.. Возьму я съ собою гусельки, а вы спустите меня на доскѣ дубовой: все не такъ мнѣ будетъ страшно умирать"...

Спустили Садка на доскѣ въ море, и сейчасъ унялась буря; поплыли кораблики, полетѣли соколами по морю.

Страшно Садку на дубовой доскѣ; видитъ онъ подъ собою бездну глубокую, со страху закрылъ глаза да и заснулъ крѣпко прекрѣпко.

Проснулся Садко, протеръ глаза, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: очутился онъ на днѣ морскомъ; надъ нимъ пучина морская зыблется; сквозь зеленыя воды едва видно красное солнышко, заря утренняя. Передъ Садкою стоятъ палаты бѣлокаменныя, двери въ палаты полурастворены. Вошелъ Садко, оглядѣлся; сидитъ передъ нимъ морской царь, головища огромная, косматая, а вокругъ него гады да рыбы всякія.

между судьбою новгородскаго богатаго купца и волею морского царя. Указывая на такую зависимость, народъ въ своихъ былинахъ какъ бы хочетъ этимъ сказать, что своимъ обогащеніемъ новгородскіе купцы обязаны главнымъ образомъ внѣшней торговлѣ въ связи съ мореплаваніемъ. Такимъ цѣннымъ указаніемъ народнаго генія воспользовался впослѣдствіи Петръ Великій — любимый императоръ русскаго народа. Извѣстно, что новгородцы вступали въ торговыя сношенія не только съ русскими городами и княжествами, но даже и съ иноземными государствами; а самыми удобными и единственными путями сообщенія въ то время были моря, рѣки и озера. Въ разсказѣ о путешествіяхъ Садка въ новгородскихъ былинахъ, между прочимъ, говорится:

Поѣхалъ Садко по Волхову рѣкѣ,
Со Волхова во Ладожско озеро,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А съ Невы рѣки въ сине море:
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары новгородскіе;
Получалъ барыши великіе.

Подъ синемъ моремъ въ новгородскихъ былинахъ обыкновенно разумѣется Балтійское море, или Нѣмецкое, или же Каспійское

Въ другихъ былинахъ сказано:

Поѣздъ Садко держалъ изъ Чернаго,
Изъ Чернаго моря въ Бѣлое море.
Изъ Бѣла моря въ Свиряйское,
Изъ Свиряйскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянъ—море.

Въ былинахъ о Садкѣ находится больше указаній, чѣмъ въ сказкахъ, на благочестіе новгородскаго богатаго купца Садка. По словамъ сказокъ, когда Садко

отправляется въ гости къ морскому царю, то онъ беретъ съ собою лишь гусли; по словамъ же былинъ,

Тутъ онъ взялъ во-праву руку
Образъ Николы Угодника.

Въ нѣкоторыхъ же новгородскихъ былинахъ, въ которыхъ разсказывается о пребываніи Садка въ подводномъ царствѣ, всѣ благіе совѣты подаетъ Садку не морская царица (какъ это разсказывается въ сказкахъ), а самъ Николай Чудотворецъ.

И сталъ Садко царя тѣшити,
Заигралъ Садко въ гусли звончаты:
А и царь морской началъ скакать и плясать,
И того Садка, купца богатаго,
Напоилъ питьями разными;
Напивался Садко купецъ, богатый гость.
И уснулъ Садко купецъ, богатый гость.
А во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему;
Говоритъ ему таковы рѣчи:
„Гой еси ты, Садко, богатый гость.
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончаты!
Расплясался у себя царь морской,
А сине море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися;
Тонутъ въ нихъ многіе корабли,
Тонутъ души невинныя
Того народа православнаго".
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Изорвалъ онъ струны золоты
И бросаетъ гусли звончаты.
Пересталъ царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли рѣки быстрыя.

И такъ, народное суевѣріе волненіе морскихъ и рѣчныхъ водъ объясняетъ пляскою морского царя.

А по утру сталъ туто царь морской,
Онъ сталъ Садка уговаривать:

А и хочетъ царь Садка женить,
И привелъ ему тридцать дѣвицъ.
Никола ему во снѣ наказывалъ:
„Гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А станетъ тебя женить царь морской,
Приведетъ онъ тридцать дѣвицъ,
Не бери ты изъ нихъ самую лучшую,
А возьми ты ту, которая хуже всѣхъ".
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость,
Беретъ онъ дѣвушку похуже всѣхъ.
Когда же, послѣ свадебнаго пира,
Ото сна Садко пробуждался;
Онъ очутился подъ Новымъ-городомъ.
Взглянулъ тогда онъ на Новгородъ,
Узналъ онъ церковь, приходъ свой,
Того Николу Можайскаго.

За что же древніе новгородцы, особенно новгородская чернь, такъ враждебно относившаяся ко всѣмъ знатнымъ и богатымъ жителямъ своего города, полюбила богатаго купца Садка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находится какъ въ тѣхъ народныхъ сказкахъ о Садкѣ, въ которыхъ разсказывается, между прочимъ, какъ этотъ богатый купецъ, возвратившись домой изъ дальняго путешествія, устраиваетъ пиръ, на который приглашаетъ бѣдныхъ жителей („меньшую братію") Новгорода Великаго и угощаетъ ихъ,—такъ и въ тѣхъ былинахъ, въ которыхъ упоминается, между прочимъ, о духовномъ завѣщаніи богатаго купца Садки. Въ этихъ былинахъ сказано:

А какъ началъ Садко имѣньица свои отписывать:
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по
Божьимъ церквамъ,
А и какъ много отписывалъ онъ имѣнья
нищей братіи;
А какъ ино имѣньицо онъ отписывалъ
да молодой женѣ,
А и остальное имѣнье отписывалъ онъ
дружинѣ хороброй.

Изъ народныхъ сказокъ и пѣсенъ (т. е. былинъ) объ Ильѣ Муромцѣ и о Садкѣ богатомъ купцѣ мы видимъ, что русскій народъ съ древнѣйшихъ временъ съ особенною любовью относился лишь къ тѣмъ богатырямъ, которые, твердо помня главную заповѣдь Христова ученія о любви къ ближнему, для облегченія тяжелой участи бѣднаго люда, „нищей братіи“ не жалѣли ни себя, ни своихъ богатствъ. Припомнимъ кстати, что и Владиміръ Св. пріобрѣлъ особенное расположеніе народа также благодаря постоянному стремленію примѣнить къ жизни своего народа, особенно къ „меньшей братіи“, страдавшей встарину немало отъ насилія дружинниковъ, Христову заповѣдь о любви къ ближнему.

Зная, каковы были любимые герои древней Руси, мы убѣждены, что наши благочестивые предки вполнѣ основательно прозвали древнюю Русь „святою Русью“. Дѣйствительно, только въ „святой Руси“ могли быть любимы такіе герои, какъ Владиміръ Св., Илья Муромецъ и Садко богатый купецъ, которые настолько были проникнуты духомъ Христова ученія, что высшимъ для себя благомъ и счастьемъ въ жизни признавали удовлетвореніе чувства любви къ ближнему.

І. Сениговъ.

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ РУССКАГО НАРОДА.

Часть III.

ІОАННЪ IV ГРОЗНЫЙ.

Первыя увлеченія царя Ивана во дни отрочества и юности. — Первое проявленіе личности тринадцатилѣтняго царя: убіеніе князя А. М. Шуйскаго.—Вѣнчаніе на царство.—Бракъ юнаго царя съ Анастасіей Романовной.—Пожаръ въ Москвѣ. — Перемѣна къ лучшему въ юномъ царѣ. — Протопопъ Сильвестръ. — Созваніе перваго земскаго собора. — Рѣчь царя. — Алексѣй Адашевъ. — Взятіе Казани.—Значеніе этого событія въ жизни русскаго народа. — Отношеніе перваго русскаго царя къ простому народу. — Болѣзнь Ивана Грознаго и начало его охлажденія къ Сильвестру и Адашеву.—Смерть царицы Анастасіи.—Учрежденіе опричнины.—Завоеваніе Сибирскаго царства.— Заботы перваго русскаго царя объ умственномъ и матеріальномъ обогащеніи русскаго народа. — Мѣры, принятыя Иваномъ Грознымъ для защиты южныхъ предѣловъ Московской Руси.—Послѣдніе дни жизни Ивана IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. общ. печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая, 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 сентября 1901 года.

Любимый царь русскаго народа.

Ясное, солнечное и морозное утро. 29 декабря 1543 г. было недобрымъ утромъ для семейства сокольника Нефедова. Это семейство состояло изъ его жены Евдокіи Ефимовны, дочери—пятнадцатилѣтней дѣвушки Ирины, съ большими красивыми синими глазами, правильнымъ небольшимъ носомъ и съ вьющимися бѣлокурыми волосами, и сына Степана двѣнадцатилѣтняго мальчика—большого любителя гулять по сосѣднимъ лѣсамъ и гоняться за пернатыми ихъ обитателями. Петръ Степановичъ Нефедовъ (такъ звали главу этого семей-

ства)—бывшій дворовый человѣкъ князя Андрея Михайловича Шуйскаго, года за полтора до описываемаго времени былъ взятъ на царскую службу по желанію юнаго великаго князя Ивана Васильевича въ сокольники. Сокольниками назывались встарину царскіе охотники, а также слобода прилегавшая къ окрестностямъ древняго великокняжескаго села Напруднаго, представлявшая изъ себя мѣсто, ближайшее къ Москвѣ и, благодаря присутствію въ немъ огромныхъ прудовъ и дремучаго преимущественно сосноваго бора, богатѣйшее своимъ пернатымъ царствомъ, а потому, и удобнѣйшее для охоты съ помощью соколовъ и кречетовъ.

Семейство Нефедовыхъ обитало въ просторныхъ хоромахъ (хоромами называлось въ старину всякое домовое строеніе), состоящихъ изъ одной большой комнаты, называемой столовой и смежной съ сѣнями, и двухъ небольшихъ горницъ. Хоромы Нефедовыхъ были расположены внутри просторнаго двора, гдѣ находились погребъ и ледникъ. Ко двору прилегалъ огородъ, покрытый бѣлою пеленой снѣга, и фруктовый садъ, въ которомъ среди огромныхъ снѣжныхъ сугробовъ виднѣлись заиндѣвевшія и блестѣвшія на солнцѣ тысячами алмазовъ вѣтки яблоновыхъ и вишневыхъ деревьевъ.

Ярко сіяло декабрьское солнце и радостно заглядывало въ темную чащу дремучихъ окрестныхъ лѣсовъ и въ небольшія окошки немногихъ хоромъ, находившихся тогда въ Сокольникахъ. Но не радостно было на душѣ кудрявоголовой красавицы Ириши. Еще наканунѣ, поздно вечеромъ, пріѣзжалъ къ Нефедовымъ князь А. М. Шуйскій, сильно разгоряченный виномъ, очевидно, послѣ какой-нибудь пріятельской пирушки. Нѣжнѣе обыкновеннаго обращался онъ съ Иришею: она съ трудомъ вырвалась изъ его желѣзныхъ объятій; и чаще, чѣмъ въ другое время, твердилъ онъ ей о своемъ расположеніи, о своей любви... Уѣзжая, князь объявилъ ея отцу о своемъ рѣшеніи: на другой день

вечеромъ Петръ Степановичъ Нефедовъ долженъ былъ исполнить его волю — привезти къ нему, Шуйскому, свою дочь и оставить ее погостить, такъ какъ его дочь Парасковья — семнадцатилѣтняя дѣвушка, еще въ дѣтствѣ подружилась съ Иришей и скучала безъ нея. Какъ ни упрашивалъ и ни умолялъ слезно Петръ Степановичъ оставить въ покоѣ его дочь, которая была невѣстою одного молодого сокольника Николая Стрѣшнева, — ничто не помогало; князь Шуйскій оставался при своемъ прежнемъ рѣшеніи и, уѣзжая, объявилъ Нефедову, что если онъ будетъ ослушникомъ воли своего бывшаго господина, то онъ, Шуйскій, посовѣтуетъ юному великому князю Ивану Васильевичу отправить его, Нефедова, воевать съ крымцами (т. е. съ крымскими татарами), а дочерью его овладѣетъ силою.

Почти всю ночь Нефедовы, за исключеніемъ сына Степана, который прогулявъ весь день въ сосѣднемъ лѣсу, спалъ, какъ убитый, видя во снѣ своихъ пернатыхъ друзей, провели безъ сна въ мучительномъ ожиданіи злополучнаго дня; въ этотъ день должна была рѣшиться судьба горемычной тогда Ирины. Вставъ рано утромъ, она рѣшила, въ ожиданіи прихода юнаго великаго князя Ивана Васильевича, уже нѣсколько дней не бывавшаго въ Сокольникахъ, принарядиться; она одѣла новую ферязь земскую (такъ называлась свободная верхняя одежда, въ родѣ капота, застегиваемая спереди до самыхъ ногъ), на ноги надѣла сапожки изъ голубой кожи, вышитые жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, а въ уши воткнула большія золотыя серьги, въ два дюйма ширины, усыпанныя также драгоцѣнными каменьями — это подарокъ ея жениха.

Нѣсколько часовъ просидѣла Ириша на скамьѣ возлѣ окошка, смотря на проходившихъ мимо женъ и дочерей сосѣднихъ сокольниковъ, отправлявшихся въ

городъ за провизіей. Время отъ времени нервная дрожь пробѣгала по ея тѣлу и слезы навертывались на ея красивыхъ, но покраснѣвшихъ отъ безсонной ночи глазахъ, когда она вспоминала князя Шуйскаго и его приказъ явиться сегодня въ его домъ.

Вдругъ вскрикнувъ отъ испуга, Ириша, блѣдная лицомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, поспѣшила въ сосѣднюю комнату, но на порогѣ встрѣтила своего отца.

„Что съ тобой, моя дорогая Ириша? ты вся блѣдная и дрожишь всѣмъ тѣломъ? Здорова-ли ты? Не позвать ли знахарку Степаниду полѣчить тебя"? съ участіемъ и заботливо разспрашивалъ Петръ Степановичъ свою дочь, поцѣловавъ ее въ лобъ.

— Нѣтъ, дорогой мой батюшка, я не больна, я здорова, — отвѣчала Ириша дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—я только испугалась, услыша чьи-то шаги въ сѣняхъ; мнѣ показалось, что это шаги князя Андрея Михайловича Шуйскаго.

Не успѣла Ириша произнести фамилію Шуйскаго, какъ въ дверяхъ, дѣйствительно, раздался стукъ, еще болѣе перепугавшій ее.

„Кто тамъ?" рѣзко спросилъ Нефедовъ, желая скрыть отъ постороннихъ людей то волненіе, которое стало овладѣвать имъ при видѣ сильнаго испуга нѣжнолюбимой имъ дочери.

— Это я, почтенный хозяинъ, странникъ Василій изъ города Пскова; — послышался сиплый голосъ за дверью.

„Входи, входи, братъ Василій, добро пожаловать" ласково промолвилъ Нефедовъ, желая своимъ видомъ и тономъ своего голоса не столько привѣтствовать вошедшаго въ столовую нежданнаго гостя съ посохомъ въ рукѣ и съ котомкой за плечами, сколько успокоить свою взолнованную дочь.

Странникъ Василій былъ худощавый высокаго роста мужчина, съ темно коричневымъ отъ загара худымъ

лицемъ съ бородавкой на щекѣ, съ густыми бровями, нависшими надъ небольшими, но живыми глазами. Одѣтъ онъ былъ въ холщевый засаленный и темноватый отъ пыли и грязи кафтанъ, подвязанный кожаннымъ кушакомъ.

— Что это ты, Петръ Степановичъ, такъ непривѣтливо крикнулъ, услыхавъ мой стукъ? Ужь больно, какъ я посмотрю, ты возгордился съ той поры, какъ нашъ юный великій князь и государь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ тебя въ сокольники, и забылъ ты, братъ Петръ, то, что сказано о гордыхъ въ св. писаніи, что Господь низринетъ гордыхъ въ пропасть, а смиренныхъ вознесетъ горѣ,—произнесъ сиплымъ голосомъ странникъ Василій, съ трудомъ припоминая слова св. писанія.

„Ты ошибаешься, мой другъ, полагая, что я возгордился", возразилъ Нефедовъ, повидимому спокойно, но съ нервною торопливостью: „я не возгордился, а прогнѣвилъ я, только не знаю чѣмъ, Господа Бога, и Онъ, Всевышній, за грѣхи мои наслалъ на семью мою великое бѣдствіе—князя А. М. Шуйскаго"!

— Князя Шуйскаго?—какъ бы ослышавшись, переспросилъ странникъ:—разсказывай, разсказывай мнѣ о князѣ, о которомъ я такъ много слышалъ отъ псковитянъ въ его бытность намѣстникомъ во Псковѣ!—

„Да, князя Андрея Михайловича Шуйскаго"! повторилъ Нефедовъ и остановился, размышляя о томъ, стоитъ ли разсказывать страннику о горѣ, постигшемъ его семью.

— Что-жъ ты остановился?—съ великимъ нетерпѣніемъ спросилъ Василій: — можетъ быть, ты думаешь, что я буду о твоемъ горѣ всѣмъ разсказывать. Жестоко ты ошибаешься. Въ юные годы я, дѣйствительно, былъ болтливъ и не разъ меня покалачивали за мой длинный языкъ и короткій разумъ. Но наученный горькимъ опытомъ, я сдѣлался куда осторожнѣе;

самъ иногда дивлюсь, куда дѣвалась моя прежняя болтливость. Такъ что, мой другъ Петръ, не бойся моего языка: не такъ онъ длиненъ, какъ ты думаешь, и не такъ коротокъ мой разумъ, какъ былъ прежде! Ты можешь мнѣ все разсказать безъ всякой боязни. Кромѣ добраго совѣта, какъ тебѣ поступить въ твоемъ затруднительномъ положеніи ты ничего другого, особенно худого, отъ меня не ожидай. Я слишкомъ хорошо знаю всѣ дѣянія князя Шуйскаго, чтобы не угадать его злого намѣренія оскорбить твою дочь красавицу Иришу, которая была такъ страшно перепугана при моемъ появленіи, какъ бы ожидала какое-нибудь несчастье. Лучше, братъ Петръ, разскажи мнѣ все, какъ было, ничего нескрывай. Не сегодня, такъ завтра все равно я все узнаю. А я, знаю, какъ нашъ великій князь и государь Иванъ Васильевичъ относится къ Шуйскому, могу тебѣ дать преполезный совѣтъ!—

„Не хотѣлъ я, братъ Василій, никому разсказывать. Да видно, ты, братъ Василій, не отстанешь отъ меня, пока я не удовлетворю твоей великой неутолимой жажды новостей! Ты скорѣе готовъ сидѣть безъ ѣды и питья, чѣмъ безъ интересныхъ новостей! Такимъ я тебя помню съ десятилѣтняго возраста“! съ улыбкою замѣтилъ Нефедовъ, помогая страннику снять его котомку и усаживая его самаго на скамейку возлѣ стола.

„Хотя ты и большой любитель любопытныхъ новинокъ; но вѣдь соловья баснями не кормятъ; да и ты, мой другъ, съ дороги не прочь промочить горлышко водкою, медомъ и квасомъ и утолить голодъ домашнимъ пирогомъ. Ну, дорогая Ириша, на столъ все мечи, что есть въ печи“!

— Спасибо тебѣ, большое спасибо, добрѣйшій Петръ Степановичъ, за твою ласку и за твое гостепріимство!— пріятно улыбаясь при упоминаніи о хмѣльномъ питіи и о вкусномъ домашнемъ пирогѣ, сказалъ странникъ,

смотря въ слѣдъ за уходящей въ сосѣднюю комнату дочерью Нефедова.

— Ну, теперь, пока твоя красавица Ириша пошла распорядиться по хозяйству, не замедли приступить къ разсказу о постигшемъ тебя, Петра Степановича, горѣ! Клянусь именемъ Пречистой Божьей Матери, аще повѣдаешь мнѣ о твоемъ семейномъ несчастьѣ, я дамъ тебѣ такой совѣтъ, какой и самому мудрому Соломону не приходилъ въ голову, я научу тебя, какъ поступить всѣмъ вамъ, и къ кому обратиться за помощью!—

„Вѣкъ не забуду твоего благодѣянія, если ты, Василій, поможешь мнѣ избавиться отъ этого супостата князя Шуйскаго", шепотомъ, чтобы никто не услыхалъ, проговорилъ Нефедовъ, наклоняясь къ уху странника и озираясь по сторонамъ.

— Сказывай, сказывай, Петръ Степановичъ, поскорѣе, пока никто намъ не помѣшалъ; а во мнѣ ты не сомнѣвайся! Я не выдамъ никому своего стараго пріятеля и охотно отъ всего чистаго сердца помогу тебѣ словомъ и дѣломъ! — тихо и торопливо промолвилъ странникъ, поглядывая то на дверь, то въ окошко, опасаясь, очевидно, прихода постороннихъ лицъ.

„Я разскажу тебѣ, братъ Василій, въ немногихъ словахъ о своемъ горѣ. До прихода сюда ко мнѣ великаго князя и государя Ивана Васильевича, котораго я ожидаю къ себѣ въ скоромъ времени, я хотѣлъ бы посовѣтоваться съ тобой, какъ мнѣ поступить и къ кому мнѣ обратиться, чтобы избавить себя и дорогую мою Иришу отъ злого супостата. Вчера минуло ровно два мѣсяца, какъ я обратился къ нему съ просьбою благословить мою дочь; за нее сватается молодой сокольникъ Николай Стрѣшневъ — одинъ изъ любимыхъ сокольниковъ юнаго государя. Но князь Шуйскій сталъ эти два мѣсяца чаще прежняго посѣщать меня и съ моею дочерью Иришой обращался послѣднія двѣ не-

дѣли любезнѣе, чѣмъ всегда. И всякій разъ, какъ я обращался къ нему съ просьбою благословить мою дочь, онъ или старался перемѣнить разговоръ, начиная говорить о чемъ-либо другомъ, или же совѣтовалъ подождать, замѣчая шутливо, что еще рано красавицѣ Иришѣ испытать все бремя семейной жизни. Вчера же вечеромъ, пріѣхавъ неожиданно въ очень позднее время, князь Шуйскій объявилъ мнѣ торжественно, что онъ беретъ мою дочь къ себѣ въ домъ въ подруги своей дочери Парасковьи. Какъ я его ни упрашивалъ, ни умолялъ слезно, стоя на колѣняхъ, оставить Иришу, какъ невѣсту царскаго любимаго сокольника Стрѣшнева, въ покоѣ; ничто не помогло. Уѣзжая, князь приказалъ мнѣ привезти сегодня вечеромъ свою дочь въ его домъ, при чемъ замѣтилъ, что если я не исполню его приказа, то онъ посовѣтуетъ юному государю отправить меня на войну съ крымскими татарами, а моею дочерью овладѣетъ силою. Всю ночь я, жена и дочь не смыкали очей, придумывая, какъ бы избавиться отъ такого злого супостата, какъ князь Шуйскій; но ничего не придумали. А потому, если какая благая мысль пришла въ твою разумную голову, то будь моимъ благодѣтелемъ, скажи мнѣ, что бы ты сдѣлалъ, находясь въ моемъ положеніи"!

— Прежде всего долженъ тебѣ сказать, что на твое счастье князь Андрей Михайловичъ, — тихо, озираясь по сторонамъ, проговорилъ странникъ Василій:—и его люди извѣстны своими насиліями; разговоры о злодѣяніяхъ, совершаемыхъ ими въ городѣ Псковѣ, дошли, какъ мнѣ извѣстно, до слуха юнаго нашего государя; я слыхалъ отъ одного боярина, что великій князь и государь Иванъ Васильевичъ былъ сильно возмущенъ, слушая разсказъ объ этихъ насиліяхъ князя Шуйскаго, а также князя Василія Ивановича Рѣпнина-Оболенскаго, когда они были псковскими намѣстниками; мнѣ разсказывали нѣкоторые

псковитяне, что эти намѣстники были свирѣпы, какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе до христіанъ; и начали поклепцы (то-есть, клеветники—доносчики) добрыхъ людей клепать и совершать всякія насилія надъ ними самими и надъ ихъ женами и дѣтьми, и разбѣжались тогда добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Для жителей города Пскова и его окрестностей князь Шуйскій былъ злодѣй: дѣла его злы на пригородахъ, на волостяхъ; совершая всякаго рода возмутительныя насилія надъ мирными городскими и сельскими жителями и надъ ихъ женами и дѣтьми, онъ поднималъ (то-есть, возобновлялъ) старыя судебныя дѣла, которыя могли увеличить его казну; онъ правилъ (то-есть, вымогалъ судомъ) на людяхъ по сту рублей (переводя на современную цѣнность денегъ, это составитъ нѣсколько тысячъ рублей) и больше; псковскіе мастеровые люди все дѣлали на него, князя Шуйскаго, даромъ, большіе же люди давали ему подарки.—

„Неужели все это правда, что ты, братъ Василій, разсказывалъ мнѣ сейчасъ о князѣ Андреѣ Михайловичѣ Шуйскомъ", спросилъ Нефедовъ, выслушавъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ разсказъ странника о злодѣяніяхъ князя Шуйскаго и его людей.

— То, о чемъ я тебѣ сказывалъ, не только правда, но даже не все—только нѣкоторыя изъ великихъ злодѣяній, совершенныхъ Шуйскимъ и его пріятелями!— проговорилъ съ оживленіемъ странникъ, выпивая съ удовольствіемъ чарку „зелена вина" и закусывая пирогомъ.

„Какъ еще Всеправедный Господь Богъ не наказалъ этого злодѣя за его многія злыя дѣла" — молвилъ со вздохомъ Нефедовъ, наливая въ чарку странника еще „зелена вина": „Ну, братъ Василій, выпивай чарочку во здравіе свое и разскажи мнѣ еще о томъ, что тебѣ извѣстно о злодѣяніяхъ Шуйскаго."

— Не буду тебѣ, мой другъ, разсказывать о многихъ его злыхъ дѣлахъ, у меня бы не хватило на то времени, а у тебя терпѣнія. Изъ его прошлыхъ преступныхъ дѣяній особенное вниманіе на себя обращаетъ измѣна его великому князю Василію III. Нашъ юный государь, еще будучи ребенкомъ, возмущался измѣною Семена Бѣльскаго, перешедшаго на сторону крымскихъ татаръ и литовцевъ. Враги Шуйскаго, зная о томъ, обратили вниманіе нашего великаго князя Ивана Васильевича на измѣну князя Андрея Михайловича Шуйскаго и его брата Ивана: оба князя еще при отцѣ нашего государя, при Василіи III, сынѣ Іоанна III, отъѣзжали къ удѣльному князю Юрію. Великій князь Василій III Ивановичъ отправилъ къ брату своему Юрію Ивановичу съ требованіемъ ихъ выдачи, и тотъ немедленно исполнилъ это требованіе. Василій III велѣлъ оковать отъѣзжиковъ и разослать ихъ по разнымъ городамъ; но великая княгиня Елена, ставши правительницею, приказала освободить ихъ по ходатайству митрополита и бояръ. Не успѣлъ Андрей Шуйскій возвратиться въ Москву, какъ затѣялъ новую крамолу: онъ началъ подговаривать князя Бориса Горбатаго къ отъѣзду, объявивъ, что князь Юрій Ивановичъ, братъ Василія III, зоветъ его, Андрея, къ себѣ, и онъ хочетъ къ нему ѣхать: — Поѣдемъ со мною вмѣстѣ,— говорилъ Шуйскій Горбатому:—а здѣсь служить—ничего не выслужишь: князь великій еще молодъ, и, говорятъ, что нашимъ государемъ будетъ князь Юрій; если этотъ князь сядетъ на государствѣ, а мы къ нему раньше другихъ отъѣдемъ, то мы у него этимъ выслужимся. Горбатый не только самъ не согласился отъѣхать, но и Шуйскому отсовѣтовалъ; тогда Андрей Михайловичъ, видя неудачу и опасаясь послѣдствій своей откровенности съ Горбатымъ, рѣшился предупредить его, явился къ великой княгинѣ Еленѣ и объявилъ, что князь Борисъ зоветъ его отъѣхать къ князю Юрію,

который также присылалъ и къ нему съ приглашеніемъ.—

„Экій негодяй и клеветникъ"! съ горячностью прервалъ разсказъ странника Нефедовъ и, пододвигаясь поближе къ Василію, какъ бы не желая проронить ни одного слова, снова обратился въ слухъ.

— Но правда, мой другъ Петръ, открылась, и князя Андрея Шуйскаго посадили опять подъ стражу и, спустя нѣкоторое время, снова освободили. Но желая тебѣ помочь словомъ и дѣломъ, я обращаю твое вниманіе на то, какъ нашъ юный государь относится и почти всегда относился ко всѣмъ Шуйскимъ и насколько ему ненавистна самая фамилія ихъ. Кто изъ насъ не помнитъ тѣхъ жестокихъ мѣръ, какія принималъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій, чтобы удержать Смоленскъ за Москвою; дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу, и волоса готовы встать дыбомъ, когда вспоминаешь всѣхъ знатныхъ смольнянъ, которыхъ велѣлъ этотъ князь перевѣшать въ виду литовскаго войска, чтобы прочіе смольняне потеряли всякое желаніе переходить на сторону Литвы. Можетъ ли нашъ юный государь равнодушно вспомнить, какъ по совѣту князя Василія Шуйскаго и его брата Ивана, были схвачены такіе близкіе къ нему люди, какъ конюшій бояринъ князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій и сестра его Аграфена, мамка великаго князя. Шуйскіе постарались устроить такъ, что Оболенскій умеръ въ заключеніи отъ недостатка въ пищѣ и тяжести оковъ; а сестру его сослали въ Каргополь и постригли. Среди немногихъ бояръ, окружавшихъ юнаго Ивана Васильевича, болѣе правдивымъ и справедливымъ въ отношеніи къ простому народу оказался князь Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій; сторону его держалъ митрополитъ Даніилъ и дьякъ Ѳедоръ Мишуринъ, Шуйскіе не обратили вниманія на то, что дьякъ Мишуринъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ вели-

кому князю Василію; они захватили Мишурина на своемъ дворѣ, велѣли своимъ боярамъ и дворянамъ отодрать его и, безъ государева приказанія, велѣли нагого положить на плаху и отрубить голову.

„Велика благодать Господа Бога, что Онъ до сихъ поръ не наказалъ этихъ негодяевъ Шуйскихъ", съ негодованіемъ воскликнулъ Нефедовъ, ударивъ кулакомъ по столу: „и слишкомъ велико милосердіе нашего юнаго государя, если онъ терпитъ возлѣ себя такихъ изверговъ"!

— Ужъ больно ты горячій человѣкъ, Петръ Степановичъ; началъ волноваться раньше времени! Не въ томъ самое тяжкое преступленіе Шуйскихъ, что они истребляли своихъ враговъ, а въ томъ, что они дерзнули напасть на государевыхъ пріятелей, которыхъ не только уважалъ, но и любилъ великій князь. Ночью въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года (1542 г.) Шуйскіе схватили Бѣльскаго и утромъ на другой день отослали на Бѣлоозеро въ заточеніе; въ маѣ мѣсяцѣ того же года трое преданныхъ Шуйскимъ людей отправились на Бѣлоозеро и умертвили Бѣльскаго въ тюрьмѣ. Двоихъ главныхъ совѣтниковъ Бѣльскаго разослали по городамъ: князя Петра Щенятева въ Ярославль, Ивана Хабарова—въ Тверь; Щенятева взяли изъ комнаты государя, который сильно испугался, при видѣ дерзкихъ людей князя Шуйскаго, не обращавшихъ вниманія на присутствіе государя и силою увлекавшихъ съ собою князя Щенятева. Матрополитъ Іоасафъ былъ разбуженъ камнями, которые заговорщики бросали къ нему въ келью; онъ кинулся во дворецъ, заговорщики ворвались за нимъ съ шумомъ въ спальню великаго князя, разбудили его за три часа до свѣту; не найдя безопасности во дворцѣ подлѣ великаго князя, приведеннаго въ ужасъ, Іоасафъ уѣхалъ въ Троицкое подворье; но туда за нимъ бояре прислали дѣтей боярскихъ, новгородцевъ съ неподоб-

ными рѣчами; новгородцы не удовольствовались одними ругательствами, но чуть-чуть не убили митрополита; только троицкій игуменъ Алексѣй именемъ св. Сергія, да бояринъ князь Дмитрій Палецкій успѣли удержать ихъ отъ убійства; Іоасафа взяли наконецъ Шуйскіе и сослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.—

„Чѣмъ больше ты разсказываешь о неслыханно-дерзкихъ продѣлкахъ Шуйскихъ и ихъ людей, которые осмѣливаются своими возмутительно-преступными дѣяніями приводить въ ужасъ и трепетъ самого юнаго нашего государя", прервалъ съ горячностью рѣчь странника Нефедовъ: „тѣмъ больше я проникаюсь готовностью пожертвовать собою, чтобы только избавить нашего великаго князя Ивана Васильевича отъ такихъ негодяевъ и душегубцевъ, какъ Шуйскіе"!

— Полно тебѣ, братъ Петръ, горячиться! Выслушай сначала весь мой разсказъ, а потомъ хладнокровно потолкуемъ, что намъ предпринять. Ты не столько горячись, мой другъ, сколько вникай и разсуждай о томъ, какъ можетъ юный государь относиться къ Шуйскимъ и особенно къ Андрею Михайловичу. Вскорѣ послѣ того, какъ митрополита Іоасафа сослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, а на его мѣсто возведенъ былъ въ митрополиты новгородскій архіепископъ Макарій, Иванъ Васильевичъ Шуйскій, испытавъ за свои и своихъ родственниковъ злодѣянія кару Божію, скончался; власть перешла въ руки троихъ его родственниковъ — князя Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ и князя Ѳедора Ивановича Скопина-Шуйскаго; между ними первенствовалъ князь Андрей Михайловичъ; онъ и его братъ Иванъ свѣдали, что расположеніемъ юнаго нашего великаго князя Ивана Васильевича успѣлъ овладѣть Ѳедоръ Семеновичъ Воронцовъ. 9 сентября 1543 г. трое Шуйскихъ и совѣтники ихъ — князь Шкурнятевъ, князья Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій и Алексѣй Басмановъ взволновались въ при-

сутствіи великаго князя и митрополита, въ столовой избѣ у государя, на совѣтѣ, схватили Воронцова, били его по щекамъ, оборвали платье, и хотѣли убить до смерти; великій князь послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ уговорить ихъ, чтобъ не убивали Воронцова, и они его не убили, но повели съ дворцовыхъ сѣней съ позоромъ, били, толкали и отдали подъ стражу. Государь опять прислалъ митрополита и бояръ къ Шуйскимъ сказать имъ, что если уже Воронцову и сыну его нельзя оставаться въ Москвѣ, то пусть пошлютъ ихъ на службу въ Коломну. Но Шуйскимъ, особенно Андрею Мнхайловичу, показалось это очень близко и опасно: не взирая на слезную мольбу великаго князя, по настоянію князя Андрея Шуйскаго, сослали Воронцовыхъ въ Кострому.—

„Знаешь что, братъ Василій"? съ горячностью прервалъ Нефедовъ разсказъ странника: „я рѣшилъ разсказать о новомъ преступномъ замыслѣ Шуйскаго, желавшаго овладѣть моею дочерью, разсказать сегодня нашему юному государю, любящему правду и тѣхъ, кто готовъ пострадать за нее; а затѣмъ, сегодня же, хотя бы поздно вечеромъ, отвезти свою дочь, какъ онъ, Шуйскій, требуетъ того, къ нему въ домъ, попросить у него позволенія переночевать въ его домѣ и въ тотъ часъ, когда онъ, быть можетъ, задумаетъ оскорбить мою дочь, умертвить его тѣмъ самымъ ножемъ, которымъ я распоролъ животъ не одному медвѣдю, гулявшему въ сосѣднемъ лѣсу!—

— Вишь ты какъ разгорячился! Какъ будто, дѣйствительно, съ Михайломъ Потапычемъ (такъ въ шутку народъ называетъ медвѣдей) въ дремучемъ лѣсу встрѣтился и рѣшилъ погладить его по брюху рогатиною и остренькимъ ножомъ охотничьимъ! И глаза у тебя, братъ Петръ, разгорѣлись, какъ у голоднаго волка, который, встрѣтясь въ лѣсу съ испуганною коровой, задумалъ перегрызть ея жирную шею и вкуснымъ ея

мясомъ упитаться до сыта! Въ послѣдній разъ я говорю тебѣ, Петръ Степановичъ: перестань горячиться и дѣлай такъ, какъ я тебѣ посовѣтую! Нашъ юный государь всегда возмущался и возмущается всякимъ злодѣяніемъ и произволомъ, кто бы его ни совершилъ. Поэтому, твоя самовольная расправа съ Андреемъ Шуйскимъ можетъ только погубить тебя. Но если ты поступишь по моему совѣту, то не только ты удалишь Шуйскаго отъ всякаго вліянія на великаго князя, но и заслужишь особенное расположеніе нашего государя.—

„Какъ же ты, Василій, совѣтуешь мнѣ поступить, чтобы погубить Шуйскаго? Сказывай, сказывай, мой другъ, о томъ, не медля! Я сгораю нетерпѣніемъ узнать о томъ поскорѣе", поспѣшно проговорилъ Нефедовъ, ходя въ нервномъ волненіи быстро по комнатѣ.

— Ужъ больно ты нетерпѣливъ, братъ Петръ! — укоризненно замѣтилъ странникъ, допивая третью чарку „зелена вина":—но прежде чѣмъ дать тебѣ благой совѣтъ, я еще разъ хочу обратить твое вниманіе на то, что поведеніе Шуйскихъ въ продолженіе всего дѣтства и отрочества нашего юнаго государя было настолько возмутительно, что самая ихъ фамилія не можетъ вызвать въ его сердцѣ иного чувства, какъ чувства ненависти и презрѣнія. По волѣ Шуйскихъ, жалѣвшихъ давать великокняжескому ребенку въ достаточномъ количествѣ одежду и пищу, будущій государь терпѣлъ нерѣдко голодъ и холодъ. Кромѣ того, они же, Шуйскіе, оскорбляли самого юнаго князя, не слушая его слезныхъ моленій, когда онъ упрашивалъ ихъ не позорить и не умерщвлять людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ, а также оскорбляли память его родителей, такъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, садясь на лавку возлѣ постели великаго князя и государя Василія III Ивановича, локтемъ опирался объ эту постель и клалъ на нее ногу. На гла-

захъ юнаго князя Ивана Васильевича и брата его расхищали Шуйскіе, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, казну его отца, дядей и матери, при чемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи. Изъ вещей золотыхъ и серебряныхъ, хранившихся въ казнѣ отца и дѣда, наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро. Затѣмъ, они, Шуйскіе, взяли себѣ самовольно дворы, села и имѣнія дядей государевыхъ и немилосердно пограбили ихъ жителей, совершивъ многія насилія надъ мирными поселянами, жившими въ сосѣднихъ городахъ и селахъ. Съ своими подчиненными и слугами они обращались, какъ съ рабами. Слухи о всѣхъ злодѣяніяхъ князей Шуйскихъ и о всѣхъ совершенныхъ ими насиліяхъ и звѣрствахъ дошли до ушей государевыхъ: нашъ юный князь все знаетъ, все помнитъ и испытываетъ къ нимъ, Шуйскимъ, лишь два чувства: презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть къ врагамъ-извергамъ, которые оскорбили его лично и своими злодѣяніями возмутили его до глубины души. Вотъ этою ненавистью юнаго государя къ Шуйскимъ и долженъ ты, братъ Петръ, воспользоваться, если хочешь избавить свою дочь отъ оскорбленія и погубить Андрея Шуйскаго.—

„Но ты забываешь, Василій“, послѣ нѣкотораго раздумья замѣтилъ Нефедовъ; „что Шуйскій, когда великій князь станетъ его обвинять въ преступномъ намѣреніи оскорбить мою дочь, начнетъ наговаривать на меня, выставитъ меня измѣнникомъ, который готовъ бѣжать въ Литву или къ крымскимъ татарамъ, и тогда гнѣвъ государя, который, быть можетъ, скорѣе повѣритъ боярину, чѣмъ простому сокольнику, можетъ обрушиться не на душегубца и злодѣя Шуйскаго, а на меня, готоваго жизнь свою положить за спасеніе своего государя и своей родины. Не лучше

ли сдѣлать такъ, какъ я думалъ о томъ раньше! сначала избить князя Андрея, а потомъ прибѣгнуть къ милосердію юнаго нашего великаго князя".

— Ты такъ думаешь поступить потому, что не знаешь, какъ ненавидитъ государь Шуйскихъ и какъ онъ возмущается всякимъ самовольствомъ. Поэтому, если ты самовольно расправишься съ Шуйскимъ, ты можешь погубить себя и свою дочь. Ты не долженъ убивать государева оскорбителя и губителя столькихъ душъ православныхъ, ты не долженъ даже жаловаться на него великому князю. Когда ты удостоишься лицезрѣть государя здѣсь, у тебя въ домѣ, или въ другомъ мѣстѣ, ты долженъ слезно молить его, чтобы онъ не допустилъ Шуйскаго оскорбить твою дочь. Отъ твоихъ сосѣдей я слышалъ, что нашъ юный князь съ большимъ вниманіемъ относится къ твоей дочери. Я думаю, что твое усердное и слезное прошеніе подѣйствуетъ на князя и, помяни мое слово, не сдобровать тогда Шуйскому!—

Поблагодаривъ хозяина за гостепріимство, странникъ, смотря въ уголъ, гдѣ висѣли образа, сталъ произносить послѣобѣденное молитвословіе. Не прошло и полчаса, въ продолженіи котораго Нефедовъ ходилъ быстро по комнатѣ, размышляя и разсуждая про себя о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, какъ раздался стукъ въ дверь. Когда дверь отворилась, въ комнату вошелъ стройный, худощавый и широкоплечій юноша высокаго роста, хорошо сложенный, съ высоко приподнятою грудью, съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ не по годамъ выраженіемъ лица, лучшимъ украшеніемъ котораго были небольшіе, но живые глаза и правильный носъ съ горбомъ; нѣсколько пухлыя губы, особенно нижняя, свидѣтельствовали о страстномъ и горячемъ темпераментѣ. Это былъ тринадцатилѣтній, великій князь и государь Иванъ Васильевичъ. На немъ былъ кафтанъ изъ золотой парчи, длиною до колѣнъ; онъ

былъ опоясанъ кушакомъ; сверхъ кафтана была одѣта ферязь (ферязью называлось роспашное платье), сшитая изъ шелковой матеріи, подбитая мѣхомъ и обшитая золотымъ галуномъ; сафьяновые сапоги, украшенные жемчугомъ, дополняли костюмъ юнаго государя; у пояса съ одной стороны виднѣлся большой охотничій ножъ, а на другой сторонѣ висѣлъ охотничій рогъ, украшенный серебромъ.

„Что вы такъ пріуныли, мои друзья?“ весело молвилъ великій князь, обращаясь къ дочери хозяина къ Иринѣ: „у тебя, моя красавица, даже глаза заплаканы! не наказалъ ли тебя за ослушаніе твой батюшка и мой вѣрный слуга Петръ Степановичъ, а, можетъ быть, и твоя матушка моя добрая пріятельница Евдокія Ефимовна обидѣла тебя, Ириша, постегавъ легонько тебя плеточкой“?

— Гой ты нашъ первый заступникъ и защитникъ великій князь и государь Иванъ Васильевичъ! Обидѣли меня не родители мои, а твой бояринъ князь Андрей Михайловичъ Шуйскій!—съ трудомъ произнесла Ирина дрожащимъ отъ волненія голосомъ, заливаясь горькими слезами и утирая правымъ рукавомъ влажныя отъ слезъ щеки, а лѣвою рукою опираясь объ столъ, стоявшій у окна.

„Какъ Андрей Шуйскій обидѣлъ тебя, Ириша“? въ сильномъ гнѣвѣ молвилъ великій князь: „сказывай, сказывай мнѣ скорѣе обо всемъ, моя красавица. Нефедовъ, замѣтивъ, что его дочь не въ состояніи говорить: ее душили истеричныя рыданія, рѣшилъ самъ изложить все дѣло.

— Милосердный нашъ государь Иванъ Васильевичъ! позволь мнѣ, твоему вѣрному слугѣ, готовому жизнь свою положить за тебя и за дорогую всѣмъ намъ родину,—такъ началъ говорить взволнованнымъ, но твердымъ голосомъ Петръ Степановичъ Нефедовъ, ставъ на колѣни:—позволь мнѣ, государь, сказать тебѣ всю

правду о томъ злодѣяніи и насиліи, какія задумалъ совершить князь Андрей Шуйскій! Казни и наказывай меня, какъ хочешь; если хоть одно лживое слово выйдетъ изъ устъ моихъ!—

„Вполнѣ тебѣ вѣрю, мой вѣрный слуга Петръ: ты никогда меня не обманывалъ, а всегда прямилъ (т. е. говорилъ правду)", торопливо сказалъ великій князь, съ трудомъ сдерживая припадокъ нервной раздражительности, который овладѣвалъ имъ всякій разъ, когда онъ вспоминалъ о боярской измѣнѣ и объ ихъ нежеланіи подчиниться государевой волѣ. Припадокъ нервной раздражительности въ юномъ государѣ обнаруживался, между прочимъ, въ подергиваніи личныхъ мускуловъ и въ неровномъ дыханіи: „скорѣе, скорѣе говори мнѣ Петръ, какое злодѣяніе задумалъ этотъ ненасытный кровопійца бѣднаго и беззащитнаго люда—этотъ измѣнникъ моему отцу Василію и мой постоянный оскорбитель—князь Андрей Шуйскій! вставай, Петръ, и разсказывай скорѣе!" задыхаясь отъ волненія, молвилъ великій князь и, схвативъ за руку стоявшаго передъ нимъ на колѣняхъ Нефедова, судорожно дернулъ его нѣсколько разъ, пока тотъ не поднялся.

— Гой ты — заступникъ и защитникъ всѣхъ бѣдныхъ и слабыхъ твоихъ подданныхъ,—великій князь и государь Иванъ Васильевичъ!"—со слезами на глазахъ говорилъ Нефедовъ, опустивъ, въ знакъ покорности, свою голову на свою богатырскую высокую грудь, прости меня, недостойнаго холопа своего Петрушку, что онъ волнуетъ твое великокняжеское доброе сердце, исполненное великихъ щедротъ для всѣхъ слабыхъ и бѣдныхъ людей, разсказомъ о семейномъ своемъ несчастьѣ. Два мѣсяца я непрестанно прошу князя Андрея Михайловича Шуйскаго, какъ своего бывшаго господина, благословить дочь мою Иришу, за которую сватается твой сокольникъ Стрѣшневъ. Въ отвѣтъ на всѣ мои слезныя моленія вчера поздно вечеромъ объявилъ мнѣ

князь Шуйскій, что моя Ириша ему самому очень нравится и что беретъ ее къ себѣ въ домъ, при чемъ сказалъ мнѣ, чтобы я непремѣнно не позже сегодняшняго вечера привезъ къ нему свою Иришу и оставилъ бы ее у него. О милосердный нашъ великій князь Иванъ Васильевичъ!—произнесъ Нефедовъ съ чувствомъ сердечной преданности своему государю, опустившись снова на колѣни:—дѣлай со мной, что хочешь! Пытай и казни меня, но не допусти, государь, до безчестья мою дочь, мое — любимое и ненаглядное дѣтище, мою дорогую Иришу!—

„Встань, Петръ, и сходи за Шуйскимъ, котораго я видѣлъ сегодня, когда сюда шелъ, входящимъ въ избу сокольника Стрѣшнева", сказалъ сильно взволнованный юный государь, съ нервною торопливостью ходя по комнатѣ: „а моимъ псарямъ, съ которыми я вышелъ въ объѣздъ (т. е. въ обходъ) для „прохлады" (т. е. для забавы) и которые остались стоять у дверей твоей избы, передай мой приказъ, чтобы они были наготовѣ и далеко не отходили отсюда. А ты, мой вѣрный слуга Петръ, уходя отсюда, чтобы позвать Шуйскаго и обречь, быть можетъ, на гибель моего самого могущественнаго боярина, скажи мнѣ по совѣсти, Петръ, могу ли я разсчитывать на помощь бѣднаго люда въ случаѣ возмущенія всѣхъ бояръ"!

— Такихъ вѣрныхъ слугъ, какъ я, государь, готовыхъ пожертвовать собою для спасенія тебя и своей родины, въ русскомъ народѣ ты найдешь десятки тысячъ!—восторженно проговорилъ Нефедовъ, при чемъ глаза его стали разгораться недобрымъ свѣтомъ, какъ будто онъ видѣлъ уже передъ собою своихъ исконныхъ враговъ—государевыхъ бояръ:—хочешь испытать меня, великій князь, созови завтра же на пиръ всѣхъ бояръ своихъ и позволь мнѣ также прійти съ моимъ другомъ—съ охотничьимъ булатнымъ ножемъ, которымъ я распоролъ на своемъ вѣку животы не одному десятку

медвѣдей и не одной сотнѣ волковъ; и тогда ты можешь убѣдиться, что кто сильнѣе—многіе ли бояре измѣнники, насильники и оскорбители, или же одинъ простой человѣкъ, преданный своему государю и родинѣ!—

„О, да ты бѣдовый головорѣзъ. Не даромъ говорятъ, что въ тихомъ омутѣ черти водятся"! шутливо замѣтилъ великій князь и улыбнулся: „спасибо, большое тебѣ спасибо, мой вѣрный слуга Петръ, за твою готовность пострадать и даже умереть для спасенія меня и моего государства! Но не будемъ терять времени въ разговорахъ! Бѣги скорѣе и зови сюда Шуйскаго! Торопись застать его у Стрѣшнева"!

Нефедовъ поспѣшно вышелъ изъ избы и, передавъ государевъ приказъ псарямъ, бѣгомъ направился къ избѣ Стрѣшнева.

Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, великій князь, подойдя къ Иринѣ и взявъ ее за руку, ласково сказалъ ей:

„Полно тебѣ убиваться, моя дорогая Ириша! Никто какъ Богъ. „Богъ не захочетъ, свинья не наскочитъ" говоритъ простой русскій человѣкъ и говоритъ разумно. Въ священномъ писаніи сказано, что безъ воли Всемогущаго Творца вселенной, ни единаго волоса не можетъ выпасть изъ головы. Не убивайся, моя дорогая! я не дамъ тебя въ обиду"!

— Вѣкъ буду тебя благодарить, милосердный мой великій князь и государь Иванъ Васильевичъ, если избавишь меня и моихъ родителей отъ лиходѣя князя Шуйскаго. Я и мои родители будутъ вѣчно Господа Бога молить, чтобы Онъ, по своей великой благости и милосердію, даровалъ тебѣ, государь, многія побѣды надъ твоими врагами!—со слезами на глазахъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но съ чувствомъ сердечной признательности проговорила Ирина, опустившись на колѣни и снова закрывъ рукавомъ лицо, сдѣлавшееся опять влажнымъ отъ обильныхъ слезъ

благодарности, которыя текли изъ ея прекрасныхъ глазъ.

Съ трудомъ сдерживая нервную дрожь, которая пробѣгала по всему тѣлу великаго князя, и слезы, готовыя каждую минуту показаться на его глазахъ, юный государь, сильно волнуясь при видѣ обильныхъ слезъ, проливаемыхъ любимою имъ красавицею Иришею, приблизился къ ней еще больше и, взявъ ее за голову, крѣпко поцѣловалъ въ лобъ; затѣмъ, наклонясь надъ ея головою, вполголоса, такъ, чтобы никто не услыхалъ, сказалъ ей наухо:

„Если ты, моя дорогая Ириша, хоть сколько-нибудь любишь твоего государя, могущаго своимъ единымъ словомъ уничтожить всѣхъ враговъ твоихъ, кто-бы они ни были, то перестань плакать и успокойся! Сейчасъ сюда войдетъ твой и твоей семьи врагъ князь Андрей Шуйскій. Я не хотѣлъ бы, чтобы ты, моя сердечная и чувствительная Ириша, слыхала нашъ крутой разговоръ и была бы здѣсь, пока я буду рѣшительно говорить съ твоимъ оскорбителемъ. А потому, прошу тебя, моя дорогая, сейчасъ же уйди въ свою горницу и подожди тамъ, пока я не позову тебя“!

Ирина не замедлила исполнить просьбу государя, который, еще разъ поцѣловавъ ее въ лобъ, довелъ ее за руку до двери сосѣдней горницы; переступая порогъ, она пристально посмотрѣла на него и, крѣпко сжавъ его руку, быстро вошла въ сосѣднюю комнату.

Простоявъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, какъ бы въ ожиданіи чего-то, юный князь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, пришелъ въ себя, послѣ того, какъ нѣкоторое время пребывалъ въ нервномъ забытьи; и тогда онъ вспомнилъ, что въ той комнатѣ, гдѣ онъ находился, имѣется посторонній свидѣтель всѣхъ его дѣйствій и волненій.

Стараясь совершенно успокоиться, государь подошелъ къ страннику Василію и спросилъ его:

„Изъ какого города и куда путь ты, странникъ, держишь"?

— Изъ города Пскова, великій нашъ князь и государь Иванъ Васильевичъ, — проговорилъ сиплымъ голосомъ странникъ, съ трудомъ сдерживая икоту, одолѣвавшую его послѣ сытнаго и плотнаго завтрака.

„Изъ Пскова"? переспросилъ государь и опять измѣнился въ лицѣ, которое отъ волненія перекосилось, а нижняя губа судорожно стала вздрагивать: „ты помнишь, странникъ, какъ въ этомъ городѣ были намѣстники Шуйскій и Оболенскій"?

— Какъ не помнить, помню, государь!—

„Правда ли, что эти намѣстники были свирѣпы, какъ львы, и отъ ихъ насилій многіе добрые люди, жившіе во Псковѣ, разбѣжались по инымъ городамъ"?

— Правда, сущая правда, государь!—торопливо заговорилъ странникъ, желая своимъ разсказомъ подлить масла въ огонь: — многихъ честныхъ дѣвушекъ красавицъ и вѣрныхъ и непорочныхъ псковскихъ женъ оскорбляли эти намѣстники, особенно князь Андрей Михайловичъ Шуйскій.—

„Что ты, жалкій странникъ, вздумалъ тутъ клеветать на меня"? громовымъ голосомъ крикнулъ быстро вошедшій въ столовую горницу Шуйскій; за нимъ слѣдовалъ Нефедовъ.

— Я, князь, я... ничего, я только... я отвѣчалъ на вопросы... на государевы вопросы... — съ трудомъ проговорилъ странникъ Василій, языкъ котораго, при видѣ разсвирѣпѣвшаго Шуйскаго, отказывался ему служить; и отъ страха прошла вся хмѣль, наполнившая ему голову послѣ хорошаго завтрака и придавшая ему смѣлости говорить съ государемъ.

„Я научу тебя, негодяя, какъ должно отвѣчать на государевы вопросы, чтобы не порочить лучшихъ и вѣрнѣйшихъ бояръ великаго князя"! съ гнѣвомъ сказалъ Шуйскій, усаживаясь на скамейку возлѣ стола;

„я давно хотѣлъ сказать тебѣ, государь, что Василій— этотъ подлый холопъ, который способенъ опозорить лучшихъ твоихъ бояръ — одинъ изъ странниковъ, которые заносятъ въ православную Москву всякія ереси, перенимаемыя ими у сосѣдей нѣмцевъ. А потому, если ты, государь, хочешь обезопасить нашъ православный городъ отъ всякой еретической заразы, то подвергни пыткѣ этого негодяя Василія; пускай онъ выдастъ своихъ сообщниковъ и вмѣстѣ съ ними, какъ послѣдняя собака, погибнетъ отъ рукъ палача".

Дрожа какъ осиновый листъ, и съ блѣднымъ, какъ у мертвеца, лицомъ странникъ могъ съ трудомъ проговорить:

— Неужели ты, милосердный государь, послушаешь князя Шуйскаго и казнишь меня?—

„Молчи, несчастный холопъ, или я тебя убью своимъ посохомъ"! въ припадкѣ гнѣва крикнулъ Шуйскій и такъ стукнулъ своимъ желѣзнымъ посохомъ о полъ, что великій князь вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ испуга.

„Довольно тебѣ гнѣвиться, князь"! громко проговорилъ государь, едва сдерживая припадокъ нервнаго раздраженія, который вторично сталъ овладѣвать имъ: „не судить и не расправу производить надъ странникомъ Василіемъ призвалъ я тебя сюда, князь Андрей"!

— У славнаго потомка Рюрика, неоднократно наводившаго страхъ на враговъ отечества, ты, государь, хочешь отнять право судить людей безъ роду безъ племени!—

„Не отнимать у тебя, Шуйскій, твоихъ правъ позвалъ я тебя сюда", неровнымъ отъ волненія голосомъ, крикнулъ великій князь: „зачѣмъ отнимать то, что само собой должно исчезнуть! нѣтъ, не отнимать наслѣдственныя права я позвалъ тебя, князь Андрей, сюда, но лишить тебя столь излюбленнаго тобою права обижать и оскорблять слабыхъ и беззащитныхъ поселянъ и ихъ дѣтей. Довольно тебѣ обижать русскій народъ и издѣваться надъ бѣднымъ людомъ! Чаша

терпѣнія моего переполнилась! Мое душевное спокойствіе постоянно отравлялось и отравляется жалобами на твои преступленія, на твои безчисленныя оскорбленія".

— Ты долженъ помнить, государь, — съ горячностью прервалъ рѣчь великаго князя Шуйскій:—что клеветниковъ и обманщиковъ на свѣтѣ всегда было, есть и будетъ больше, чѣмъ справедливыхъ и честныхъ людей! Но мнѣ очень и очень интересно знать, кто это такъ наклеветалъ на меня тебѣ. Ужъ не бывшій ли мой дворовый человѣкъ—нынѣ твой сокольникъ Петръ Нефедовъ?—

„Да, Нефедовъ сказалъ мнѣ всю правду о тебѣ"! неровнымъ отъ волненія голосомъ сказалъ великій князь: „когда рѣчь идетъ о правдѣ и справедливости, для меня все равно: будетъ ли правду говорить боринъ, или его дворовый человѣкъ, или простой холопъ"!

— Какъ, государь, ты моему холопу больше вѣришь, чѣмъ мнѣ!—въ гнѣвѣ крикнулъ Шуйскій, вскочивъ со скамейки.

„Я больше вѣрю тому, кто готовъ своею жизнію пожертвовать для спасенія меня и моего государства"! задыхаясь отъ сильнаго сердцебіенія, съ трудомъ проговорилъ великій князь, все больше и больше блѣднѣя: „и меньше довѣряю тѣмъ своимъ боярамъ, которые не прочь при случаѣ измѣнить своему государю и своему отечеству и которые обижаютъ и творятъ насилія надъ вѣрными моими слугами"!

— Такъ ты, государь, позвалъ меня въ домъ моего бывшаго холопа для того, чтобы уличать меня въ присутствіи этихъ двухъ негодяевъ въ измѣнѣ тебѣ и своей родинѣ!—въ бѣшенствѣ кричалъ Шуйскій, злобно посматривая то на странника, то на Нефедова.

„Не уличать тебя въ измѣнѣ позвалъ я тебя, князь Андрей, сюда", болѣе тихимъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ великій князь, стараясь успокоиться и говорить тверже и рѣшительнѣе: „а объ-

явить тебѣ свою волю, что ты долженъ оставить въ покоѣ сокольника Нефедова и особенно его дочь Иришу, не требовать ихъ къ себѣ въ домъ".

— Такъ это ты, Петръ, выдумываешь на меня доносы и хочешь оклеветать меня въ глазахъ государя? Такъ помни же ты, подлый холопъ, что я не переступлю этотъ порогъ, не размозживъ твою глупую голову, набитую одними доносами! — грозно крикнулъ Шуйскій, сжимая судорожно правою рукою свой желѣзный посохъ и ударяя имъ по полу.

„Палка, князь, о двухъ концахъ"! спокойно, но насмѣшливо замѣтилъ Нефедовъ.

— Какъ, ты, подлый холопъ, смѣешь издѣваться надъ своимъ бывшимъ господиномъ! Такъ вотъ же тебѣ! — еще больше придя въ ярость, закричалъ Шуйскій, намѣреваясь ударить своимъ посохомъ Нефедова по головѣ.

Но этотъ послѣдній быстрымъ и сильнымъ движеніемъ лѣвой руки отстранилъ ударъ посоха и съ такою силою дернулъ его, что вырвалъ изъ рукъ Шуйскаго.

— И ты, государь, допускаешь, что дерзкій холопъ, въ твоемъ присутствіи, обезоружилъ своего бывшаго господина, издѣваясь надъ нимъ, — продолжалъ неистово кричать Шуйскій:—и я тебѣ объявляю, великій князь Иванъ Васильевичъ, что если ты не прикажешь своимъ людямъ схватить этого негодяя—моего бывшаго холопа и предать его позорной казни, то я позову своихъ людей и они расправятся съ нимъ по своему.—

„А я, твой государь, тебѣ еще разъ объявляю: оставь моего сокольника Нефедова и его дочь Иришу въ покоѣ"! громко сказалъ великій князь, стараясь сдержать нервную дрожь, которая стала одолѣвать его съ того момента, какъ князь Шуйскій поднялъ крикъ и замахнулся посохомъ своимъ на Нефедова.

— Такъ ты, государь, хочешь лишить удѣльныхъ князей освященнаго вѣками права ихъ быть вольными, имѣть волю надъ своими холопами!—злобно смотря на

великаго князя, сказалъ Шуйскій: — нѣтъ, я не потерплю такого униженія! Если ты, государь, лишишь меня воли надъ моими бывшими и настоящими холопами, я объявляю тебѣ, что я больше не слуга тебѣ!—

„Какъ, ты, Андрей, хочешь измѣнить мнѣ!“ дрожа всѣмъ тѣломъ, неистово закричалъ, великій князь: „долго терпѣлъ я тебя, измѣнника моему отцу, оскорбителя моихъ родителей и меня и насильника моихъ вѣрныхъ слугъ — простого народа. Богъ тебя не наказалъ за то, что ты, измѣнникъ, осиротилъ и оскорбилъ столькихъ женъ мирныхъ поселянъ и ихъ дѣтей, такъ изъ рукъ моихъ ты получишь заслуженную мзду за всѣ свои преступныя дѣянія! Петръ, держи его, злодѣя, а я позову своихъ псарей“!

Нефедовъ съ такою силою схватилъ Шуйскаго за руки, что этотъ послѣдній, вскрикнувъ отъ боли и безсильной злобы, не сталъ даже вырываться, понявъ, что легче охотнику освободиться изъ тяжелыхъ объятій медвѣдя, чѣмъ ему, Шуйскому, изъ желѣзныхъ объятій его бывшаго холопа.

Между тѣмъ государь, вынувъ свой охотничій рогъ, затрубилъ. Тотчасъ вошли въ избу нѣсколько коренастыхъ богатырскаго сложенія псарей и остановились, снявъ свои шапки, въ ожиданіи государева приказа.

„Я вамъ приказываю“, громкимъ, но не твердымъ вслѣдствіе сильнаго волненія голосомъ сказалъ великій князь, указывая на Шуйскаго рукою, которую съ трудомъ удерживалъ отъ нервной дрожи: „тащите этого измѣнника своему государю и отечеству на псарный дворъ и отдайте его, ненасытнаго кровопійцу народа, голоднымъ псамъ на растерзаніе“!

— Давай, Ѳедоръ, твой поясъ! — сказалъ сокольникъ Петръ Степановъ, обращаясь къ одному изъ псарей: — я помогу вамъ связать Шуйскому руки, погубившія не одну сотню бѣдныхъ и беззащитныхъ людей! Довольно вамъ сокрушать черепа непослушныхъ холо-

повъ, не допускавшихъ васъ оскорблять ихъ семейства!—

Такъ говорилъ съ злорадствомъ Нефедовъ, заворачивая назадъ сильные руки Шуйскаго съ такою легкостью, съ какою опытная няня складываетъ руки младенца, когда пеленаетъ его. Связавъ Андрею Шуйскому руки, его повели псари изъ избы прямо на псарный дворъ.

„Доволенъ ли ты, Петръ, государевою расправою съ хищнымъ и алчнымъ звѣремъ, подобнымъ тому волку, о которомъ говорится въ одной древней лѣтописи, что повадился онъ таскать овецъ изъ стада и что если бы оставить этого волка цѣлымъ и невредимымъ, то вытаскалъ бы онъ всѣхъ овецъ изъ стада", стараясь казаться веселымъ и спокойнымъ, говорилъ великій князь; но на его челѣ замѣтна была тяжелая и тревожная дума, повидимому, занимавшая его въ тотъ моментъ: „я исполнилъ твое желаніе, Петръ: избавилъ твою дочь отъ лихого оскорбителя Андрея Шуйскаго, но исполни и ты мою просьбу: клянись ты, Петръ, передъ этою иконою Божьей Матери за себя и за всѣхъ своихъ товарищей, а ты, Василій, за всѣхъ странниковъ, что какая-бы опасность и измѣна ни угрожала мнѣ со стороны бояръ, вы не покинете меня въ тяжелыя минуты одиночества и поможете мнѣ произвести расправу съ измѣнниками своему государю, своей вѣры и своему народу, подобными князю Андрею Шуйскому"!

— Мы клянемся передъ иконою Божьей Матери и цѣлуемъ въ подтвержденіе своей клятвы икону, — торжественно, восторженнымъ тономъ произносили Нефедовъ и странникъ Василій, послѣ троекратнаго колѣнопреклоненія приложившись къ иконѣ:—клянемся мы за себя и за всѣхъ нашихъ товарищей, что какая бы опасность или измѣна ни угрожала тебѣ со стороны лиходѣевъ бояръ, подобныхъ князьямъ Шуйскимъ, мы всѣ станемъ за тебя, какъ одинъ человѣкъ, и скорѣе

погибнемъ всѣ до одного, чѣмъ допустимъ нашего заступника и защитника великаго князя и государя Ивана Васильевича до какого-нибудь оскорбленія и униженія со стороны боярскихъ лиходѣевъ!—

„Большое вамъ спосибо, мои друзья"! нѣсколько успокоенный клятвою Нефедова и странника Василія, сказалъ ласково юный государь, потрепавъ по плечу своихъ вѣрныхъ слугъ: „а теперь, Петръ, позови сюда Иришу"!

— Ириша, иди скорѣе сюда, тебя государь зоветъ!— радостнымъ и громкимъ голосомъ крикнулъ Нефедовъ, открывая дверь въ сосѣднюю комнату.

Ириша, стоявшая у двери и слыхавшая все, что произошло съ Шуйскимъ, съ сіяющимъ лицомъ быстро войдя въ комнату, гдѣ всѣ находились, бросилась на колѣни передъ великимъ княземъ, крѣпко поцѣловала его руку и, держа ее въ своихъ рукахъ, съ чувствомъ искренней признательности проговорила:

— Дорогой нашъ избавитель и единственный нашъ заступникъ и защитникъ великій князь Иванъ Васильевичъ. Мы всѣ, которые терпѣли всякія насилія отъ князя Шуйскаго, такъ тебѣ благодарны за избавленіе насъ отъ этого лиходѣя, что готовы пожертвовать для твоего спасенія жизніею своею и всѣмъ, что особенно дорого для насъ. Прикажи намъ идти на вѣрную смерть и молви, что того требуетъ спасеніе тебя, нашей родины и православной церкви, и мы, всѣ простые люди, весь русскій народъ, подымется на твоихъ враговъ, кто бы они ни были, какъ одинъ человѣкъ. Никакой врагъ твой, какъ бы ни былъ онъ силенъ, не устоитъ противъ той силы, какую представляетъ изъ себя простой народъ, когда онъ воодушевленъ любовью и сердечной преданностью своему государю!—

Тронутый до глубины души вдохновенными рѣчами простой дѣвушки, великій князь сказалъ:

„Дорогая Ириша, если твоими устами глаголетъ

русскій народъ, я счастливѣйшій государь на свѣтѣ и съ того момента, какъ, благодаря тебѣ, твоей вдохновенной рѣчи, я позналъ свой народъ, я больше не боюсь враговъ своихъ, кто бы они ни были! Спасибо тебѣ, дорогая Ириша, за твои рѣчи, которыя я никогда не забуду и буду вспоминать всякій разъ, какъ будутъ наступать тяжелыя годины испытаній, когда сомнѣніе въ вѣрности народа, быть можетъ, начнетъ одолѣвать меня. Большое тебѣ спасибо, дорогая Ириша"! прибавилъ юный государь, поднимая дѣвушку съ пола и крѣпко цѣлуя ее въ лобъ: „а теперь разскажи, мнѣ, моя дорогаа, за что ты полюбила моего сокольника Стрѣшнева"?

— Полюбила, государь, я Стрешнева — моего жениха за то, что въ свободное отъ занятій время не гуляетъ онъ, какъ многіе другіе сокольники, съ голью кабацкою, а вмѣсто отдыха онъ занимается чтеніемъ житій святыхъ, лѣтописей и очень любитъ слушать старцевъ, которые поютъ о Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, объ Ильѣ Муромцѣ и о другихъ славныхъ богатыряхъ древней Руси. На-дняхъ Стрѣшневъ мнѣ говорилъ, что послѣ Владиміра св. не было ни одного великаго князя, который такъ же заботился бы о простомъ народѣ, какъ Владиміръ Красное Солнышко и дѣянія котораго воспѣлъ бы народъ въ своихъ пѣсняхъ; но онъ, мой женихъ, думаетъ, что ты, не брезгающій бывать у простыхъ незнатныхъ сокольниковъ и во время охоты заходящій нерѣдко въ избы черныхъ людей (т. е. крестьянъ) и звѣролововъ (т. е. охотниковъ) современемъ будешь извѣстенъ народу не менѣе Владиміра св.; и не пройдетъ полвѣка, какъ русскій народъ воспоетъ въ своихъ пѣсняхъ славныя дѣянія твоего княженія! — вдохновенно проговорила пятнадцатилѣтняя Ирина.

„Разумный человѣкъ твой женихъ, Ириша, наливай-ка мнѣ, твоему отцу и страннику Василію по чаркѣ меда"! весело молвилъ великій князь, подсажи-

ваясь къ столу, на который проворная юная хозяйка быстро поставила кувшинъ съ медомъ и три чарки и поспѣшила ихъ наполнить медомъ.

— Позволь мнѣ, государь, — съ сіяющимъ лицомъ проговорилъ Нефедовъ, подымая свою чарку со стола:— выпить за твое здоровье и отъ всего сердца пожелать тебѣ, чтобы скорѣе наступили времена, когда погибнутъ твои враги и когда окружатъ тебя люди, которыхъ ты по справедливости можешь считать своими вѣрными слугами и вполнѣ имъ довѣрять!—

— А мнѣ, убогому страннику,—радостно молвилъ Василій, поглядывая не безъ удовольствія на чарку, наполненную медомъ:—позволь тебѣ, великому князю московскому Ивану Васильевичу, отъ всего сердца пожелать, чтобы изъ всѣхъ московскихъ государей народъ тебя полюбилъ больше всѣхъ и современемъ воспѣвалъ бы тебя больше, чѣмъ Владиміра св.—

„Большое вамъ спасибо, мои друзья, Петръ и Василій, за ваши добрыя пожеланія"! сказалъ великій князь, очень довольный пожеланіями Нефедова и странника: еще въ очень юные годы государь мечталъ о славѣ, мечталъ о томъ, что слава о немъ не умретъ вмѣстѣ съ нимъ, что наступитъ время, когда въ каждомъ большомъ селѣ будутъ знать славныя дѣянія великаго князя и государя Ивана Васильевича и слушать съ удовольствіемъ воспѣваніе этихъ подвиговъ старцами - пѣвцами; но прежде, чѣмъ пить за ваше, мои друзья, здоровье, я просилъ бы васъ исполнить одно мое желаніе, а именно, чтобы ты, Нефедовъ, и ты, богомолецъ Василій, разсказали бы всѣмъ, кого увидите и встрѣтите сегодня, о гибели ненавистнаго для простого народа Шуйскаго и сказали бы всѣмъ простымъ людямъ, торговцамъ и ремесленникамъ, и земледѣльцамъ, чтобы они завтра приходили къ крытому крыльцу привѣтствовать своего государя и своимъ привѣтствіемъ выразили бы мнѣ свою благодар-

ность за мою расправу съ лиходѣемъ Шуйскимъ. Пусть остальные бояре подумаютъ о томъ, что главными и надежными моими защитниками могутъ быть не столько они, бояре, которые иногда не прочь измѣнить своему государю, сколько простой народъ, вполнѣ преданный своему единственному заступнику и защитнику великому князю московскому Ивану Васильевичу, сирѣчь (то-есть) мнѣ! Большое вамъ спасибо скажу, если сдѣлаете по моему, и я никогда не забуду вашей заслуги! А теперь, мои друзья, выпьемъ за здоровье невѣсты и жениха и пожелаемъ имъ отъ всей души счастливой жизни—мира, совѣта и любви въ предстоящемъ имъ въ скоромъ времени бракѣ. О времени ихъ свадьбы я сейчасъ пойду поговорить съ моимъ сокольникомъ и твоимъ, Петръ, будущимъ зятемъ. Еще разъ желаю тебѣ, дорогая Ириша, скорѣйшаго исполненія твоего завѣтнаго желанія! А пока говорю вамъ: добро оставаться!—

Съ этими словами юный государь всталъ изъ-за стола, поцѣловалъ Иришу въ лобъ и пожалъ крѣпко руку Нефедову и страннику Василію, затѣмъ поспѣшно вышелъ изъ избы и направился къ тому мѣсту, гдѣ жилъ сокольникъ Стрѣшневъ.

II.

Еще не прошло трехъ лѣтъ послѣ убіенія князя Андрея Михайловича Шуйскаго, какъ готовилась серьезная перемѣна въ жизни юнаго государя. Не мало волненій было пережито за это время какъ самимъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, такъ и его боярами. Какъ громомъ поразила ихъ государева расправа съ Шуйскимъ и то броженіе, которое было замѣтно въ простомъ народѣ на другой день послѣ гибели Шуйскаго, когда народъ толпами валилъ къ красному крыльцу и громогласно привѣтствовалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ юнаго государя, вышедшаго на крыльцо. Бояре тогда же поняли, что у юнаго великаго князя есть надежная опора въ лицѣ простого народа, который всюду за нимъ пойдетъ—въ огонь и въ воду. Видя то, бояре московскіе начали отъ государя страхъ имѣть и послушаніе.

Но жестокая расправа съ княземъ Шуйскимъ хотя благодѣтельно повліяла на бояръ и на простой народъ, но имѣла тяжелыя послѣдствія для самаго юнаго великаго князя Ивана Васильевича. Прежде всего эта расправа убѣдила государя, что самая дѣйствительная мѣра для усмиренія бояръ—это жестокое насиліе. Вся-

кая мысль о милосердномъ обращеніи съ непокорными боярами и съ боярами измѣнниками своему государю и отечеству должна была исчезнуть изъ головы юнаго правителя и замѣниться тяжелымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ въ крайней необходимости жестокихъ мѣръ для усмиренія бояръ. Къ числу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя наталкивали московскаго молодого государя на жестокія казни бояръ, должно отнести внезапную смерть любимой имъ дѣвушки Ириши, которая вскорѣ послѣ свадьбы своей, внезапно занемогла на одномъ пиру, гдѣ случайно присутствовали сторонники Шуйскихъ, между прочимъ, братья Кубенскіе. Сильно былъ огорченъ юный государь извѣстіемъ о внезапной смерти красавицы Ириши; нѣсколько дней бродилъ онъ одинъ по московскимъ лѣсамъ, усердно скрывая отъ всѣхъ попадавшихся ему на встрѣчу прохожихъ слезы сожалѣнія, которыя неоднократно показывались на глазахъ великаго князя Ивана Васильевича; онъ долго жалѣлъ о преждевременной кончинѣ Ириши, которая нравилась ему какъ своимъ добрымъ сердцемъ, такъ особенно своими разумными рѣчами; изъ нихъ навсегда запечатлѣлись въ его памяти тѣ слова, которыя она сказала въ день кровавой расправы и въ которыхъ она такъ ясно выразила, насколько русскій народъ преданъ своему государю.

По прошествіи нѣкотораго времени послѣ смерти Ирины Стрѣшневой, кто-то доложилъ молодому великому князю Ивану Васильевичу, что виновниками внезапной кончины жены сокольника Стрѣшнева должно признать сторонниковъ Шуйскихъ, которые были на томъ пиру, гдѣ она занемогла. Страшно былъ взволнованъ такимъ доносомъ юный государь; но такъ какъ не было никакихъ прямыхъ доказательствъ, которыя утверждали бы виновность сторонниковъ, то великій князь Иванъ Васильевичъ ограничился на

первый разъ ссылкой одного изъ этихъ сторонниковъ—князя Ивана Кубенскаго: его сослали въ Переяславль и посадили тамъ подъ стражу.

Князь Иванъ Кубенскій съ братомъ Михайломъ были главными заговорщиками противъ Бѣльскаго и митрополита Іоасафа въ пользу Шуйскаго. Онъ же, Иванъ Кубенскій, упоминается въ числѣ бояръ, бросившихся вмѣстѣ съ Шуйскими на государева любимца Воронцова.

Въ томъ же 1545 году, когда временно освобожденъ былъ Кубенскій, по дѣлу отравленія жены Стрѣшневой стали допрашивать Афанасія Бутурлина; этотъ послѣдній сталъ упрекать юнаго государя въ его пристрастіи къ простому народу, что онъ ведетъ дружбу съ простыми посадскими и черными людьми (т. е. съ торговцами и съ крестьянами), съ ихъ женами и дочерьми. За такія невѣжливыя слова Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1546 г. великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну, узнавъ, что крымскій ханъ идетъ на Москву. Въ ожиданіи какихъ-либо вѣстей о крымскомъ ханѣ, однажды государь выѣхалъ погулять загородъ; онъ былъ остановленъ новгородскими пищальниками, которые стали просить его разобрать ихъ споръ съ московскими намѣстниками. Великій князь былъ въ дурномъ расположеніи духа. Уѣзжая изъ Москвы, онъ поссорился съ вдовою одного сокольника, которая своею внѣшностью и своимъ умомъ умѣла нравиться юному государю больше другихъ московскихъ женъ; но она же, Наталья Кораблева, сочувствуя однимъ боярамъ больше, чѣмъ другимъ, выводила иногда великаго князя изъ терпѣнія, нападая на бояръ, которыхъ онъ любилъ и уважалъ, напр., Ѳедора Воронцова—пріятеля его дѣтства. Враги Кораблевой доносили на нее государю, что будто бы ее подкупали его дядья—князья Михаилъ и Юрій Глин-

скіе, которымъ было тѣсно съ Воронцовымъ, т. е., другими словами, имъ не нравилось сильное вліяніе Ѳедора Воронцова на юнаго великаго князя Ивана Васильевича. Желая провѣрить эти доносы, онъ имѣлъ крупныя объясненія съ Кораблевой; послѣдствіемъ этихъ объясненій, крайне непріятныхъ для нервно-раздражительнаго и не терпѣвшаго возраженій государя было нѣкоторое охлажденіе къ ней, къ Кораблевой, къ которой съ особеннымъ уваженіемъ относились многіе московскіе бояре и нѣкоторые дьяки.

Будучи въ дурномъ настроеніи духа, великій князь не пожелалъ выслушать новгородскихъ пищальниковъ и велѣлъ сопровождавшимъ его людямъ прогнать ихъ вонъ. Тѣ не послушались и стали бросать въ великокняжескихъ людей каменьями и грязью; видя это, государь отправилъ отрядъ дворянъ своихъ для отсылки пищальниковъ; но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ; тѣ вздумали употребить силу; тогда пищальники вступили въ бой, начали биться ослопами (ослопами встарину назывались дубины, колья), изъ пищалей стрѣлять, а дворяне дрались изъ луковъ и саблями; съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ человѣкъ по пяти или по шести; великаго князя не пропустили проѣхать прямо къ его стану; онъ долженъ былъ пробираться окольною дорогою. Крайне тяжелое впечатлѣніе произвело это происшествіе на юнаго государя, напуганнаго еще въ дѣтствѣ подобными сценами и сохранившаго на всю жизнь слѣдствія тяжелыхъ дѣтскихъ впечатлѣній и воспоминаніе о пережитыхъ имъ страшныхъ минутахъ, при одной мысли о которыхъ нервная дрожь пробѣгала по его тѣлу. Но онъ привыкъ видѣть враговъ своихъ, дерзкихъ ослушниковъ своей власти не въ рядахъ простыхъ ратныхъ людей, и потому, сейчасъ же имъ овладѣло подозрѣніе: не по наущенію ли бояръ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ наущенія этого

случиться не могло? разузнать о томъ, по возвращеніи въ Москву, онъ поручилъ незнатному человѣку,— своему дьяку Василіи Захарову, который былъ у него въ приближеніи.

Былъ прекрасный майскій вечеръ, когда великій князь, возвратясь въ Москву, направлялся въ Сокольники, гдѣ жила вдова Наталья Аѳонасьевна Кораблева недалеко отъ избы сокольника Нефедова. Ярко красные лучи заходящаго солнца красиво освѣщали густой сосновый боръ, живописно раскинувшійся у глубокаго оврага, прилегавшаго къ дорогѣ, которая вела въ Москву и по обѣимъ сторонамъ которой были разбросаны избы—жилища сокольниковъ.

Грустное воспоминаніе о красавицѣ Иришѣ и о преждевременной ея трагической кончинѣ щемило сердце великаго князя всякій разъ, какъ онъ проѣзжалъ мимо домика сокольника Нефедова; изъ небольшихъ окошекъ этого домика не поглядывали больше на прохожихъ добрые и прекрасные глаза Ириши; не раздавался больше въ немъ ея звонкій и жизнерадостный смѣхъ; ея веселая рѣчь не оживляла теперь и не забавляла съ ранняго утра до поздняго вечера ея счастливыхъ родителей, которые послѣ ея смерти жили почти въ совершенномъ одиночествѣ; ихъ четырнадцатилѣтній сынъ Степанъ цѣлыми днями бродилъ попрежнему по сосѣднимъ лѣсамъ и полямъ.

Усталъ ли юный государь отъ дороги или тяжелыя воспоминанія о счастливыхъ минутахъ прошлаго утомили его больше обыкновеннаго, трудно было рѣшить, судя по блѣдному лицу его. Когда онъ, проѣзжая мимо избы Нефедова, посмотрѣлъ пристально на небольшія хорошо знакомыя ему окошки этой избы, слезы стали душить ему горло, и онъ съ трудомъ удержался отъ рыданій.

„Не будь этихъ лиходѣевъ Шуйскихъ", проговорилъ про себя великій князь, незамѣтно для постороннихъ

наблюдателей, утирая кулакомъ правой руки катившіяся по блѣднымъ щекамъ слезы: „и была бы жива моя дорогая Ириша!"

Грустное чувство, навѣянное воспоминаніями о прошломъ, скоро смѣнилось въ юной душѣ государя болѣе тяжелымъ чувствомъ злобы, вызваннымъ мыслью о новыхъ казняхъ бояръ, два года тому назадъ погубившихъ любимую имъ дѣвушку, а теперь избравшихъ новгородскихъ пищальниковъ орудіемъ для выполненія своихъ злыхъ умысловъ и намѣреній.

„Когда же будетъ конецъ этимъ кознямъ бояръ и когда же, наконецъ, они вполнѣ подчинятся моей власти"? проговорилъ вслухъ великій князь, соскочивъ съ лошади у избы вдовы Кораблевой и привязавъ ее къ столбу крыльца этой избы.

— Добро пожаловать, великій князь нашъ и государь Иванъ Васильевичъ! — такъ говорила Наталья Кораблева, поклонившись ниже пояса и поцѣловавъ правую руку государя. Это была красивая молодая женщина съ черными, какъ смоль, глазами, изящно окоймленными дугообразными бровями, съ правильнымъ носомъ и небольшимъ ртомъ съ пухлыми губами. Она была одѣта въ длинномъ и широкомъ, безъ перехватовъ, платьѣ, съ длинными рукавами, сшитой изъ червчатой (т. е. фіолетовой) ткани; на рукахъ виднѣлись обручи (т. е. браслеты), и въ ушахъ серьги.

„Здравствуй, здравствуй, Наталья Аѳанасьевна"! нѣсколько мрачнымъ тономъ сказалъ великій князь, входя въ столовую комнату избы и троекратно осѣнивъ себя крестнымъ знаменіямъ передъ иконой Божьей Матери.

— Почему ты, государь, сегодня такой грустный и мрачный?—съ тревожнымъ видомъ спросила Кораблева.

„Скажи мнѣ, Наталья Аѳанасьевна, чему мнѣ радоваться и отчего веселиться"? нѣсколько раздраженнымъ тономъ сказалъ великій князь, ходя по комнатѣ:

„могу ли я быть спокойнымъ? что ни мѣсяцъ, то новыя козни готовятъ мнѣ бояре"!

— Неужели и во время похода, который ты, государь, предпринялъ противъ крымскаго хана, неоставляютъ тебя въ покоѣ твои бояре?—

„Да, не оставляютъ и подговариваютъ простыхъ новгородскихъ пищальниковъ сопротивляться моей власти; подущаемые боярами, они не только осмѣлились съ оружіемъ въ рукахъ нападать на отрядъ моихъ дворянъ, но были настолько нахальны и дерзки, что меня, великаго князя московскаго и своего повелителя, не пропустили проѣхать прямо къ моему стану; я вынужденъ былъ пробираться окольною дорогою. О, какъ бы я желалъ узнать, кто изъ бояръ моихъ научилъ простыхъ ратныхъ людей изъ Новгорода быть въ отношеніи ко мнѣ такими дерзкими и нахальными, что напомнили они мнѣ Шуйскихъ, приводившихъ меня еще въ дѣтствѣ въ трепетъ и ужасъ своимъ крикомъ и жестокими насиліями надъ близкими мнѣ людьми. Я тресся всѣмъ тѣломъ, когда отъѣхалъ отъ толпы новгородскихъ пищальниковъ, неистово кричавшихъ на моихъ людей. Былъ моментъ, когда я хотѣлъ отдать приказъ своимъ дворянамъ, чтобы они перебили всѣхъ пищальниковъ, но я тотчасъ вспомнилъ, что дерзкихъ ослушниковъ моей власти надо искать не въ рядахъ пищальниковъ, а въ боярахъ, вѣчно злобствующихъ противъ меня за мои добрыя отношенія къ народу. Мой дьякъ Василій Захаровъ мнѣ какъ-то разсказывалъ, что князь Кубенскій и еще двое бояръ бывали не разъ въ Новгородѣ; быть можетъ, они и подговорили пищальниковъ не подчиняться моей власти".

— Знаешь что, мой государь? передъ твоимъ пріѣздомъ я видѣла Василія Захарова, и онъ сказалъ мнѣ, что направляется къ сокольнику Стрѣшневу. Хочешь, государь,—я его позову къ себѣ и пошлю за нимъ свою младшую сестру Иришу.—

„Иришу!“ вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и измѣнившись въ лицѣ, повторилъ великій князь, съ трудомъ сдерживая внутреннее волненіе.

— Что съ тобой, государь?—съ живымъ интересомъ спросила Кораблева: — ты даже измѣнился въ лицѣ и дрожишь всѣмъ тѣломъ!—

— „Нѣтъ, ничего! это тяжелыя воспоминанія дѣтства и юности и больше ничего“! — стараясь быть спокойнымъ, неровнымъ отъ волненія голосомъ проговорилъ юный государь.

— Но кто это Ириша, одно имя которой такъ встревожило тебя? Неужели это та самая Ирина, жена Стрѣшнева, которая была, какъ я слыхала отъ своихъ сосѣдей, отравлена сторонниками князей Шуйскихъ?— продолжала интересоваться Кораблева.

„Да, эта та самая Ириша“, со вздохомъ отвѣтилъ великій князь: „дочь сокольника Нефедова, которая была извѣстна своею красотою, добрымъ сердцемъ и великимъ разумомъ“!

— И тѣмъ, что государь любилъ ее больше всѣхъ на свѣтѣ! — лукаво улыбаясь, замѣтила Наталья Аѳонасьевна.

„Сегодня мнѣ не до шутокъ“! рѣзкимъ тономъ и съ недовольнымъ видомъ проговорилъ великій князь, чувствуя, что припадокъ нервной раздражительности готовъ овладѣть имъ каждую минуту: „брось, Наталья Аѳонасьевна, свои глупыя шутки, которыя неоднократно выводили меня изъ терпѣнія; а лучше разскажи мнѣ, откуда взялась у тебя сестра Ириша“!

— Она вчера пріѣхала изъ Новгорода, гдѣ жили наши родители, но года два тому назадъ они умерли; я пріѣхала тогда въ Москву, гдѣ жила и теперь живетъ моя тетя, вышедшая замужъ за купца Шустова; вскорѣ, послѣ своего пріѣзда, я понравилась, какъ тебѣ извѣстно, одному изъ лучшихъ твоихъ сокольниковъ—Кораблеву, но только нѣсколько мѣсяцевъ про-

жила я въ замужествѣ. Князь Петръ Шуйскій, за что-то разсердившись на моего мужа, такъ неосторожно ударилъ его своимъ желѣзнымъ посохомъ, что черезъ два дня онъ скончался. Моя же младшая сестра Ириша—ей минуло надняхъ семнадцать лѣтъ, все это время прожила въ Новгородѣ у своего дяди—пищальника Петрова. Быть можетъ, и она, Ириша, кое-что знаетъ о боярахъ, бывавшихъ въ Новгородѣ и бесѣдовавшихъ съ новгородскими пищальниками. Если хочешь, я позову ее сюда. Но только, государь, если ты меня хоть сколько-нибудь любишь, исполни мою просьбу: не ссорь меня съ моей сестрою, съ которой мы никогда не ссорились.—

„Ни съ кѣмъ ты никогда не поссоришься, Наталья Аѳонасьевна, если немного укоротишь свой предлинный языкъ"! съ улыбкою замѣтилъ великій князь.

— А я бы, государь, желала, чтобы въ мужскихъ сердцахъ было бы больше мѣста для справедливости, чѣмъ для любви!—также улыбаясь, сказала Кораблева, внимательно наблюдая за каждымъ движеніемъ юнаго государя.

„Еще разъ я прошу тебя, поменьше говори и побольше дѣлай"! шутя проговорилъ великій князь: „позови сюда немедленно твою сестру Иришу! я хочу спросить ее о князѣ Кубенскомъ и о тѣхъ двухъ боярахъ, о пребываніи которыхъ въ Новгородѣ мнѣ разсказывалъ мой дьякъ Василій Захаровъ".

— Хорошо, государь, я позову къ тебѣ Иришу, а сама, сбѣгаю за дьякомъ Захаровымъ. Но только помяни мое слово, государь, когда будешь распрашивать мою сестру, что два боярина, о которыхъ упоминалъ тебѣ твой дьякъ, это братья Воронцовы!—быстро проговорила Кораблева, выходя въ дверь.

„Неужели она права"! со вздохомъ произнесъ великій князь: „неужели тотъ самый Ѳедоръ Михайловичъ Воронцовъ, который всегда былъ такъ преданъ

мнѣ, способенъ подговорить новгородскихъ пищальниковъ противиться моей власти? Если Воронцовъ способенъ измѣнить мнѣ, своему государю, больше другихъ любившему его, то кого же изъ моихъ бояръ я могу назвать и считать не измѣнниками, а своими вѣрными слугами. Одному Богу извѣстно, какъ тяжело бываетъ на душѣ у государя, когда онъ сознаетъ, что почти всѣ ближайшіе къ нему слуги—измѣнники"!

Великій князь такъ увлекся быстрымъ теченіемъ мрачныхъ мыслей о боярской измѣнѣ, что не замѣтилъ, какъ вошла въ комнату сестра Кораблевой — Ирина Аѳонасьевна. Лицомъ своимъ, прекрасными синяго оттѣнка глазами, своимъ высокимъ станомъ и добрымъ выраженіемъ своихъ красивыхъ глазъ она сильно напоминала Ирину Петровну Нефедову; даже верхняя ея одежда, золотыя украшенія на шеѣ, на рукахъ и въ ушахъ, а также сапожки изъ голубой кожи, вышитые жемчугомъ, очень походили на тѣ, которые носила дочь сокольника Нефедова.

Когда великій князь какъ бы пробудясь отъ тяжелаго раздумья замѣтилъ присутствіе въ комнатѣ Ирины Аѳонасьевны, то онъ такъ былъ пораженъ сходствомъ ея съ дочерью Нефедова, что въ первый моментъ отшатнулся отъ нея, не давая себѣ яснаго отчета, видѣтъ ли онъ нѣжно-любимую имъ Иришу во снѣ или на яву. Долго и пристально смотрѣлъ онъ на Ирину Аѳонасьевну, какъ бы наслаждаясь лицезрѣніемъ ея. Чѣмъ дольше онъ смотрѣлъ на ея красивое лицо, тѣмъ больше онъ чувствовалъ въ себѣ возрожденіе того пыла первой любви, который его сердце испытало три года назадъ. Замѣтивъ, что сестру Кораблевой сильно смутилъ его пристальный взглядъ, великій князь рѣшилъ прервать молчаніе и, обратясь къ ней, ласково сказалъ:

„Изъ какого города ты, Ириша, пріѣхала сюда"?

— Изъ Новгорода, государь!—

„Слыхала ли ты что-нибудь о боярахъ, которые наущали новгородскихъ пищальниковъ не повиноваться моей власти"?

— Я слыхала, государь, что князь Кубенскій и оба брата Воронцовы были у насъ въ Новгородѣ еще недавно; но для чего они пріѣзжали къ намъ, объ этомъ я ничего не знаю и ничего не могу разсказать тебѣ, государь:—

Великій князь съ удовольствіемъ слушалъ разумныя рѣчи Ирины Аѳонасьевны, которыя, какъ и сама она, сильно напоминали ему дочь Нефедова и все больше пробуждали въ его сердцѣ заглохшее было сильное чувство первой любви.

„Скажи мнѣ, дорогая Ириша", съ ласкою поглядывая на Ирину Аѳонасьевну и взявъ ее за правую руку, спросилъ великій князь, остановившись возлѣ нея: „любила ли ты кого-нибудь въ бытность твою въ Новгородѣ"?

— Я горячо любила, государь, одного новгородскаго пищальника Максима Ѳедорова; но онъ имѣлъ смѣлость однажды возразить князю Андрею Шуйскому, когда тотъ, проѣзжая черезъ Новгородъ и зайдя въ его избу, нѣжнѣе обыкновеннаго обошелся съ его сестрою. Князь Шуйскій не потерпѣлъ возраженія, ударилъ его желѣзнымъ посохомъ по виску; и мой Максимъ, обливаясь кровью, скончался черезъ нѣсколько минутъ послѣ удара.—

„Можешь ли ты, Ириша, полюбить еще разъ кого-нибудь такъ же, какъ ты любила Максима Ѳедорова"? спросилъ великій князь, пристально посмотрѣвъ ей въ глаза и поцѣловавъ ее въ лобъ.

— Нѣтъ, не могу, государь! я дала обѣтъ себѣ, что послѣ смерти нѣжно любимаго мною жениха Максима не выходить замужъ за кого бы то ни было, а поступить лучше въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей.—

„Но можешь ты, дорогая Ириша, исполнить просьбу твоего государя"?

— Конечно, могу,—отвѣчала покорно Ирина Аѳонасьевна.

„Я прошу тебя, моя дорогая, не поступать ни въ новгородскій, ни въ московскій монастыри; а остаться у своей тети въ Москвѣ, и безъ моего разрѣшенія не уѣзжать изъ Москвы"!

— Твоя просьба, государь, для меня тотъ же приказъ, не исполнить который я никогда не осмѣлюсь. Но я прошу тебя, великій князь Иванъ Васильевичъ, переговори обо мнѣ съ моей старшей сестрой Натальей, о которой мои родители, умирая, сказали мнѣ, что я должна ее почитать и слушаться, какъ родную мать.

Такъ говорила, испытывая нѣкоторое смущеніе, Ирина Аѳонасьевна, изрѣдка поглядывая своими добрыми глазами на великаго князя, близость и ласковыя рѣчи котораго сильно волновали юную Кораблеву; отъ каждаго привѣтливаго государева слова ее бросало въ жаръ, и она чувствовала, что она все больше и больше краснѣла. Испытывая величайшую неловкость, она рѣшила уйти изъ комнаты. Случай къ тому скоро представился; на крыльцѣ послышались шаги. Ирина быстро вышла въ сосѣднюю комнату.

„А, это ты — Наталья Аѳанасьевна"! таково было привѣтствіе великаго князя, радостное выраженіе лица котораго въ одинъ мигъ обратилось въ хмурое и недовольное, когда ушла изъ комнаты Ирина Кораблева и на порогѣ появилась ея старшая сестра, съ трудомъ переводившая дыханіе и поправлявшая на головѣ волоса, которые пришли въ безпорядокъ отъ быстрой ходьбы.

— Ухъ, какъ я устала!—съ трудомъ переводя дыханіе, сказала Кораблева, прислоняясь къ столу и опираясь объ него руками:—вѣдь я, государь, всю дорогу

бѣжала, чтобы застать у Стрѣшнева дьяка Захарова, который обѣщалъ немедленно прійти сюда; а обратно я бѣжала потому, что хотѣла поскорѣе увидѣть тебя, государь!—

И посмотрѣть, какъ ведетъ себя твоя младшая сестра Ирина", съ усмѣшкою прервалъ великій князь рѣчь Кораблевой": которая такъ разумно отвѣчала на всѣ мои вопросы, что я рѣшилъ не оставлять ее безъ вниманія: она должна остаться у тети въ Москвѣ; и если тетя не согласится, то пусть живетъ у тебя, пока я не вызову изъ Новгорода твоего дядю и не возьму его къ себѣ на службу, хотя бы въ сокольники"!

— Прости меня, великій князь и государь Иванъ Васильевичъ, что я осмѣливаюсь возражать тебѣ; — такъ говорила Наталья Аѳанасьевна со смиреннымъ видомъ:—но зная положеніе моего дяди въ Новгородѣ, гдѣ онъ окруженъ многими родными, друзьями и знакомыми, я должна сказать тебѣ, государь, что ему очень тяжело будетъ двинуться съ мѣста; болѣе пятидесяти лѣтъ живетъ онъ въ Новгородѣ; обзавелся онъ тамъ большимъ хозяйствомъ: имѣетъ домъ, фруктовый садъ, огородъ, пашни и сѣнокосъ въ окрестностяхъ Новгорода; ему будетъ очень жалко покинуть все это на произволъ судьбы и разстаться съ близкими родными, пріятелями и знакомыми, которыхъ у моего дяди очень много въ этомъ городѣ.—

„Въ такомъ случаѣ твоя сестра пусть живетъ у твоей тети"! съ недовольнымъ и мрачнымъ видомъ сказалъ великій князь; обычная нервная раздражительность стала одолѣвать его послѣ перваго возраженія Кораблевой.

— Но моя тетя, государь, очень ревнивая и раздражительная женщина, больше мѣсяца едва ли Ирина проживетъ у нея.—

„Но почему Ириша не можетъ поселиться у

тебя"? съ горячностью спросилъ великій князь, начиная все больше и больше раздражаться.

— Мой дядя и моя тетя находятъ, что для такой юной дѣвушки, какъ моя сестра, крайне предосудительно постоянно жить у сестры вдовы, у которой нерѣдко бываетъ много гостей.—

„Изъ твоихъ, Наталья Аѳанасьевна, якобы покорныхъ рѣчей я понялъ одно", вдругъ громче обыкновеннаго заговорилъ великій князь, не будучи въ состояніи сдерживать все болѣе одолѣвавшій его припадокъ раздражительности: „что ты не хочешь, чтобы твоя сестра Ириша, разумъ и сердце которой понравились мнѣ, оставалась въ Москвѣ; ты рада была бы сегодня же удалить ее въ Новгородъ и запретить ей разъ навсегда появляться здѣсь. Но я этого не допущу. Ты не забывай, Наталья, что я твой государь и что моя воля, мое желаніе, какъ разумно сказала сегодня твоя сестра Ириша, для всѣхъ моихъ подданныхъ такъ же обязательно, какъ всякій мой приказъ. Если ты осмѣливаешься не обращать должнаго вниманія на мои желанія, то я приказываю тебѣ сегодня же вечеромъ или завтра утромъ отправить Иришу въ Москву къ тетѣ, которой передай отъ моего имени, чтобы она держала ее до тѣхъ поръ, пока я придумаю, куда ее помѣстить. Кромѣ того, скажи своей тетѣ, чтобы она заботилась объ Иришѣ, какъ о родной дочери, и что если, посѣщая ее, я замѣчу какую неисправность въ одеждѣ, въ пищѣ, то она, твоя тетя, испытаетъ на себѣ великій мой гнѣвъ"!

— Я все исполню, государь, какъ ты приказалъ,— съ покорнымъ видомъ проговорила Кораблева: — но позволь мнѣ высказать тѣ мысли и чувства, которыя съ сегодняшняго дня тяжелымъ бременемъ легли на мое сердце и душу.—

„Я готовъ выслушать тебя, Наталья," нѣсколько успокоенный покорностью Натальи Аѳанасьевны, ска-

залъ великій князь: „но ты помни, что моя воля, мое рѣшеніе, которое касается твоей сестры Ирины, должно быть непремѣнно приведено въ исполненіе"!

— Кто знаетъ тебя, государь, такъ же хорошо, какъ я!—съ подобострастнымъ видомъ молвила Кораблева:—тотъ не рѣшится противиться твоей власти. Но я, вспоминая твое прежнее расположеніе ко мнѣ, осмѣливаюсь подѣлиться съ тобою, государь, тяжелымъ впечатлѣніемъ сегодняшняго дня. Я думаю—мое чуткое сердце до сихъ поръ никогда меня не обманывало; я не ошибусь, если скажу, что твоя встрѣча съ моей сестрой Ириной навсегда потушила ту искру горячей любви, которая свѣтилась на самой глубинѣ твоего сердца. Твое увлеченіе Иришей навсегда уничтожило въ тебѣ тотъ свѣточъ, который освѣщалъ мой разумъ и согрѣвалъ мою душу. Теперь я стала лишнею для тебя! Все твое вниманіе поглощено моей сестрой. Въ данный моментъ для тебя нѣтъ человѣка дороже Ириши!—

„Напрасно ты, Наташа, сейчасъ сказала мнѣ, что знаешь хорошо меня! Ты сильно ошибаешься, полагая, что для меня дороже всѣхъ и всего на свѣтѣ тотъ или другой человѣкъ. Самымъ дорогимъ для меня достояніемъ, съ которымъ одна смерть можетъ меня разлучить, но не происки бояръ—это высшая власть правителя русской земли, данная мнѣ Богомъ для блага моего народа; и горе тѣмъ боярамъ, которые задумаютъ помѣшать мнѣ достичь народнаго счастья и благоденствія! не будетъ имъ пощады! погибнутъ они позорною смертью"!

— Но зачѣмъ, государь, ты такъ настаиваешь, чтобы моя сестра непремѣнно осталась въ Москвѣ?—лукаво улыбаясь, спросила Кораблева.

„Въ Иришѣ мнѣ понравилась ея совершенная покорность великокняжеской власти. Такія дѣвушки нужны московской Руси, которая можетъ погибнуть

отъ козней бояръ, не желающихъ подчиняться государевой власти. Примѣръ совершенной ея, Ирины, покорности моей власти можетъ быть поучительными для ея будущаго мужа для всѣхъ лицъ, окружающихъ ее. Ты, Наташа,—я долженъ сказать тебѣ откровенно,—очень нравилась мнѣ до того дня, въ который—годъ тому назадъ—ты стала заступаться за ослушниковъ моей власти, за Шуйскихъ и ихъ товарищей. Ты думала, быть можетъ, этимъ пріобрѣсти себѣ новыхъ друзей и упрочить свое положеніе, но ты упустила изъ виду, что, пріобрѣтая новыхъ ненадежныхъ друзей, не признающихъ ничего, кромѣ своей выгоды, ты теряла прежняго и надежнаго друга. Ты хотѣла примирить и установить добрыя отношенія между мною и Шуйскими и ихъ пріятелями, но ты забыла, что легче голодному волку подружиться съ ягненкомъ и не тронуть его, чѣмъ такимъ насильникамъ простого народа, какъ Шуйскіе и ихъ друзья, примириться навсегда со мною, защитникомъ и заступникомъ бѣднаго люда, обижаемаго ими такъ часто и такъ безжалостно. Чтобы доказать тебѣ, что не московскія дѣвушки, подобныя Иринѣ, и не жены, похожія на тебя, составляютъ главную утѣху моей жизни, я разскажу тебѣ тотъ планъ моей будущей жизни, который родился въ моей головѣ вскорѣ послѣ столкновенія съ новгородскими пищальниками. Чтобы мои бояре смотрѣли на меня съ большимъ уваженіемъ и не считали бы меня за легкомысленнаго юношу, думающаго только о порочныхъ развлеченіяхъ, я въ скоромъ времени рѣшилъ принять царскій титулъ и жениться. Пусть Москва, какъ говорятъ наши книжники, вполнѣ уподобится третьему Риму и такъ прозовется въ исторіи, пусть я, великій князь Московскій, отъ второго Рима, именно отъ Константинополя, приму, какъ бы по наслѣдству, царскій титулъ; недаромъ же мой дѣдъ женился на Софьѣ Ѳоминишнѣ

Палеологъ—на племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Константина. Но что съ тобой, Наталья Аѳонасьевна, ты вся поблѣднѣла, твои губы дрожатъ и глаза полны слезъ"?

— Нѣтъ, ничего, государь, я поблѣднѣла отъ скорой ходьбы,—съ трудомъ сдерживая слезы, улыбаясь, проговорила Кораблева, смотря въ окошко:—а вотъ и дьякъ Василій Захаровъ идетъ!—

При этихъ словахъ Наталья Аѳонасьевна быстро вышла изъ комнаты, въ которую черезъ нѣсколько минутъ вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ высокаго роста, съ пріятнымъ и умнымъ выраженіемъ лица, съ голубыми глазами и съ русою окладистою бородою. То былъ дьякъ Василій Захаровъ. На немъ сверхъ рубахи, изукрашенной шитьемъ, надѣтъ былъ зипунъ (такъ называлась встарину легкая шелковая одежда, длиною до колѣнъ, которая застегивалась спереди), потомъ кафтанъ (то-есть, узкое застегнутое платье съ кушакомъ), сшитый изъ тонкой матеріи. На головѣ виднѣлась небольшая шапочка, богато вышитая шелкомъ и золотомъ и украшенная жемчугомъ. Снявъ съ головы шапочку, Захаровъ осѣнилъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ передъ иконой Божьей Матери и, низко поклонившись юному государю, сказалъ торжественнымъ тономъ:

— Бью челомъ и низко кланяюсь великому нашему князю и государю Ивану Васильевичу. Готовъ всегда служить тебѣ и прямить (говорить правду) и всякій твой приказъ, насколько хватитъ на то моей неразумной головы, исполнять тотчасъ, безъ всякаго замедленія!—

„Здравствуй, Василій! я позвалъ тебя сюда, чтобы спросить извѣстно ли что тебѣ о преступныхъ замыслахъ, планахъ и дѣяніяхъ князя Кубенскаго и двухъ братьевъ Воронцовыхъ, Ѳедора и Василія Михайловичей. Знаешь ли ты что о томъ, кто подгова-

ривалъ новгородскихъ пищальниковъ, когда они были ослушниками моей власти"?

— Мнѣ вѣдомо, государь, что трое изъ твоихъ бояръ, а именно князь Кубенскій, Ѳедоръ и Василій Михайловичи Воронцовы нарочно пріѣзжали въ Новгородъ для того только, чтобы подговаривать новгородскихъ пищальниковъ жаловаться тебѣ, государь, на твоихъ намѣстниковъ и настойчиво требовать отъ тебя расправы съ ними.—

„Могъ ли я когда-нибудь подумать о томъ, что мой любимый бояринъ Ѳедоръ Воронцовъ, котораго я такъ жалѣлъ, когда его схватили лиходѣи Шуйскіе и ихъ друзья; тотъ самый бояринъ, при одной мысли о разлукѣ съ которымъ я готовъ былъ разразиться горькими слезами; могъ ли я подозрѣвать его въ измѣнѣ"?—со вздохомъ проговорилъ великій князь и такъ глубоко задумался, что не замѣтилъ вошедшую въ комнату Наталью Аѳонасьевну.

— Ну что скажешь ты, великій нашъ князь Иванъ Васильевичъ о князѣ Кубенскомъ и о братьяхъ Воронцовыхъ?—съ нѣкоторою иронією спросила Кораблева, поглядывая лукаво то на государя, то на дьяка Захарова.

„Я скажу", мрачно отвѣтилъ великій князь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, когда неожиданно для него, не замѣтившаго прихода Кораблевой, эта послѣдняя громко заговорила: „и я это рѣшилъ, что этихъ трехъ супостатовъ и лиходѣевъ, двухъ Воронцовыхъ и князя Кубенскаго должно предать смертной казни какъ за ихъ послѣднюю измѣну своему государю, такъ и за прежнія ихъ преступленія, между прочимъ, за мздоимство (т. е. взяточничество) во многихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ; людей же этихъ лиходѣевъ я прикажу отправить въ ссылку, чтобы не вздумали они подражать своимъ господамъ измѣнникамъ"!

— Я слыхалъ, государь, отъ Кораблевой, что ты

въ очень скоромъ времени хочешь принять царскій титулъ и жениться. Правда ли это?—такъ спрашивалъ дьякъ Захаровъ по наущенію Натальи Аѳонасьевны, которая намѣревалась воспользоваться вліяніемъ умнаго дьяка на юнаго государя, чтобы замедлить его раннюю женитьбу.—

„Да, Василій, я рѣшилъ принять царскій титулъ, чтобы бояре съ большимъ уваженіемъ относились къ моей особѣ и власти, и скорѣе жениться, чтобы доказать имъ, что я не такой легкомысленный и порочный, какимъ они привыкли считать меня"!

— Но было бы очень важно въ твоихъ, государь, интересахъ и въ интересахъ твоего народа сначала вывѣдать, нѣтъ ли еще супостатовъ и лиходѣевъ среди твоихъ бояръ, подобныхъ Воронцовымъ и Шуйскимъ, и покончить съ этими лиходѣями и тѣмъ разъ навсегда успокоить себя и свой народъ, избавивъ его отъ безжалостныхъ насильниковъ и грабителей, а потомъ уже можно будетъ подумать тебѣ, государь, о принятіи царскаго титула и о женитьбѣ. Но впрочемъ,— какъ бы спохватившись, прибавилъ Захаровъ:—да будетъ во всемъ твоя, государь, воля!—

„Мнѣ нравится твоя разумная рѣчь, Василій", сказалъ ласково великій князь, очень довольный выраженіемъ полной покорности со стороны своего дьяка: „но я не намѣренъ долго выжидать, пока прекратятся боярскія козни. Если въ теченіи полгода не окажется среди моихъ бояръ такихъ подлыхъ измѣнниковъ, какъ Воронцовы и князь Кубенскій, то не позже декабря или января мѣсяца сего года (до Петра В. годъ начинался не съ января мѣсяца, а съ сентября, а приблизительно до XV в. съ марта мѣсяца) должно быть совершено принятіе мною царскаго титула, а вскорѣ затѣмъ послѣдуетъ и моя свадьба".

III.

Прошло нѣсколько болѣе полгода со времени рѣшительнаго разговора великаго князя Ивана Васильевичъ съ его дьякомъ Василіемъ Захаровымъ и со вдовою Натальею Аѳонасьевною Кораблевой. Казнь двухъ Воронцовыхъ и князя Кубенскаго произвела такое сильное впечатлѣніе на бояръ, что на время ихъ козни и крамолы умолкли.

Въ декабрѣ 1546 года юный государь позвалъ къ себѣ митрополита Макарія и объявилъ, что хочетъ жениться. На другой день митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ. Когда всѣ они собрались въ государевыхъ палатахъ, то великій князь, обратясь къ митрополиту, торжественнымъ тономъ произнесъ:

„Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексѣя, Іоны (Петръ, Алексѣй и Іонъ—московскіе митрополиты, жившіе при великихъ князьяхъ Иванѣ

Калитѣ, Дмитріи Донскомъ и Василіи II Темномъ) и Сергія (основателя Троицкосергіевской лавры близь Москвы — современника Дмитрія Донского) и всѣхъ Русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе а у тебя, митрополитъ, отца моего духовнаго, благословяся, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь чужеземнаго короля или царя; но потомъ я эту мысль оставилъ; рѣшилъ не жениться въ чужеземныхъ государствахъ; такъ какъ послѣ смерти отца моего и матери я остался малолѣтенъ, а добрыхъ бояръ, которые наблюдали бы за мною, за развитіемъ во мнѣ хорошихъ (добрыхъ) наклонностей и добраго нрава, не было тогда при моемъ дворѣ. Когда мнѣ минуло двѣнадцать лѣтъ, то по своему неразумію, я для своей забавы сталъ проливать кровь безсловесныхъ животныхъ, а окружавшіе меня бояре не запрещали мнѣ мучить животныхъ, даже хвалили меня. Когда же мнѣ пошелъ пятнадцатый годъ, я собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ московскимъ, причемъ случалось, что иногда наѣзжалъ на идущихъ мнѣ навстрѣчу мужчинъ и женщинъ и давилъ ихъ. Мои бояре-лиходѣи не думали отговаривать меня отъ такихъ разбойническихъ дѣлъ; они все это хвалили, говоря: „О! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ"!.. Благодаря моимъ боярамъ, не умѣвшимъ удерживать меня отъ многаго дурного и порочнаго, испортился мой нравъ: я сталъ раздражителенъ, какъ больная женщина, и жестокъ, какъ палачъ. А потому, если привезутъ мнѣ жену изъ чужой земли, то, по всей вѣроятности, въ нравахъ мы не сойдемся, и между нами будетъ дурное житье, которое можетъ имѣть тяжелыя послѣдствія для всего русскаго народа и государства: иноземная жена станетъ жаловаться своимъ родителямъ; эти послѣдніе задумаютъ мнѣ выговаривать за

мой дурной нравъ; я не стерплю: на оскорбленіе отвѣчу оскорбленіемъ; изъ-за этого можетъ возгорѣться война, всегда губительная для простого народа, съ тѣмъ государствомъ, откуда возьму себѣ жену. Вотъ почему я рѣшилъ жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословитъ по твоему благословенію".

Всѣ присутствовавшіе—митрополитъ и бояре—хвалили разумъ юнаго государя и даже прослезились отъ радости. Тогда митрополитъ Макарій, обратясь къ великому князю, сказалъ:

— Хотя ты и молодъ, о государь, но своею мудростью ты не уступаешь древнему Соломону, а своею великою заботою о своемъ народѣ — Владиміру Св. Твои славныя дѣянія на пользу народа и твое мудрое правленіе навсегда запечатлѣются въ памяти благодарныхъ потомковъ!—

„Но по твоему, отца моего духовнаго, благословенію", такъ отвѣчалъ великій князь на рѣчь митрополита Макарія: „и съ вашего боярскаго совѣта, я рѣшилъ прежде, чѣмъ жениться, поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство, на великое княженіе садились; а я, будучи внукомъ московскаго государя Іоанна III, который былъ женатъ на Софьѣ Ѳоминишнѣ Палеологъ—племянницѣ послѣдняго византійскаго императора Константина, рѣшилъ Москву уподобить третьему Риму, а отъ второго, то-есть, отъ Константинополя, какъ бы по наслѣдству, принять царскій титулъ и сѣсть на царство московское".

— Своимъ разумомъ ты, великій нашъ князь Иванъ Васильевичъ,—такъ говорили бояре, обрадованные и удивленные смѣлостью юнаго государя:—а также своимъ мужествомъ ты превзошелъ своего отца и дѣда; никто изъ нихъ не рѣшался принять титулъ

царя. Пройдетъ много вѣковъ, а русскій народъ не забудетъ перваго русскаго царя!—

На другой день, послѣ совѣщанія великаго князя съ митрополитомъ и боярами, были разосланы по областямъ приказные люди съ грамотами отъ государя; въ этихъ грамотахъ, которыя направлялись обыкновенно къ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, содержался великокняжескій приказъ привозить красивыхъ дѣвушекъ къ намѣстникамъ государевымъ на смотръ („на смотрины", такъ говорили встарину). Одинъ изъ такихъ государевыхъ посланцевъ постучался въ дверь небольшой избы, находившейся въ одной изъ слободъ, прилегавшихъ къ городу Москвѣ; въ этой избѣ жила вдова окольничьяго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина вмѣстѣ со своей дочерью Анастасіею, извѣстной у сосѣдей и сосѣдокъ какъ своею пріятною наружностью, такъ особенно своимъ добрымъ сердцемъ. Услыхавъ стукъ, Настя, семнадцатилѣтняя дѣвушка съ красивыми голубыми глазами, поспѣшно оставила свое рукодѣлье, и отворила дверь.

Въ избу вошелъ государевъ посланецъ Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ, который, осѣнивъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ, привѣтствовалъ хозяйку дома Пелагею Ивановну, почтенную старушку, лѣтъ пятидесяти пяти, одѣтую въ лѣтникъ (лѣтникомъ называлось встарину платье, сшитое спереди безъ разрѣза, съ широкими рукавами); на головѣ ея была тафтяная красная повязка, изъ-подъ которой выпадали локоны сѣдыхъ волосъ. Пелагея Ивановна нѣсколько смутилась при видѣ Ивана Ѳедорова и, низко кланяясь, ласково проговорила:

„Добро пожаловать, дорогой нашъ посланецъ великаго князя и государя Ивана Васильевича! Доброю ли вѣстью обрадуешь насъ, или повергнешь насъ въ великую скорбь и печаль государевымъ немилостивымъ словомъ"?

— Успокойся, почтенная вдова окольничаго Ро-

мана Юрьевича Захарьина - Кошкина; не съ печалью, а съ радостною вѣстью явился я въ твой домъ!—торжественно проговорилъ Ѳедоровъ, развертывая свитокъ, заключавшій въ себѣ государеву грамоту, и приготовляясь читать ее; выслушай внимательно то, что я тебѣ, Пелагея Ивановна, сейчасъ прочту: великій князь и государь Иванъ Васильевичъ пишетъ своимъ князьямъ и дѣтямъ боярскимъ: „когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери—дѣвушки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали на смотръ, а дочерей—дѣвушекъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили-бъ. Кто же изъ васъ дочь—дѣвушку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни". Я прочелъ сейчасъ тебѣ, Пелагея Ивановна, государевъ приказъ всѣмъ родителямъ, имѣющимъ красивыхъ и непорочныхъ дочерей-дѣвушекъ, доставить ихъ намѣстникамъ на смотръ для отправленія лучшихъ изъ нихъ въ Москву. Если ты, Пелагея Ивановна, все поняла изъ того, что я читалъ тебѣ и объяснялъ, то отвѣть мнѣ на нѣкоторые вопросы!—

„Все поняла, все", поспѣшно отвѣчала вдова Романа Захарьина: „сказывай, сказывай, Иванъ Петровичъ, что хотѣлъ! на всѣ твои запросы отвѣтъ могу дать".

— Скажи-ка мнѣ, милая, имѣетъ ли твоя дочь Настя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій?—поднявъ голову, съ торжественнымъ видомъ спросилъ Ѳедоровъ.

„Имѣетъ, дорогой мой, имѣетъ".

— Часто ли она въ церкви бываетъ?—

„Часто бываетъ, часто".

— Раздаетъ ли, по мѣрѣ возможности, милостыню бѣдному люду?—

„Раздаетъ, милый мой, раздаетъ. А если нищій подойдетъ къ окошку нашей избы или къ дверямъ, то она, моя ненаглядная Настюша, не отпуститъ нищаго, пока его ни напоитъ, ни накормитъ; а иногда,

если замѣтитъ, что плохая одеженка на нищемъ, то дастъ ему какое-нибудь платье изъ вещей своего покойнаго отца; если же сама ничего не имѣетъ, что бы дать нищему, то прибѣжитъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ до тѣхъ поръ меня упрашиваетъ и умоляетъ, пока я въ своихъ сундукахъ ни отыщу чего-нибудь подходящаго для бѣднаго просителя или просительницы".

— Добрая же, какъ я посмотрю, твоя дочь Анастасья Романовна! — невольно воскликнулъ Ѳедоровъ, ласково посмотрѣвъ на стоявшую поодаль красавицу Настю, своими большими и добрыми глазами поглядывавшую то на государева посланца, то на свою мать: — а теперь скажи мнѣ, дорогая Пелагея Ивановна, строго ли соблюдаетъ твоя дочь освященный вѣками обычай гостепріимства: ласково ли принимаетъ твоихъ гостей и хорошо ли угощаетъ ихъ?—

„Сама лучше ничего не будетъ ни ѣсть, ни пить, а гостя угоститъ ужъ на славу"! не безъ гордости проговорила вдова Захарьина, украдкою вытирая рукавомъ показавшіяся на ея глазахъ слезы умиленія.

— Но вполнѣ ли подчиняется тебѣ, какъ своей матери? и все ли творитъ по твоему приказанію?—продолжалъ съ любопытствомъ распрашивать Пелагею Ивановну государевъ посланецъ, поглядывая все время на ея дочь, которой начинали надоѣдать его безконечные распросы.

„Вполнѣ и во всемъ меня слушается моя дорогая Настюша. Два только случая я запомнила за послѣдніе пять лѣтъ, когда она, мое дѣтище ненаглядное, не вполнѣ меня послушалась, давъ одному нищему и нищей больше одежды и хлѣба, чѣмъ я ей наказывала".

— Такъ что за ослушаніе и небреженіе не приходилось ли тебѣ твою Настю плетію вѣжливенько бить, за руки держа, по винѣ смотря? — лукаво улыбаясь, спрашивалъ Ѳедоровъ, пристально вглядываясь въ дочь окольничаго Захарьина, какъ бы желая угодать, какое впечатлѣніе производитъ на нее его вопросы.

„Не приходилось, дорогой мой, никогда не приходилось!“

— Пріучала ли ты свою дочку къ разнымъ рукодѣліямъ и хозяйству? Учила ли, какъ муку сѣять, какъ квашню поставить, какъ тѣсто мѣсить, какъ печь хлѣбы, пироги, калачи? сколько выйдетъ чего изъ четверти, изъ осмины и проч.—

„Всему, батюшка, учила, всему“!

— А научена ли твоя дочь вѣжеству; не болтлива ли она въ присутствіи старѣйшихъ (т. е. старшихъ)? имѣетъ ли походку скромную, голосъ умильный и рѣчь пристойную? любитъ ли равныхъ себѣ и младшихъ? Не бываетъ ли дерзка на смѣхъ? внушала ли ты ей, что дѣвушка должна украшаться стыдливостью?—

„Все доброе, дорогой мой, я внушала моей ненаглядной Настюшѣ! отъ всего дурного отговаривала! Твое дѣло, батюшка, мнѣ вѣрить или не вѣрить! Но передъ иконой Божьей Матери могу тебѣ клятвенно потвердить“, такъ говорила со слезами на глазахъ Пелагея Ивановна, осѣнивъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ и съ набожнымъ видомъ поглядывая на висѣвшую въ углу комнаты икону Божьей Матери; „что скромнѣе, добрѣе и благоразумнѣе моей Настюши не найти тебѣ, Иванъ Петровичъ, никого“!

Поговоривъ еще нѣкоторое время съ Пелагеей Ивановной объ ея хозяйствѣ, объ ея покойномъ мужѣ, Ѳедоровъ распростился съ нею, пожавъ крѣпко руку ея дочери—красавицѣ Настюшѣ, и поспѣшилъ къ другимъ боярамъ, у которыхъ были дочери-невѣсты, объявлять о царскомъ приказѣ.

„Ну, что дорогая моя Настюша“! ласково молвила Пелагея Ивановна, беря за руку и цѣлуя ее въ щеку; „завтра надо будетъ тебѣ принарядиться: одѣть красное шелковое платье съ широкими рукавами и съ большими золотыми пуговицами, на руки — запястья, украшенныя жемчугомъ и дорогими каменьями, на

ноги—сапожки изъ бѣлой кожи, вышитые жемчугомъ. Отчего ты, моя ненаглядная, такая скучная? Какія мрачныя мысли запали въ твою разумную голову? Развѣ не хочется тебѣ быть государевою невѣстою"?

— Развѣ можетъ, дорогая моя матушка, — такъ говорила спокойно, но съ печальнымъ видомъ Анастасія:—мнѣ хотѣться или не хотѣться то, что я обязана исполнить, иначе тебѣ придется быть отъ государя въ великой опалѣ и казни.—

„Но почему же ты, моя дорогая, такая грустная и печальная"?

— Чему же мнѣ, матушка, радоваться? Не сегодня, такъ завтра я должна буду объявить своему жениху, котораго я такъ горячо люблю, боярскому сыну Николаю Кубенскому, чтобы онъ пріискивалъ себѣ другую невѣсту; что я могу сдѣлаться государевою женою!—такъ говорила Анастасія, и глаза ея, большіе, блестящіе и красивые, стали наполняться слезами. Она готова была зарыдать при мысли, что, можетъ быть, ей придется навсегда разстаться съ нѣжно любимымъ ею Николаемъ Кубенскимъ.

„Полно тебѣ, дорогая, раньше времени, убиваться и горевать! Никто, какъ Богъ! Неужели ты думаешь, что нашъ государь не въ состояніи тебя полюбить такъ горячо, какъ Николай Кубенскій"!

— Не можетъ государь полюбить меня такъ же, какъ мой женихъ потому, что Кубенскій полюбилъ меня первую, между тѣмъ какъ нашъ юный князь, тринадцати лѣтъ отъ роду, какъ мнѣ разсказывалъ отецъ моего жениха, такъ полюбилъ красавицу Ирину Нефедову, что до сихъ поръ не можетъ забыть ее!—

„Эхъ, дорогая моя, не всякому слуху вѣрь! Много всякаго вздору разсказываютъ про нашего юнаго государя! Но ты этимъ слухамъ и пустой болтовнѣ не вѣрь! если Всевышнему угодно будетъ, чтобы ты была государевою женою, то ты старайся сама полюбить

юнаго князя за его доброе отношеніе къ простому народу, о благополучіи котораго онъ заботится постоянно, и старайся вести себя такъ, чтобы быть достойной государева расположенія и любви"!

— Исполню все, что ты, дорогая матушка, мнѣ приказываешь! Ни въ чемъ тебя не ослушаюсь! — такъ говорила ласково Настасья, смотря пристально своими добрыми глазами на Пелагею Ивановну: — но должна сознаться тебѣ, матушка, что мнѣ будетъ очень и очень тяжело объявить моему жениху о предстоящей мнѣ судьбѣ! Что станетъ съ моимъ горемычнымъ сердцемъ, когда, быть можетъ, въ скоромъ времени наступитъ злополучный часъ разлуки, при одной мысли о которой мое сердце обливается кровью и начинаетъ биться такъ сильно, что готово разорваться на части, руки и ноги холодѣютъ, моя бѣдная головушка перестаетъ работать и дѣлается горячею, какъ раскаленное желѣзо. Бываютъ моменты, что при мысли о разлуки съ милымъ женихомъ, кровь съ такою силою приливаетъ въ голову и виски начинаютъ такъ стучать, что я теряю сознаніе. А когда я прихожу въ себя, я ничего въ тотъ моментъ не помню, ничего не понимаю, гдѣ я, что со мной было и почему я потеряла сознаніе. Лишь нѣсколько минутъ спустя, память и сознаніе возвращаются ко мнѣ. Моя няня, которой я недавно обо всемъ разсказывала, говорила, что нечистый испытываетъ надо мною свою силу, что надо больше Богу молиться! Что ты, матушка, мнѣ посовѣтуешь?—

„Я тебѣ посовѣтую, моя дорогая Настюша, побольше Богу молись и поменьше думай о своемъ женишкѣ Николашѣ"! добродушно улыбаясь, молвила Пелагея Ивановна, потрепавъ ее по головѣ, и, поцѣловавъ, отпустила ее въ дѣвичью горницу.

IV.

16 января 1547 г. совершено было царское вѣнчаніе. На площади передъ Успенскимъ Соборомъ собралось великое множество народа въ ожиданіи царскаго выхода послѣ вѣнчанія. Въ самый соборъ имѣли доступъ только бояре, дѣти боярскіе и дьяки. Изъ людей незнатнаго происхожденія пользовались правомъ войти въ соборъ лишь немногіе именитые московскіе купцы, которыхъ лично зналъ государь. Въ Успенскомъ соборѣ среди церкви было устроено возвышенное мѣсто. Здѣсь поставлено было два стула: великому князю и митрополиту. На налоѣ лежала мономахова шапка и бармы (бармами называлось встарину оплечье—укра-

шеніе княжескаго или царскаго наряда, одѣваемое на плечи и состоящее изъ 11 запонъ, сдѣланныхъ изъ чистаго золота (запоны нашивались на глазетъ) и украшенныхъ по краямъ драгоцѣнными камнями и мелкимъ жемчугомъ, нанизаннымъ на золотой проволокѣ). Митрополитъ съ пятью епископами и многими архимандритами отслужилъ молебенъ. Митрополитъ занялъ свое мѣсто на возвышеніи. Юный государь Иванъ Васильевичъ сталъ передъ нимъ и громко сказалъ:

„Отче митрополитъ, издревле предки наши давали великое княженіе первымъ своимъ сыновьямъ. Но мой отецъ великій князь и государь московскій Василій Ивановичъ умеръ, когда мнѣ было всего три года отъ роду; онъ не успѣлъ благословить меня великимъ княжествомъ владимірскимъ, московскимъ, новгородскимъ. По твоему же, отца моего духовнаго митрополита, благословенію, я хочу поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство. А потому, полагая, что великое княжество московское, по обширности своихъ владѣній и благодаря могуществу московскаго государя, можетъ быть называемо царствомъ московскимъ, я прошу тебя, отче митрополитъ, дать мнѣ благословеніе на принятіе царскаго титула".

Послѣ этихъ словъ митрополитъ пригласилъ Іоанна стать на предназначенное ему мѣсто, положилъ ему на преклоненную голову свою руку и громко молился, говоря:—да сподобитъ Всевышній его Своею милостію, да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе.—

Два архимандрита подали митрополиту сначала бармы, потомъ Мономахову шапку; тотъ возлагалъ ихъ на великаго князя. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала эктенія, молитва Богородицѣ и многолѣтіе; послѣ чего,

духовенство поздравляло великаго князя, и митрополитъ провозгласилъ:

— Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ, на многая лѣта!—

Затѣмъ, митрополитъ привѣтствовалъ царя Ивана и произнесъ ему краткое поученіе, чтобы онъ въ сердцѣ имѣлъ страхъ Божій, любилъ правду, милость и судъ праведный. Этимъ обрядъ коронаціи и кончился.

Послѣ обѣдни царь Иванъ изъ церкви вышелъ въ бармахъ и вѣнцѣ. Въ дверяхъ его осыпали золотыми и серебряными деньгами. Это осыпаніе повторялось у входа въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборъ, куда ходилъ повѣнчанный великій князь помолиться. Въ этотъ день былъ устроенъ у государя богатый пиръ.

Вскорѣ за вѣнчаніемъ на царство совершена была и царская свадьба.

Послѣ того, какъ упомянутая нами раньше царская грамота, въ которой содержался приказъ, чтобы бояре и дѣти боярскіе представляли своихъ дочерей невѣстъ государевымъ намѣстникамъ, стала извѣстна князьямъ и боярамъ всѣхъ областей, были собраны дѣвицы со всего государства. Выборъ царя палъ на хорошо извѣстную намъ Анастасію, дочь умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. 3 февраля 1547 года была отпразднована царская свадьба.

Женитьба мало измѣнила образъ жизни юнаго царя. Печальная и скучающая о своемъ женихѣ Николаѣ Кубенскомъ царица Анастасія мало привлекала къ себѣ вниманія своего молодого супруга, болѣе интересовавшагося судьбою Ирины Аѳонасьевны Кораблевой, чѣмъ ласками скучающей жены. Кораблеву, которая поселилась въ Москвѣ у тети, царь Иванъ Васильевичъ посѣщалъ ежедневно. Во дворцѣ пребывалъ онъ недолгое время, отправлялся часто на охоту, послѣ которой

устраивались пирушки, продолжавшіяся цѣлыми днями; государственными дѣлами почти не занимался и относился къ нимъ съ малымъ интересомъ.

Попрежнему всѣми дѣлами заправляли Глинскіе; ихъ намѣстники творили всякія насилія и неправды. Управы на нихъ искать было негдѣ; юный царь не любилъ, когда его безпокоили просьбами. Нѣкоторые, впрочемъ, пытались жаловаться ему. Когда онъ находился въ одномъ подмосковномъ сельцѣ, къ нему явились 70 псковскихъ людей съ жалобой на своего намѣстника. Это не понравилось царю, онъ сталъ издѣваться надъ жалобщиками, велѣлъ имъ поджигать волосы и бороды. Тогда-то пришла къ нему вѣсть, что въ Москвѣ съ одной колокольни сорвался большой колоколъ. Паденіе колокола считалось предвѣстіемъ большой бѣды, и царь поспѣшилъ въ Москву. Было и другое предзнаменованіе великаго несчастья, угрожавшаго жителямъ „бѣлокаменной". Жилъ въ это время въ Москвѣ юродивый Василій Блаженный. Ходилъ онъ обнаженный, „какъ Адамъ первозданный", и въ стужу, и въ лѣтній зной. Его чтилъ народъ, какъ угодника Божія. Въ полдень 20 іюня 1547 года прохожіе видѣли его у церкви Воздвиженья на Арбатѣ, — глядѣлъ онъ на церковь и горько плакалъ...

„Это не къ добру, чуетъ онъ бѣду"! говорили въ народѣ.

Всѣ были напуганы и въ страхѣ ждали невѣдомаго несчастія.

На другой день, 21 іюня, въ этой самой церкви вспыхнулъ пожаръ. Въ то время была такая буря, что выворачивало съ корнемъ деревья, срывало крыши... Огонь вѣтромъ переносился съ кровли на кровлю. Скоро запылала большая часть Москвы. Буря занесла пламя и въ Кремль; вспыхнулъ верхъ Успенскаго собора, крыши на царскомъ дворѣ, казенный дворъ, Благовѣщенскій соборъ; сгорѣла оружейная палата съ

оружіемъ, постельная палата съ казною, дворъ митрополичій; въ каменныхъ церквахъ сгорѣли иконостасы и много имущества городскихъ жителей, которое имѣли они обыкновеніе прятать по церквамъ. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ сосуды церковные; митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ; онъ вышелъ изъ него, неся образъ Богородицы, написанный митрополитомъ Петромъ, за нимъ шелъ протопопъ и несъ церковныя правила. Макарій ушелъ было сначала на городскую стѣну на тайникъ, проведенный къ Москвѣ рѣкѣ; но здѣсь не могъ долго оставаться отъ дыма; его стали спускать съ тайника на канатъ на взрубъ къ рѣкѣ, канатъ оборвался, и митрополитъ сильно разшибся, едва могъ придти въ себя, и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Кремлевскіе монастыри — Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли; въ Китаѣ-городѣ сгорѣли всѣ лавки съ товарами и всѣ дворы; народу сгорѣло въ Москвѣ 1700 человѣкъ.

Юный царь съ царицею, братомъ и боярами уѣхалъ въ село Воробьево. Съ Воробьевскихъ горъ, на которыхъ живописно располагалось это село по сосѣдству съ небольшою, но густолиственною рощею, открывался ужасный видъ на московскій пожаръ. Огненный потокъ, начавшійся на Арбатѣ у церкви Воздвиженія, дойдя до рѣки Москвы, направился на Кремль, безпощадно и безжалостно истребляя все на своемъ пути; затѣмъ, этотъ огненный потокъ, наводившій паническій страхъ на всѣхъ обитателей Москвы, перешелъ въ Китай-городъ, а оттуда, захвативъ посадъ по Неглинной, вступилъ въ улицы Рождественку, Мясницкую, Покровку, гдѣ и прекратилось разрушительное его дѣйствіе.

Былъ тогда сѣрый, но бурный день. Облака различныхъ оттѣнковъ, отъ бѣлыхъ до темно-синихъ-грозовыхъ, быстро бѣжали по небосклону, какъ бы спѣша обогнать одно другое.

Ужасный видъ пожара и клубы темнаго подымав-

шагося надъ Москвою дыма, унылое завыванье порывистаго вѣтра въ сосѣдней рощѣ и сознаніе, что тысячи бѣдныхъ москвичей останутся безъ крова и безъ хлѣба, все это вмѣстѣ взятое — наводило тоску на впечатлительную душу юнаго государя. Но особенно волновала его мысль о томъ, удалось ли красавицѣ Иринѣ Аѳонасьевны Кораблевой — предмету особеннаго вниманія царя, — спастись. При одной мысли, что она, подобно многимъ другимъ жертвамъ московскаго пожара, могла погибнуть среди пламени, пожравшаго съ такою жадностью всѣ постройки той слободы, гдѣ она жила, — при такой мысли нервная дрожь пробѣгала по всѣму тѣлу, блѣдность покрывала его впалыя щеки, сердце начинало сильнѣе обыкновеннаго стучать въ груди, руки и ноги холодѣли, а слезы готовы были выступить на его глазахъ. Отославъ близкихъ людей въ Москву узнать о судьбѣ всего московскаго населенія, а въ особенности — Ирины Кораблевой, молодой царь оставался въ Воробьевскомъ дворцѣ съ священникомъ Благовѣщенскаго собора Сильвестромъ. Это былъ человѣкъ умный, благомыслящій, проникнутый суровымъ благочестіемъ, твердый нравомъ.

Въ ожиданіи печальныхъ новостей, въ тяжеломъ раздумьѣ сидѣлъ юный государь у окна своего дворца, вперивъ свой мрачный взоръ въ то огненное море, которое зловѣщими потоками стремительно разливалось по Москвѣ, и наводило ужасъ на обезумѣвшихъ отъ страха ея жителей. По временамъ ему слышался раздирающій душу крикъ матерей и дѣтей, гибнущихъ среди всепожирающаго пламени гигантскаго пожара. Тогда онъ вскакивалъ съ своего мѣста и, быстро ходя по комнатѣ, въ ужасѣ шепталъ:

„Неужели она, моя дорогая Ириша, погибла среди этого пламени! Неужели ей суждено было погибнуть въ Москвѣ, куда она, горемычная, переселилась, по-

корная моей волѣ, вопреки собственному и сестры ея Натальи желанію! Неужели она погибла такою страшно мучительною смертью. О Боже, милосердный Боже, подай мнѣ, многогрѣшному рабу Твоему, силы перенести то величайшее горе, которое, быть можетъ, ожидаетъ меня сегодня".

При послѣднихъ словахъ его кто-то постучалъ въ дверь. Царь вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, еще болѣе поблѣднѣлъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ молвилъ:

„Войди! Кто тамъ"?

— Это я, Алексѣй, твой ложничій!—отозвался за дверью голосъ, и въ комнату вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ невысокаго роста, съумнымъ выраженіемъ глазъ и благообразнымъ лицемъ, съ окладистою бородою; одѣтъ онъ былъ въ однорядкѣ изъ тонкаго сукна и въ сапогахъ изъ сафьяна, запыленныхъ и загрязненныхъ сажею (однорядкою назывался встарину длинный плащъ, съ длинными рукавами, но безъ воротника); на головѣ виднѣлась небольшая шапочка, вышитая шелкомъ и золотомъ. Это былъ царскій постельничій Алексѣй Ѳедоровъ Адашевъ, человѣкъ очень незначительнаго происхожденія, но разумный, съ добрымъ сердцемъ и въ высшей степени правдивый и справедливый.

„Ну какъ въ Москвѣ? много ли погибло народу"? взволнованнымъ голосомъ и торопливо спрашивалъ юный государь, который, въ ожиданіи тревожныхъ и скорбныхъ новостей, все больше и больше блѣднѣлъ и мѣнялся въ лицѣ.

— Прогнѣвали, царь, жители города Москвы Господа Бога своимъ многогрѣшнымъ житіемъ: однихъ взрослыхъ людей сгорѣло около двухъ тысячъ, а дѣтей погибло страшно мучительною смертію несчетное множество!—такъ говорилъ Адашевъ, стараясь сохранить спокойный видъ.

„Да проститъ имъ, принявшимъ мученическую

кончину, всеблагій Господь ихъ многія прегрѣшенія, и за земныя мученія да получатъ они отъ милосерднаго Бога царство небесное"! съ благочестивымъ видомъ, глубоко вздохнувъ, промолвилъ священникъ Сильвестръ, осѣнивъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ передъ иконою Божьей Матери, висѣвшей въ углу той комнаты, гдѣ онъ находился.

— Прости, государь, я виноватъ предъ тобою! — съ покорнымъ видомъ сказалъ Адашевъ, опускаясь на колѣни: — я не нашелъ ни живую, ни мертвую Ирину Аѳонасьевну Кораблеву; я не исполнилъ, царь, твоего приказа, хотя нѣсколько разъ прошелъ по той слободѣ на Неглинной, гдѣ она жила съ своею тетей; близь ея дома я видѣлъ нѣсколько труповъ въ женскихъ платьяхъ; но черепа ихъ были такъ раздроблены обрушившимися на нихъ обгорѣлыми бревнами, на которыхъ держались крыши избъ, находившихся въ той слободѣ, что нѣтъ возможности разобрать ихъ лица. Зашелъ въ Сокольники къ ея сестрѣ Наталіи Аѳонасьевнѣ Кораблевой, но она такъ обѣзумѣла отъ страха, овладѣвшаго нынѣ всѣми жителями злополучнаго города Москвы, что кромѣ безсвязныхъ рѣчей о постигшемъ ея несчастьѣ, я ничего не могъ добиться отъ нея.—

„Неужели, Алексѣй, нельзя даже найти ея трупъ"? „въ ужасѣ произнесъ царь, дрожа всѣмъ тѣломъ и чувствуя, что истеричныя рыданія начинаютъ душить ему горло.

— Если прикажешь, государь, своимъ слугамъ вынуть всѣ обгорѣлые трупы изъ груды не вполнѣ сгорѣвшихъ остатковъ избъ, находящихся на Неглинной улицѣ и по сосѣдству съ этою улицею, то тогда легче будетъ найти и узнать трупъ Ирины Кораблевой.—

„Бѣги, Алексѣй, ни теряй ни одной минуты! Приказывай отъ моего имени, имѣющимся при дворцѣ слугамъ моимъ, чтобы они тотчасъ шли съ тобою на

Неглинную отрывать трупы"! съ трудомъ сдерживая душившія его рыданія, торопливо проговорилъ юный царь, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Какъ только Адашевъ вышелъ изъ комнаты, государь опустился на колѣни и сталъ горячо, со слезами на глазахъ, молиться передъ иконою Божьей Матери.

„Чѣмъ прогнѣвалъ я тебя, о Пречистая Мати Божія"! такъ молился онъ, неоднократно въ благочестивомъ экстазѣ ударяя лбомъ о полъ: „за что ты, Богородица, забыла меня и допустила погибнуть ту, которая по моей волѣ переселилась въ Москву и которую я любилъ больше всѣхъ на свѣтѣ? За какіе тяжкіе грѣхи столь суровая кара небесная постигла меня"?

Между тѣмъ священникъ Сильвестръ, дождавшись когда царь окончилъ свою молитву и, поднявшись, подошелъ къ окну, чтобы снова смотрѣть на приводившій его въ трепетъ и ужасъ московскій пожаръ, обратился къ государю съ рѣчью:

— Напрасно ты, о царь, въ своемъ молитвословіи спрашиваешь Мать Божію, за какіе тяжкіе грѣхи твои постигла тебя столь суровая кара небесная! Развѣ ты самъ, государь нашъ и великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, не сознаешь, что величайшій грѣхъ твой состоитъ въ томъ, что, будучи помазанникомъ Божіимъ, принявъ царскій титулъ, ты забылъ о своемъ царствѣ; ты предоставилъ заправлять всѣми дѣлами своимъ дядьямъ Глинскимъ, совершенно забывая о томъ, что ихъ намѣстники творили прежде и творятъ нынѣ всякія насилія и неправды. Когда же псковскіе люди стали тебѣ жаловаться на злоупотребленія твоего намѣстника, ты, царь, забылъ тѣ высокія обязанности, которыя всегда долженъ помнить государь, принимающій царскій титулъ не для своей утѣхи, а для блага народнаго; ты не только не обратилъ вниманія на жалобу 70 псковитянъ, но даже сталъ издѣваться надъ жалобщиками, и только паденіе съ одной московской

колокольни большого колокола положило конецъ твоимъ безчеловѣчнымъ издѣвательствамъ надъ ни въ чемъ неповинными псковитянами. Неужели ты, государь, не чувствуешь угрызенія совѣсти, когда вспоминаешь о такомъ твоемъ тяжкомъ преступленіи. Что можетъ быть болѣе тяжкимъ грѣхомъ, какъ не издѣвательство надъ невинными людьми, которые обращаются къ своему государю, какъ къ первому защитнику и заступнику, какъ къ источнику правды и справедливости; и вдругъ эти ни въ чемъ невиновные люди, вмѣсто защиты и заступничества, вмѣсто правды и справедливости, принимаютъ изъ рукъ твоихъ, помазанника Божьяго, самое грубое и жестокое насиліе, какъ отъ послѣдняго тирана и изверга!—

„Каюсь, отче, что совершилъ великое прегрѣшеніе"! тяжело вздохнувъ, со слезами на глазахъ молвилъ царь, обращаясь къ Сильвестру: „Но скажи мнѣ, отче, чѣмъ могу я загладить свои прежнія тяжкія прегрѣшенія"?

— Добросовѣстнымъ исполненіемъ тѣхъ высокихъ обязанностей, какія налагаетъ на тебя царскій титулъ, царская власть, которая тебѣ дается отъ Бога на сбереженіе твоего государства и на благо твоего народа! Если хочешь вполнѣ загладить свои прежнія прегрѣшенія, то вспомни, что государь такъ же долженъ относиться къ своимъ подданнымъ, какъ отецъ къ своимъ дѣтямъ. Какъ того отца мы назовемъ худымъ, который, заботясь объ одномъ изъ своихъ дѣтей, забываетъ о другихъ или оставляетъ ихъ нарочно въ небреженіи, такъ и того государя мы не можемъ назвать хорошимъ, который, любя или съ особеннымъ вниманіемъ относясь къ одному или нѣсколькимъ изъ своихъ подданныхъ, всѣхъ остальныхъ какъ бы не помнитъ, не желая о нихъ заботиться. —

„Мнѣ нравятся, отче, твои разумныя рѣчи"! нѣсколько успокоенный увѣщаніемъ Сильвестра, сказалъ

царь, стараясь отогнать отъ себя преслѣдовавшую его мрачную мысль о безвременно и при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ погибшей Иринѣ Кораблевой: „но какъ мнѣ примѣнить твой разумный и добрый совѣтъ къ моему тяжелому положенію. Въ настоящее время я убитъ величайшимъ горемъ; при одной мысли о безвременно погибшей любимой мною Иринѣ Аѳонасьевнѣ, мнѣ хочется только плакать; слезы меня душатъ; и чѣмъ больше я сдерживаю ихъ, тѣмъ тяжелѣе становится мнѣ на душѣ. Бываютъ минуты, когда я непрочь умереть"!

— Желаніе смерти, государь, — возразилъ Сильвестръ:—есть признакъ малодушія и болѣзненнаго состоянія нашего ума и сердца. Не только царю, помазаннику Божьему, но и простому смертному не слѣдуетъ допускать ни въ голову свою, ни въ сердце такого малодушнаго желанія, являющагося обыкновенно слѣдствіемъ ослабленія нашего нездороваго ума, который отказывается подсказать намъ истинную цѣль нашей жизни, и слѣдствіемъ ослабленія нашей больной души, у которой оказывается недостатокъ силы, чтобы терпѣливо перенести нѣсколько, дѣйствительно, тяжелыхъ моментовъ. Не о смерти своей долженъ ты, государь, думать въ такія тяжелыя минуты испытанія народнаго терпѣнія, какія мы всѣ переживаемъ нынѣ, а о жизни своихъ многочисленныхъ подданныхъ. Хорошимъ государемъ имѣетъ право назваться лишь тотъ правитель государства, который о своихъ подданныхъ заботится такъ же много, какъ добрый отецъ о своихъ дѣтяхъ!—

„Но что же мнѣ, отче, дѣлать теперь, когда я убитъ горемъ и не могу изгнать изъ своей головы мрачной мысли о ней, безвременно погибшей Иринѣ"? торопливо спросилъ юный царь, лице котораго подъ вліяніемъ рѣчей Сильвестра стало оживляться; и видно было, судя по выраженію его лица, что какая-то иная

мысль стала занимать государя, и благодаря этой мысли, онъ сдѣлался вдругъ бодрѣе духомъ и тѣломъ. Мысль, возникшая въ царской головѣ подъ вліяніемъ Сильвестровыхъ рѣчей, была та, что главною задачею и цѣлью жизни каждаго государя, не желавшаго въ своихъ дѣяніяхъ отстать отъ своихъ славныхъ предковъ, является благо народное. Забота о такомъ благѣ и стремленіе осуществить его должны наполнять голову и сердце государя.

— Я вижу и замѣчаю, царь, что ты понялъ, о чемъ долженъ заботиться каждый государь, сознающій свои высокія обязанности; ты понялъ, что такой государь долженъ прежде всего заботиться о своемъ народѣ, о доставленіи ему всего необходимаго для удовлетворенія всѣхъ его потребностей и нуждъ. Чѣмъ больше такая забота и стремленіе осуществить то, что необходимо для народнаго блага, будутъ занимать и наполнять твой умъ и сердце, тѣмъ меньше мѣста въ нихъ останется для преслѣдующей тебя мрачной мысли о гибели Ирины Кораблевой. Какъ бы ни было велико твое горе и несчастье, но постоянная работа твоего разума и сердца, направленная къ осуществленію народнаго блага, должна подавить и постепенно уничтожить то невыносимое для тебя нынѣ тяжелое чувство скорби и печали, которое тебя одолѣваетъ теперь всякій разъ, какъ ты вспоминаешь о своей любимицѣ. Время, которое излѣчиваетъ всякое горе, излѣчитъ и твое, о царь, если твой разумъ и сердце не будутъ праздны.—

„Спасибо тебѣ, отче, что ты направилъ мою мысль на то, о чемъ сердце и душа моя изнывали съ дѣтскихъ лѣтъ, а именно о доставленіи народу возможнаго на землѣ счастья! Но теперь, по окончаніи московскаго пожара, какое удовлетвореніе я могу дать народу, чтобы хоть нѣсколько успокоить его встревоженный умъ и взволнованную его душу"?

— Прежде всего, государь, ты долженъ произвести розыскъ и путемъ розыска узнать, кто были главными виновниками возникновенія пожара. Если таковыми виновниками окажутся бояре, то наказаніемъ ихъ ты уничтожишь, прекратишь на время тѣ волненія, которыя, если не возникли, то, конечно, возникнутъ среди бѣднаго, простого народа, которому особенно плохо придется послѣ пожара.—

Предсказаніе Сильвестра исполнилось: по окончаніи пожара, въ Москвѣ, дѣйствительно, начались волненія.

Изъ села Воробьева царь Иванъ Васильевичъ, желая навѣстить больного митрополита Макарія, поѣхалъ вмѣстѣ съ боярами въ Новоспасскій монастырь. Здѣсь царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ начали говорить, что Москва сгорѣла волшебствомъ: чародѣи вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ въ водѣ, водою этою кропили по улицамъ—отъ этого Москва и сгорѣла. Царь велѣлъ розыскать дѣло; розыскъ произвели такимъ образомъ: 26 іюня 1547 года, въ воскресенье, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей (т. е. крестьянъ—земледѣльцевъ) и начали спрашивать:

— Кто зажигалъ Москву?—

Въ толпѣ закричали:

„Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и людьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: отъ того Москва и выгорѣла"!

Такъ говорили черные люди потому, что Глинскіе были у государя въ приближеніи и жалованіи (т. е. въ почетѣ); отъ ихъ же людей чернымъ людямъ было насильство и грабежъ; а Глинскіе людей своихъ не унимали.

Одинъ изъ Глинскихъ, князь Юрій, былъ въ это время вмѣстѣ съ боярами на площади; когда онъ услышалъ неблагопріятныя для него рѣчи въ народѣ, почуявъ бѣду, онъ поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ; но враги Глинскихъ направили толпу на него. Разъяренная чернь ворвалась въ соборъ, убила Юрія, выволокла трупъ и кинула на томъ мѣстѣ, гдѣ казнили преступниковъ. Расходившаяся толпа бросилась затѣмъ на дворъ Глинскаго, разграбила все имущество, а людей его перебила. Но этого оказалось мало для подстрекателей народа. На третій день, послѣ убійства князя Юрія, чернь толпами повалила въ село Воробьево, къ царскому двору, и громкими криками требовала, чтобы царь выдалъ ей на расправу свою бабку Анну Глинскую и другого сына ея Михаила, которые будто бы были спрятаны въ царскихъ покояхъ. Царь былъ пораженъ этимъ страшнымъ движеніемъ народа; но, вспомнивъ предсказаніе Сильвестра, онъ не потерялся, а велѣлъ разогнать мятежниковъ выстрѣлами; испуганная толпа разсѣялась.

Будучи нѣсколько смушенъ народнымъ волненіемъ, юный царь вспомнилъ Нефедова и вдохновенную рѣчь его дочери Ириши рѣшилъ, что чернь дѣйствовала не отъ себя, что главными подстрекателями ея были бояре.

„Бояре, оскорблявшіе, унижавшіе и причинявшіе мнѣ еще въ дѣтствѣ столько непріятностей, не оставляютъ меня въ покоѣ и въ юности. Они отравили столь любимую мною и столь разумную дочь Нефедова; они же, быть можетъ, зажгли ту слободу, гдѣ жила другая моя любимица Ирина Кораблева; они же, я думаю, рѣшивъ погубить ее во время пожара, какъ бы нечаянно толкнули ее, быть можетъ, въ средину пылающаго костра, какой изображали изъ себя дома и избы, находившіеся въ слободѣ на Неглинной. Но кто же эти лиходѣи, которые такъ упорствуютъ въ своемъ

нежеланіи, чтобы я любилъ всѣмъ сердцемъ и всею душою кого-либо изъ незнатныхъ людей. Я сильно подозрѣваю, что таковыми лиходѣями являются главные совѣтники казненнаго мною Андрея Шуйскаго, которые, послѣ его казни, были сосланы, но потомъ возвращены въ Москву,—это князь Ѳедоръ Шуйскій, Скопинъ и князь Юрій Темкинъ. Но будучи блудливы, какъ кошки, и трусливы, какъ зайцы, они сами не дѣйствовали, а потому, нѣтъ доказательствъ и ихъ виновности; они лишь подстрекали моего духовника Бармина и дядю царицы Григорія Захарьина волновать народъ и возбуждали его противъ Глинскихъ. Эти бояре, быть можетъ, надѣялись, что, направивъ толпы черни сюда, въ село Воробьево, и научивъ ее требовать у меня мою бабку Анну Глинскую и моего дядю князя Михаила Васильевича Глинскаго, они тѣмъ самымъ оттолкнутъ меня отъ простого народа. Но они жестоко ошибаются. Вдохновенная рѣчь дочери Нефедова Ириши о томъ, что простой народъ, смотря на своего государя, какъ на единственнаго своего защитника и заступника, готовъ жизніею своею пожертвовать, если того потребуетъ спасеніе царя и отечества, слишкомъ глубоко запала въ мое сердце, и я никогда ее не забуду. Если вы, бояре, способны угадывать мои мысли, то знайте же, что я клянусь передъ иконою Божьей Матери,—такъ разсуждалъ вслухъ молодой царь, находясь въ той самой комнатѣ Воробьевскаго дворца, откуда онъ смотрѣлъ на московскій пожаръ, и стоя передъ иконою Божьей Матери,:—я клянусь, что всю силу своего любящаго сердца, которую три слишкомъ года тому назадъ испытывала на себѣ дочь Нефедова и которой еще такъ недавно не могла не чувствовать Ирина Кораблева, я рѣшилъ посвятить, отдать простому народу. И пусть главными моими совѣтниками будутъ люди незнатнаго происхожденія, могущіе не только понимать нужды и потребности народа, но и любить

его со всѣми его недостатками и предразсудками. Пусть простой священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и мой ложничій Алексѣй Адашевъ будутъ моими первыми совѣтниками".

Адашевъ былъ очень умный и честный человѣкъ. Онъ и Сильвестръ мало-по-малу собрали вокругъ царя Ивана лучшихъ и способнѣйшихъ людей того времени. Были въ числѣ ихъ и знатные бояре: князья Воротынскій, Одоевскій, Курлятовъ, Андрей Курбскій, Серебряный, Горбатый-Шуйскій, Шереметевъ и другіе. Адашевъ и Сильвестръ возвышали и незнатныхъ людей, но честныхъ и способныхъ, и давали имъ важныя должности.

И вотъ эти лучшіе люди стали заправлять государствомъ. Юный государь Иванъ Васильевичъ всякій разъ, какъ предпринималъ что либо важное и серьезное для своего государства и народа, онъ совѣтовался съ этой „избранной радой" (т. е. думой).

V.

Чѣмъ ближе къ сердцу принималъ царь, Иванъ Васильевичъ интересы и нужды простого народа, тѣмъ больше тяготило его сознаніе, что очень трудно на столько облегчить тяжелую участь народа, чтобы онъ былъ мало-мальски доволенъ своею судьбою. Много зла причиняли простому народу лихоимство (т. е. взяточничество) и насилія должностныхъ лицъ, затѣмъ неправый судъ и посулы, которые такъ любили московскіе судьи, дьяки и подъячіе. Иногда мнительному государю казалось, что главнымъ виновникомъ всѣхъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій и несчастій народъ считаетъ его, царя, а не бояръ, судей, дьяковъ и подъячихъ.

Желая защитить себя въ глазахъ простого народа и сложить вину всего происшедшаго зла на невѣрныхъ слугъ своихъ, задумалъ юный царь дѣло, еще небывалое въ Москвѣ,—собрать къ себѣ, въ Москву, со всей русской земли избранныхъ людей, для того, чтобы этотъ „земскій соборъ" обсудилъ разныя дѣла. Когда всѣ выборные съѣхались, государь Иванъ Васильевичъ въ воскресный день, послѣ обѣдни, вышелъ изъ Кремля

на Лобное мѣсто, сопровождаемый духовенствомъ, несшимъ кресты, а также боярами и близкими людьми незнатнаго происхожденія, на лобное мѣсто. Когда отслужили молебенъ, царь обратился къ митрополиту съ такою рѣчью:

„Молю тебя, святый владыка, будь мой пособникъ и наставникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Вѣдаешь самъ, что я послѣ отца моего остался четырехъ лѣтъ, а послѣ матери восьми; родственники обо мнѣ не заботились; сильные бояре и вельможи не радѣли обо мнѣ, властвовали, какъ хотѣли, и сами себѣ саны и почести давали именемъ моимъ. Много корысти, хищеній и обидъ творили; я же по моей молодости и безпомощности, словно глухой, не слышалъ, и не имѣлъ, какъ нѣмой, слова обличенія противъ нихъ. О нечистивые лихоимцы и хищники, и судьи неправедные! Какой отвѣтъ теперь дадите намъ за то, что много изъ-за васъ пролито слезъ и крови? Я чистъ отъ сей крови; вы же ждите воздаянія за нее“...

Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, царь обратился къ народу:

„Люди Божіи, дарованные намъ Богомъ, молю васъ ради Бога и любви къ намъ!... Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя вслѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправды бояръ моихъ и властей, безсудства, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ, отпустите другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ. Въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, на сколько можно, судья и оборона; буду неправду уничтожать и похищенное возвращать“.

Таковыя обѣщанія давалъ двадцатилѣтній государь (земскій соборъ былъ созванъ въ 1550 году) своему народу. Въ тотъ же день, когда была произнесена

царская рѣчь передъ всѣми выборными изъ разныхъ городовъ московской Руси, Алексѣя Адашева пожаловалъ государь въ окольничьи и сказалъ ему:

„Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и взыскалъ тебя выше мѣры для помощи душѣ моей... Поручаю тебѣ принимать челобитныя (т. е. жалобы, прошенія) отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и знатныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ. Не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и приноси къ намъ истину, боясь суда Божія. Избери судей праведныхъ отъ бояръ и вельможъ".

Съ этого времени, благодаря постояннымъ заботамъ первыхъ совѣтниковъ царя и его самого о правосудіи и законности, народу стало нѣсколько легче, чѣмъ прежде. Въ томъ же 1550 году былъ изданъ новый судебникъ, болѣе подробный, чѣмъ законы великаго князя и государя Іоанна III, извѣстные подъ именемъ „великокняжескаго судебника" и изданные въ 1497 году. Въ новомъ, такъ называемомъ царскомъ судебникѣ были постановлены строгія наказанія за неправый судъ и посулы.

Заботы перваго русскаго царя о правосудіи и его безпристрастіе были такъ велики, что въ свое время обратили на себя вниманіе простого народа, какъ это видно изъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Правежъ". Правежомъ называлось встарину тѣлесное наказаніе преступника на городской площади на глазахъ всего народа.

По словамъ одной изъ этихъ пѣсенъ:

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,

Середи то торгу, братцы, среди площади,
Тутъ бьютъ добраго молодца на правежѣ,
Нагого, босого и разутого.
Поставили его на бѣлъ-горючъ камень:
Стоитъ молодецъ, самъ не трехнется,
Русы его кудри не ворохнутся (т. е. не шевельнутся),
Лишь катятся изъ глазъ горючи слезы.
Случилося тутъ ѣхати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Какъ возгòворитъ царь Иванъ сударь Васильевичъ:
— Охъ вы, гой еси, бурмистры цѣловальнички!..
За что вы пытаете добраго молодца?
Тутъ возгòворятъ бурмистры цѣловальнички:
— Охъ ты, гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ!
Пытаемъ мы съ него золоту казну,
Золоту казну, платье цвѣтное,
Не много, не мало—сорокъ тысячъ,—
Возгòворитъ тутъ православный царь:
— Охъ ты, гой еси, добрый молодецъ!
Почему тебѣ золота казна доставалася
И какъ она тебѣ приходила?
Возгòворитъ добрый молодецъ:
— Отъ ты, гой еси, нашъ батюшка православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.
Была у меня дубиночка вязовенькая,
И клалъ я дубиночку на плечико,
Ходилъ я, добрый молодецъ, по чисту полю,
По чисту полю, по темному лѣсу,
Нашелъ я воровъ-разбойниковъ.
Тутъ-то они дуванъ дуванили (т. е. дѣлали привалъ и дѣлили добычу),
Золотую казну дѣлили мѣрою,
А цвѣтное платье дѣлили ношами.—
Тутъ то я ее отбилъ у нихъ.—
Возгòворитъ царь Иванъ сударь Васильевичъ:
— Куда ты дѣвалъ эдаку золоту казну?—
Возгòворитъ добрый молодецъ:
— Точилъ (т. е. тратилъ) я ее все по домамъ по питейнымъ.

А поилъ я всю голь кабацкую,
А въ цвѣтное платье одѣвалъ все нашихъ босыихъ.—
Возговоритъ православный царь:
— Охъ вы, гой еси, бурмистры-цѣловальнички!
Заплатите ему за каждый ударъ по пятидесяти рублей,
А за безчестіе заплатите ему пятьсотъ рублей.

По словамъ другой пѣсни „Правежъ“:

Что въ горенкѣ, подъ окошечкомъ,
Что позднымъ поздно, поздно вечера,
Что сидѣла тамъ душа дѣвица;
Что руса коса порастрепана,
Ясныя очеиьки заплаканы...
— Не сиди, душа, поздно вечера,
Ты не жги свѣчи воску ярова,
Не кручинь, дѣвка, родна батюшка,
Не печаль свою родну матушку:
Ты не плачь, не плачь по своемъ горѣ,
По миломъ другѣ!
Что и царь молодца пожалуетъ...
Повели молодца въ каменну Москву,
Ко Грозному царю.
Какъ и сталъ царь молодца выспрашивати
И допрашивати:
— Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
Ты за что убилъ моего подручника,
Молодого мово опричника?
Возговоритъ добрый молодецъ:
— Я скажу тебѣ, православный царь,
Я за что убилъ зла татарченка,
Молодого твово опричника;
Я убилъ его за дурны дѣла,
За худы слова.
Поносилъ онъ нашу святую Русь,
Тебя узывалъ кровопійцею;
Еще поносилъ православный людъ;
Урекалъ онъ насъ быть христьянами
И холопами,
Татаръ величалъ людьми вольными,
Никому какъ быть неподручными,
А славенъ то былъ онъ тобою, царь,
Твоей милостью!—

Возговоритъ православный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ:
— Исполать тебѣ, вдалый молодецъ,
На добромъ словѣ, на честномъ дѣлѣ!—

Изъ только что приведенной пѣсни видно, что государь Иванъ Васильевичъ былъ одинаково справедливъ ко всѣмъ подданнымъ: прощаетъ добраго молодца, который убилъ одного изъ приближенныхъ къ царю опричниковъ, потому что убѣдился въ правотѣ этого добраго молодца.

Кромѣ правосудія, справедливости и безпристрастія, первый русскій царь снискалъ расположеніе своего народа постоянною заботою о доставленіи ему самого нужнаго и необходимаго.

Жители древнерусскихъ селъ и деревень по временамъ ощущали недостатокъ въ годной для обработки землѣ и не могли вслѣдствіе такого недостатка исправно уплачивать подати и исполнять различныя повинности. Въ такія тяжелыя для народа времена у него рождалось естественное желаніе переселиться въ другія мѣстности, болѣе годныя для земледѣлія. Удовлетворять такое желаніе въ древнія времена было удобнѣе, чѣмъ въ наши дни, такъ какъ свободной для поселенія земли тогда было больше, чѣмъ теперь. Поэтому-то, встарину во многихъ мѣстностяхъ происходила расчистка и распашка лѣсовъ. Въ дремучихъ дикихъ лѣсахъ ставились нерѣдко дворы и починки, разроставшіеся въ деревни, села, погосты и слободы. Среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ чистился и выжигался лѣсъ и заводилось хлѣбопашество.

Переселенія русскаго народа въ мѣстности, прилегающія къ рѣкѣ Волгѣ, начались много вѣковъ тому назадъ. Первыми поселенцами сѣвернаго Поволжья были жители древняго Новгорода. Сюда также приходили переселенцы изъ южной Россіи, спасаясь въ поволжскихъ лѣсахъ отъ частыхъ опустошеній, про-

изводимыхъ различными кочевыми народами, приходившими изъ Азіи.

Древнерусскіе князья помогали народу въ дѣлѣ заселенія лишь сѣверовосточной Россіи, особенно береговъ самой большой русской рѣки Волги; они рубили (т. е. строили) города или же укрѣпляли уже существующія поселенія, ставили слободы на своихъ земляхъ, и такія же слободы ставили и окружавшіе ихъ бояре—дружинники.

Нашествіе татаръ болѣе, чѣмъ за 650 лѣтъ до нашего времени, и утвержденіе ихъ власти въ Поволжьѣ и надъ Русью надолго остановили переселенія русскихъ славянъ на востокъ по Волгѣ.

Сознавая всю важность переселенія русскаго народа съ юго-запада на сѣверо-востокъ царь, Иванъ Васильевичъ рѣшилъ путемъ завоеванія Казанскаго царства уничтожить препятствіе для дальнѣйшихъ переселеній жителей московскаго государства, нуждавшихся въ годной для земледѣлія землѣ.

Другимъ слѣдствіемъ того же событія (т. е. взятія Казани) было огражденіе восточныхъ предѣловъ Россіи отъ набѣговъ татаръ, причинявшихъ столько зла и горя русской землѣ.

VI.

Былъ ясный и морозный день. Ярко-красные лучи ноябрьскаго солнца красиво переливались въ золотыхъ крестахъ многочисленныхъ московскихъ церквей. Бѣлая съ легкимъ розоватымъ отъ солнца оттѣнкомъ пелена снѣга покрывала неправильныя, кривыя улицы, рѣку Москву, на возвышенномъ берегу которой находился (и нынѣ находится) Кремль, рѣчку Неглинную, рвы крѣпости (кремля) и крыши многочисленныхъ, но по большой части невзрачныхъ деревянныхъ небольшихъ домовъ (ихъ насчитывали въ XVI вѣкѣ болѣе 40.000), а также обширные луга и поля, разстилавшіеся между домами, особенно между тѣми изъ нихъ, которые находились ближе къ окраинамъ города. Великое оживленіе замѣчалось въ тотъ день во всемъ городѣ: ожидали пріѣзда царя Ивана Васильевича, который возвращался изъ казанскаго похода. Думные бояре, дьяки, подъячіе, приказные люди не спѣшили въ мѣста своего служенія, купцы — къ своимъ лавкамъ, ремесленники — къ мастерскимъ, мелкіе торговцы — къ шалашамъ. Народъ валилъ толпами мимо Срѣтенскаго мо-

настыря, гдѣ ожидало государя духовенство съ крестами въ рукахъ, къ Срѣтенскимъ воротамъ. Быстро шедшій купецъ нагналъ воина, участника казанскаго похода, и сталъ оживленно бесѣдовать съ нимъ о занимавшемъ тогда всю Москву и всю Россію событіи—о взятіи Казани, о завоеваніи перваго мусульманскаго татарскаго царства, которое являлось великою помѣхою для дальнѣйшаго движенія русскаго народа съ запада на востокъ.

„Ну, что братъ Семенъ, долго тянулась осада Казани"? такъ спрашивалъ съ любопытствомъ купецъ своего собесѣдника—воина.

— Около двухъ мѣсяцевъ.—

„Почему же такъ затянулось осада? Вѣдь нашего войска, говорятъ, было около 150.000 человѣкъ со 150 пушками, а въ Казани, за деревянными стѣнами скрывалось всего 30.000 воиновъ".

— Ужь больно живучи и безстрашны эти татары! улыбаясь, замѣтилъ воинъ Семенъ;—сколько мы ихъ ни били, все ихъ число мало уменьшалось; безпрестанно дѣлали они вылазки; этими вылазками и нападками татарскихъ воиновъ изъ сосѣдняго лѣса они страшно утомляли нашу рать; почти всѣ ночи наши ратники должны были проводить безъ сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою.—

„Но что въ концѣ концовъ помогло русскому воинству одолѣть злую рать татарскую"? продолжалъ распрашивать купецъ воина Семена.

— Да вотъ Господь Богъ надоумилъ нашего царя позвать нѣмца размысла (такъ назывался встарину инженеръ, т. е. человѣкъ, свѣдущій въ наукѣ осады, защиты и укрѣпленія крѣпостей), и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ городскія стѣны Казани. Когда часть этихъ стѣнъ была взорвана на воздухъ, и вслѣдствіе этого образовалось въ стѣнѣ брешь (т. е. проломъ), русскіе вошли въ городъ. Но татары сражались мужественно, говоря:

„Умремъ за юртъ свой!"

Царь нашъ Иванъ Васильевичъ ободрялъ своихъ воиновъ. Лишь только русскіе ворвались въ городъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, падкіе до корысти, бросились грабить лавки и дома. Да и было на что позариться! Многіе дома и лавки полны были золота, серебра, дорогихъ мѣховъ и камней самоцвѣтныхъ. Набѣжали въ городъ даже кашевары и обозные люди и стали грабить имущество казанскихъ торговцевъ. Татары замѣтили это и стали тѣснить русскихъ воиновъ-грабителей; ихъ обуялъ страхъ, и они бѣжали и кричали: „Сѣкутъ, сѣкутъ"! Самъ царь, увидѣвъ бѣгущія толпы своихъ людей, послалъ половину своего полка (10.000 человѣкъ) на помогу бившимся въ городѣ, а тѣхъ, кто кидался на грабежъ, велѣлъ безпощадно убивать. Свѣжее войско, вступившее въ городъ, помогло сломить отчаянную оборону. Наконецъ, татары были побѣждены и побѣжали изъ послѣдняго своего пріюта, двора царскаго; самъ царь казанскій Едигеръ былъ взятъ въ плѣнъ".

„Ну, а потомъ, когда Казань была взята, что сдѣлалъ нашъ царь батюшка Иванъ Васильевичъ"?

— Когда совсѣмъ очистили улицы Казани отъ тѣлъ, нашъ государь выбралъ посреди города мѣсто и назначилъ его подъ храмъ Благовѣщенія. Казанскаго царя Едигера рѣшилъ крестить и назвать Симеономъ. Первому архіепископу казанскому Гурію былъ данъ такой наказъ: пріучать къ себѣ татаръ всѣми мѣрами; крестить не насильно, но волею, „ласкою, а не жесточью", какъ сказано въ царской грамотѣ; — новокрещенныхъ часто угощать; не выдавать виновныхъ, если они прибѣгнутъ къ его православнаго царя защитѣ и захотятъ креститься.—

Не успѣлъ воинъ произнести послѣднія слова, какъ воздухъ огласился радостными и громкими кликами безчисленнаго множества народа, который увидѣлъ приближающагося царя:

„Многая лѣта царю благочестивому; побѣдителю варваровъ, избавителю христіанскому"!

У Срѣтенскаго монастыря государь былъ встрѣченъ митрополитомъ съ крестами; принявъ благословеніе отъ митрополита, царь сказалъ ему:

„Я тебѣ, отцу своему и богомольцу, и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, много челомъ бьемъ".

При этихъ словахъ государь, и его двоюродный братъ князь Владиміръ Андреевичъ и все войско поклонились въ землю, послѣ чего царь Иванъ продолжалъ:

„И теперь вамъ челомъ бью, чтобъ пожаловали, потщились (постарались) молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ намъ милость свою послалъ, и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ сохранилъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; поставилъ бы насъ на путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопросвѣщенный градъ казанскій, по волѣ Его святой намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ нему, чтобъ и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя святыя Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь".

— Велика милость Божія,—такъ отвѣчалъ митрополитъ на рѣчь государя: — даровавшая тебѣ, царь, столь славную побѣду надъ врагами, одно имя которыхъ приводило въ страхъ и трепетъ мирныхъ жителей селъ и городовъ. Первый изъ русскихъ государей ты завоевалъ татарское царство; столь великое твое дѣяніе доставитъ тебѣ такую же неувядаемую славу, какую пріобрѣли себѣ своими великими дѣяніями греческій императоръ Константинъ Великій и русскіе ве-

ликіе князья Владиміръ и Александръ Невскій, а также московскій князь Димитрій Донской.

При этихъ словахъ митрополита, онъ и все духовенство пали также на землю предъ царемъ, благодаря его за труды.

Послѣ того, государь тамъ же, у Срѣтенскаго монастыря, сталъ переодѣваться: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую: на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча бармы, на грудь крестъ, и пошелъ пѣшкомъ за духовенствомъ, несшимъ кресты, въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ. 8, 9 и 10 ноября 1552 года были устроены царемъ пиры для знатнаго духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту, владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ князя Владиміра Андреевича до послѣдняго сына боярскаго: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій (кормленіемъ назывался получаемый воеводою или намѣстниками, или волостелемъ доходъ съ жителей того или другого города), роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями 48,000 рублей (такая сумма, если перевести ее на современную цѣнность денегъ, составитъ болѣе 1.000,000 руб.).

Первое завоеваніе татарскаго царства послѣ столькихъ униженій и оскорбленій, перенесенныхъ русскими людьми отъ „злой чести татарской", первая рѣшительная побѣда православнаго христіанства надъ магометанскимъ басурманствомъ, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ водруженіе креста на берегахъ рѣки Казанки, не могло не произвести глубокаго впечатлѣнія на русскій народъ и должно было вызвать въ немъ проявленіе поэтическаго творчества. До нашего времени дошло много народныхъ пѣсенъ, описывающихъ столь знаменательное событіе въ жизни русскаго народа, какимъ, безъ сомнѣнія, является завоеваніе Казанскаго царства. По словамъ одной изъ этихъ пѣсенъ, взятіе Казани произошло слѣдующимъ образомъ:

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты,
А изъ спальни бѣлокаменной палаты
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Пробуждалася царица Елена,
Симеону (Симеонъ—христіанское имя Едигера) царю она сонъ разсказала:
— А и ты встань, Симеонъ царь, пробу́дися!
Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося:
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Ка́бы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше вѣдь царство наплывала.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Поднимался великій князь Московскій;
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, Прозритель,
Съ тѣми ли пѣхотными полками.
Что со старыми славными казаками,
Подходили подъ Казанское царство,
За пятнадцать верстъ становились,
Становились они подкопью подъ Булатъ рѣку;
Подходили подъ другую подъ рѣку—подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство.
Подъ рѣчку Казанку подкопы подкопали,
Много бочекъ закатали съ чернымъ порохомъ,
Засвѣтили на нихъ свѣчки воскояровыя;
Молодые пушкари изъ подкопу выходили,
Свѣчки догорѣли,—бочки не разорвало.
А злые татаришки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подразниваютъ..
На то Грозный царь осердился:
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ казнить,
Пушкарей своихъ казнить, саблей головы рубить.
Всѣ наши пушкарчики задумались, стоятъ;
Задумались—стоятъ, ничего не говорятъ;
Одинъ же пушкаричекъ осмѣлился,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ.
— Грозный царь, Иванъ Васильевичъ!

Не приказывай казнить, прикажи мнѣ говорить;
На-ходу то наши свѣчки скоро горятъ,
Въ глухомъ же мѣстѣ онѣ тихо горятъ.—
Не успѣлъ слова вымолвить,
Свѣчки догорѣли, бочки разорвало.
Какъ стѣны бросать стало за Сулой за рѣку.
Всѣ татары тутъ, братцы, устрашилися,
Они бѣлому царю покорилися.
Теперь нашъ государь привозрадовался,
Приказалъ нашъ государь пушкарей своихъ дарить,
Всѣмъ пушкарямъ по пятидесяти рублей,
Одному пушкарчику пятьсотъ ему рублей;
За то ему пятьсотъ: къ царю близко подходилъ,
Къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ.
Когда же всѣ татары устрашилися
И бѣлому царю то покорилися,
Тогда бѣжалъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана сударь Васильевича Прозрителя.
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру;
Въ монастырь царицу постригли,
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя,
Онъ и вынялъ ясны очи косицами,
Онъ и взялъ съ него царскую корону,
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.

Въ только что приведенной народной пѣсни „Взятіе Казани“ вполнѣ опредѣленно указывается на близость къ простому народу молодого царя Ивана; этотъ послѣдній съ особенною щедростью награждаетъ одного пушкаря только за то, что „къ царю близко подходилъ, ему рѣчи говорилъ“.

О той же близости перваго русскаго царя къ простому народу немало разсказываютъ народныя сказанія

По словамъ одного изъ нихъ, догоняетъ однажды Грозный царь ѣдущаго по дорогѣ горшеню (т. е. продавца горшковъ), вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и поражается его находчивыми, бойкими отвѣтами. Между прочимъ, горшеня говоритъ:

„На свѣтѣ есть три худа: первое худо—худой сосѣдъ, второе—худая жена, третье—худой разумъ. Отъ всѣхъ уйдешь, а отъ худого разума не уйдешь,—все съ тобой"!

— Ты мозголовъ!—говоритъ ему царь:—слушай! ты для меня, а я для тебя. Прилетятъ гуси съ Руси, перышки ощиплешь и по правильному (т. е. какъ того потребуютъ веленія совѣсти и чувство справедливости) покинешь!—

„Годится, такъ покину, какъ придетъ! А то и на голо"!

Царь заказываетъ ему 10 возовъ глиняной посуды которую онъ долженъ представить къ извѣстному сроку. А самъ государь пріѣхалъ въ городъ и приказалъ, чтобы на всѣхъ угощеніяхъ не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни мѣдной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня привезъ товаръ въ городъ. Выѣхалъ на торжище бояринъ и проситъ горшеню продать ему всю посуду. Тотъ сначала не соглашается, но потомъ сходится на условіи: отдать за каждыя двѣ посудины одну, полную денегъ. Сыпали, сыпали,—денегъ не стало, а товару еще много. Бояринъ съѣздилъ домой за деньгами, но ихъ опять-таки не хватило.

— Какъ быть, горшенюшка?—спрашиваетъ бояринъ.

„Нечего дѣлать", отвѣчаетъ горшеня: „я тебя уважу, только свези меня до этого двора: отдамъ и товаръ и деньги. Бояринъ мялся, мялся: жаль денегъ, жаль и себя. Но дѣлать нечего, выпрягли лошадь,—сѣлъ мужикъ, повезъ бояринъ; горшеня затянулъ пѣсню. Царь былъ въ гостяхъ у купца. Весело поетъ горшеня, противъ того дома, гдѣ находился царь, взялъ высокую ноту.

Государь услышалъ, вышелъ поспѣшно на крыльцо и здоровается съ горшеней.

„Да на чемъ ты ѣдешь“?

— На худомъ-то разумѣ, государь!—

„Ну, мозголовъ, горшеня, умѣлъ товаръ продать! Бояринъ, скидывай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтанъ, и разувай лапти: ты ихъ обувай, бояринъ, а ты, горшеня, надѣвай его строевую одежду! Умѣлъ товаръ продать!.., Не много послужилъ, да много услужилъ; а ты, бояринъ, не умѣлъ владѣть боярствомъ. Ну, горшеня, прилетали гуси съ Руси“?

— Прилетали.—

„Перышки ощипалъ, а по правильному покинулъ“?

— Нѣтъ на голо, великій государь, всего ощипалъ! —

Въ другой разъ ѣхалъ царь Иванъ Васильевичъ на охоту со своей свитой; видитъ мужика, пашущаго и спрашиваетъ у него:

„Старъ ли ты, мужичокъ?“.

— Лѣтъ двухсотъ,—отвѣчалъ онъ.

„Что же ты самъ работаешь? Ты очень старъ, такъ ты бы всталъ“.

— Царь ты, нашъ батюшка Иванъ Васильевичъ, — отвѣчалъ старикъ:—я всталъ, да опять упалъ.—

„Ну“, говоритъ царь: „ты бы опять всталъ“.

— Я опять всталъ, да опять упалъ.—

„Ну, ты бы еще всталъ“, говоритъ царь.

Старикъ отвѣчаетъ:

— Я еще всталъ, да уже и самъ-то старъ сталъ.—

Тогда царь спрашиваетъ мужика:

„Помнишь ли ты, старинушка, давно ли на горахъ снѣга стали“?

— Помню, государь, помню; кажется, уже годовъ со сто есть.—

„Помнишь ли, какъ съ горъ вода потекла“?

— Помню, государь, какъ не помнить! Этому ужъ лѣтъ съ 50.—

Царь говоритъ:

„Смотри же, старичекъ, завтра полетитъ здѣсь стадо гусей. Такъ ты выдерни изъ каждаго гуся по перышку и за то не станешь работать".

— Слышу, государь! ежели ты приказываешь, такъ я и по два выдерну.—

Царь, довольный старикомъ, уѣзжаетъ домой. По пріѣздѣ, спрашиваетъ у бояръ, чтобы они растолковали, что онъ говорилъ со старикомъ. Въ противномъ случаѣ онъ лишитъ ихъ сана боярства. Бояре знали, что царь шутить не любитъ, а загадки отгадать не могли. А онъ далъ имъ сроку на три дня. Вотъ они ѣдутъ къ мужику, находятъ его на полѣ въ то время, когда онъ пашетъ, и спрашиваютъ, что съ нимъ царь говорилъ.

Онъ отвѣчалъ:

„Да вѣдь вы слышали, что я говорилъ царю, что трижды всталъ и трижды упалъ, а потому самъ работаю".

— Да что это значитъ, старинушка?—

„А что пожалуете, чтобы я изъяснилъ вамъ это"?

Они даютъ по сту рублей. Нѣтъ, онъ проситъ по двѣсти,—и они дали ему по двѣсти.

Старикъ говоритъ:

„Царь спрашивалъ меня, отчего я самъ работаю? Я сказалъ, что некому за меня пахать. Царь сказалъ, чтобы я всталъ, то-есть, чтобы я женился. Я отвѣчалъ, что я всталъ да и палъ, т. е. женился, и жена умерла бездѣтной; я въ другой разъ женился, и другая жена также умерла; я третій разъ женился, да уже старъ сталъ, такъ и дѣтей, потому, не было. На горахъ снѣга—это на головѣ волосы посѣдѣли лѣтъ сто тому назадъ. Съ горъ вода—это слезы изъ глазъ; уже лѣтъ 50, какъ у меня онѣ потекли, ибо у всякаго старика глаза въ старости бываютъ слезливы".

VII.

Первый русскій царь Иванъ Васильевичъ отличался близостью къ простому народу и особеннымъ расположеніемъ къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые смѣло и искренно излагали ему свои правдивыя мысли и добрыя чувства. Эта близость къ народу и является одною изъ главныхъ причинъ возникновенія той сердечной преданности своему царю, какая нерѣдко встрѣчается у русскаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Но боярамъ, современникамъ Ивана Грознаго, не нравилась близость этого царя къ народу и народная любовь къ нему. Бояре сознавали, что чѣмъ больше народъ будетъ любить своего царя, тѣмъ меньше этотъ послѣдній нуждается въ нихъ, боярахъ, желавшихъ во что бы то ни стало забрать верховную власть въ свои руки. Такого рода сознаніе стало тяготить бояръ, мечтавшихъ имѣть постоянное вліяніе на государеву волю; и вотъ стали они подумывать о томъ, нельзя ли имъ какъ-нибудь избавиться отъ такого царя—любимца народа. Вскорѣ послѣ взятія Казани благопріятный къ тому случай представился. Царь сильно занемогъ. Опасались скорой его кончины. Онъ пожелалъ распорядиться престолонаслѣдіемъ. Въ своемъ

завѣщаніи онъ назначилъ наслѣдникомъ сына своего Димитрія, недавно родившагося. Но многіе бояре вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ царя Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ не захотѣли подчиниться государевой волѣ и присягнуть малолѣтнему Димитрію. Понятно, что когда царь выздоровѣлъ, онъ сталъ подозрительно относиться ко многимъ своимъ боярамъ; нѣкоторые изъ нихъ оказались сторонниками близкихъ къ государю людей—Сильвестра и Адашева.

Въ 1560 году скончалась царица Анастасія, которая неоднократно умоляла своего мужа смягчиться сердцемъ. Въ народныхъ пѣсняхъ ей приписывается слѣдующее обращеніе къ своему супругу:

Не будь ты яръ (злымъ), будь ты милостивъ.
До своихъ солдатушекъ служащіихъ.
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народа православнаго!

Когда умерла Анастасія, разнесся въ народѣ слухъ, что будто бы она изведена чарами Сильвестра и Адашева. Производимый надъ ними заочно судъ призналъ ихъ виновными. Сильвестръ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а Адашева заключили въ Юрьевѣ, гдѣ онъ и умеръ два мѣсяца спустя.

Мысль объ измѣнникахъ боярахъ, не желавшихъ подчиняться государевой волѣ, а имѣющихъ намѣреніе отъѣхать въ Литву или иныя государства, съ годами не уменьшалась, а все больше и больше росла и овладѣвала сознаніемъ царя; но особенно поразила его измѣна князя Андрея Михайловича Курбскаго, бѣжавшаго въ Литву, воинскую доблесть котораго высоко онъ цѣнилъ. Ненависть къ боярамъ, таившаяся въ сердцѣ государя еще съ дѣтства, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе и проявилась въ цѣломъ рядѣ казней. Но чѣмъ больше казнилъ онъ бояръ, тѣмъ больше мучилъ его страхъ за свою жизнь. Твердо вѣря, что простой народъ, который ненавидѣлъ многихъ изъ

казненныхъ бояръ, по прежнему сердечно преданъ своему царю, онъ рѣшилъ удалиться отъ бояръ и окружить себя людьми незнатнаго происхожденія.

Рано утромъ, 3 декабря 1564 года, Москва была сильно встревожена. На кремлевской площади появилось множество саней. Изъ царскаго дворца выносили и укладывали на нихъ царское имущество: иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, золото, серебро, одежды и проч. Затѣмъ царь вмѣстѣ съ царицей (второй супругой — Маріей Темрюковной), съ дѣтьми и нѣсколькими своими новыми любимцами, уѣхали изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ пробыли двѣ недѣли, и затѣмъ, направились въ Александровскую слободу (теперь городъ Александровъ, Владимірской губ.).

Митрополитъ, бояре и особенно народъ въ Москвѣ,— всѣ были въ большой тревогѣ.

„Государь насъ покинулъ, мы погибаемъ"! кричалъ народъ: „кто спасетъ насъ теперь отъ нашествія враговъ? мы остались, какъ овцы безъ пастыря"!

— Пусть государь не оставляетъ государства; пусть казнитъ своихъ лиходѣевъ. Въ животѣ и смерти воленъ Богъ и государь"! раздавались возгласы въ народной толпѣ.

„Пусть царь только укажетъ намъ своихъ лиходѣевъ и измѣнниковъ, мы сами ихъ истребимъ"! кричали купцы и народъ.

Въ Москву были посланы двѣ грамоты: одна, обращенная къ духовенству и боярамъ, въ которой были написаны измѣны боярскія и воеводскія и всякихъ приказныхъ людей, а другая, обращенная къ московскимъ купцамъ и простымъ людямъ; въ этой грамотѣ государь писалъ, что его опала и гнѣвъ ихъ не касаются.

Открыто заявляя духовенству и боярамъ объ ихъ измѣнахъ, царь Иванъ, хорошо зная мысли и чувства своего народа, былъ глубоко убѣжденъ, что народъ не

выдастъ его боярамъ и явится, въ случаѣ надобности, такимъ же усерднымъ его защитникомъ, какимъ онъ самъ являлся въ случаѣ притѣсненія его со стороны бояръ.

Поселившись въ Александровской слободѣ, Иванъ Грозный окружилъ себя новымъ дворомъ, состоявшемъ изъ такъ называемыхъ опричниковъ—людей незнатнаго происхожденія, но преданныхъ своему царю. Нѣкоторымъ изъ этихъ опричниковъ государь отдалъ вотчины (то-есть наслѣдственныя владѣнія) знатнѣйшихъ своихъ бояръ, находившіяся въ центральныхъ областяхъ московскаго государства; взамѣнъ отнятыхъ у этихъ бояръ вотчинъ, царь даровалъ имъ земли на юго-западныхъ и южныхъ окраинахъ своего государства.

Любя свой народъ, Иванъ IV немало заботился объ его духовномъ и матеріальномъ обогащеніи.

Въ 1547 году былъ отправленъ въ Германію саксонецъ Шлитте съ порученіемъ набрать тамъ какъ можно болѣе ученыхъ и ремесленниковъ, которые могли бы своими познаніями быть полезными для русскаго народа. Шлитте набралъ 123 человѣка, привезъ ихъ въ Москву, но тамъ, по проискамъ Ливонскаго правительства, былъ задержанъ и даже посаженъ въ тюрьму.

Въ 1567 году выѣхали въ Москву изъ Англіи: докторъ, аптекарь, инженеръ съ помощникомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, и другіе мастера.

Сознавая, какое высокое значеніе имѣетъ внѣшняя торговля для народнаго обогащенія, царь Иванъ даровалъ въ 1555 году англичанамъ льготную грамоту, въ которой, между прочимъ, было сказано, что англійскіе торговцы имѣютъ право торговать со всѣми безпрепятственно и безпошлинно.

Нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строющихся многихъ церквей, царь велѣлъ скупать ихъ на торгахъ; но оказалось очень мало исправныхъ; это привело государя къ мысли о необходимости книгопеча-

танія; митрополитъ Макарій одобрилъ эту мысль; и съ 1553 года приступили къ дѣлу, построили домъ царскою казною, въ которомъ только съ 1563 года начали заниматься книгопечатаніемъ два мастера — дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофѣевъ Мстиславскіе.

Строго казня бояръ, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ, Иванъ Грозный прощалъ иногда простымъ служилымъ людямъ ихъ прежнія преступленія, если они умѣли загладить ихъ какими-нибудь выдающимися подвигами. Такъ казаки во главѣ съ Ермакомъ Тимофѣевичемъ, которые грабили царскія суда на Волгѣ и возбудили уже противъ себя гнѣвъ царя, бѣжали къ Строгановымъ, главнымъ колонизаторамъ Пермскаго края. Когда воевода города Чердыни, на который напали инородцы, донесъ въ Москву, что пермскіе промышленники Строгановы вмѣсто того, чтобы оберегать свою землю, отправили болѣе 840 ратныхъ людей подъ предводительствомъ Ермака воевать въ Сибирь, — изъ Москвы послѣдовала грозная грамота, которою предписывалось немедленно вызвать казаковъ обратно и поручить имъ защиту своихъ владѣній. Ермака ужъ нельзя было догнать: отправляясь по Чусовой, онъ достигъ волока по рѣкѣ Серебряной и затѣмъ плылъ по Жаровлѣ, Барлогѣ, Ташлу и Турѣ, гдѣ была граница Сибирскаго царства.

Нѣсколько разъ казаки, подъ предводительствомъ Ермака, поражали отряды сибирскихъ татаръ и напали, наконецъ, на самаго сибирскаго царя Кучума, который засѣлъ около своего города. Страшно стало казакамъ; хотѣли было они вернуться назадъ, но Ермакъ уговорилъ идти впередъ: ободряя своихъ сподвижниковъ, онъ обѣщалъ имъ вѣчную славу. Войска Кучума были разбиты; покинутый жителями, городъ Сибирь былъ занятъ казаками.

Казацкій атаманъ Кольцо былъ отправленъ Ермакомъ въ Москву съ извѣстіемъ объ успѣшной борьбѣ съ сибирскими татарами. Государь простилъ казакамъ

ихъ прежнія преступленія и пожаловалъ ихъ своимъ великимъ жалованьемъ, деньгами и разными подарками. Въ Сибирь отправлены были московскіе воеводы. Они были приняты съ честью казаками.

Вскорѣ послѣ этого, Ермакъ, преслѣдуя однажды татаръ, остановился у рѣки Иртыша. Ночью напали на него татары, и Ермакъ былъ убитъ (въ 1584 г.).

Завоеваніе сибирскаго царства совершенно устранило всякія препятствія на томъ пути, по которому съ запада на востокъ происходило великое колонизаторское движеніе русскаго народа. А потому, это завоеваніе произвело глубокое впечатлѣніе на нашъ народъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многія народныя пѣсни. По словамъ одной изъ нихъ, покореніе Сибири происходило слѣдующимъ образомъ:

Проявился въ Сибири славный крѣпкій казакъ,
Славный крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ,
Ужъ какъ этотъ Ермакъ, онъ сражался—не робѣлъ,
Онъ не сражался—не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ царю поклонъ послалъ:
— Ты прими, де, Грозный царь, ты поклонъ Ермака,
Посылаю тѣ я въ гостинецъ всю Сибирску страну,
Всю Сибирску страну: дай прощенье Ермаку!

Кромѣ взятія Казани и завоеванія Сибирскаго царства, въ народныхъ пѣсняхъ, имѣются краткія упоминанія и о взятіи Астрахани.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ событій царствованія Ивана Грознаго особенно сильное впечатлѣніе на его современниковъ, на весь русскій народъ произвели взятіе Казани, Астрахани и Сибирскаго царства.

Одною изъ послѣднихъ женъ царя Ивана была прекрасная лицомъ вдова Василиса Мелентьевна.

Въ послѣдній разъ этотъ государь вѣнчался въ 1580 году съ Маріею Ѳедоровною Нагою, отъ которой имѣлъ сына Димитрія.

Съ начала 1584 года царь сталъ чувствовать себя все хуже и хуже. Когда началась его болѣзнь, на небѣ

явилась комета. Онъ вышелъ на красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее, и вдругъ измѣнился въ лицѣ.

— „Это знаменіе моей смерти"! сказалъ онъ окружающимъ.

Иноземные врачи истощали всѣ свои усилія, чтобы вылѣчить больного. Но болѣзнь видимо усиливалась...

Когда Иванъ Васильевичъ чувствовалъ себя лучше, онъ приказывалъ носить себя въ креслахъ въ палату, гдѣ хранились его сокровища, золотыя украшенія, драгоцѣнные камни и проч. Онъ видимо гордился своимъ богатствомъ и еще за нѣсколько дней до своей смерти показывалъ англійскому послу Горсею свои алмазы, яхонты и другіе самоцвѣтные камни и подробно разсказывалъ о разныхъ таинственныхъ ихъ свойствахъ.

18 марта 1584 года царь Иванъ, послѣ купанья, почувствовалъ себя хорошо и расположился было, сидя на кровати, сыграть съ Бѣльскимъ въ шахматы и уже разставлялъ ихъ, какъ вдругъ упалъ на постель безъ дыханія. Поднялась страшная суматоха. Врачи терли бездыханное тѣло разными снадобьями, стараясь возбудить въ немъ жизнь. Но все было напрасно! Митрополитъ поспѣшно читалъ надъ нимъ молитвы постриженія, нарекая его въ монашествѣ Іоною. Ударили въ колоколъ на исходъ души, и узнала Москва, что Грознаго царя не стало.

І. Сениговъ.

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ РУССКАГО НАРОДА.

Часть IV.

ЛЮБИМЫЙ СОКОЛЬНИКЪ РУССКАГО НАРОДА

СВ. ТРИФОНЪ.

Царская охота.—Внезапное исчезновеніе любимаго царскаго сокола.—Царскій приказъ сокольнику Трифону Патрикѣеву.—Трехдневные поиски царскаго сокольника. Чудесная помощь, оказанная св. Трифономъ сокольнику Патрикѣеву.—Царскія милости.—Зависть бояръ.—Неоднократныя попытки бояръ погубить сокольника Трифона путемъ клеветы и обмана.—Отношеніе царскаго сокольника къ простому народу.—Смерть сокольника Патрикѣева, какъ слѣдствіе пытки, совершенной надъ нимъ Малютою Скуратовымъ—однимъ изъ многочисленныхъ его недруговъ среди бояръ.—Отношеніе жителей современной Москвы къ памяти царскаго сокольника Трифона.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. общ. печатнаго дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 сентября 1901 года.

Любимый сокольникъ русскаго народа.

I.

ЯРКО-КРАСНЫЙ свѣтъ восходящаго солнца, какъ зарево, освѣщалъ опушку дремучаго сосноваго бора и находящіяся близь опушки лужайки и поляны, покрытыя густою, но еще сырою отъ утренней росы травою, въ которой пестрѣли бѣлые, лиловые, желтые и красные полевые цвѣточки. На самую просторную изъ этихъ полянъ въ то недоброе для сокольника Патрикѣева утро, по государеву приказу, съѣзжались всѣ сокольники на лю-

бимую царскую забаву — на ловитву соколиную. Они были одѣты въ длиннополые кафтаны изъ краснаго бархата; на головѣ у однихъ были шапочки бобровыя, а у другихъ—собольи.

На рукахъ у каждаго сидѣлъ клейменый соколикъ, обученный ловить всякую птицу.

Сидѣли сокольники на коняхъ; ихъ сѣдла были украшены золотыми и серебряными узорами.

Когда выѣхалъ на поляну царь Иванъ Васильевичъ Грозный, говоръ-шумъ, раздававшійся по всей полянѣ и по всей окрестной глухой чащѣ дремучаго лѣса, сразу затихъ. Государь сидѣлъ на богато украшенномъ конѣ, въ роскошной одеждѣ. На немъ была шапка, называемая колпакомъ, имѣвшая съ обѣихъ сторонъ, спереди и сзади, козырьки, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и качались при каждомъ самомъ незамѣтномъ движеніи или толчкѣ взадъ и впередъ. Царская одежда была вышита золотомъ. На поясѣ висѣли два ножа и кинжалъ. Сзади подъ поясомъ у него былъ кистень (родъ нагайки, къ концу ремня, которой, прикрѣплялся металлическій шаръ).

Орлинымъ взоромъ окинулъ царь всѣхъ присутствовавшихъ и любимому своему сокольнику Патрикѣеву махнулъ рукавомъ, чтобы начиналъ охоту.

По знаку, данному Патрикѣевымъ, всѣ сокольники пустили своихъ соколиковъ и тѣ разомъ, въ одинъ мигъ, полетѣли въ разныя стороны и, съ быстротою стрѣлы нагоняя своихъ пернатыхъ жертвъ, съ налету били лебедей, журавлей, бѣлыхъ гусей, сѣрыхъ утицъ и другихъ лѣсныхъ и болотныхъ птицъ, издававшихъ жалобный крикъ всякій разъ, какъ настигали ихъ не знавшіе устали и никого не щадившіе соколики.

Когда убитая птица падала къ ногамъ охотниковъ, то среди нихъ поднимался радостный крикъ, рукоплесканія; можно было подумать издали, что большой звѣрь былъ пойманъ. Чей соколикъ больше побилъ лебедей,

журавлей, дикихъ гусей и утокъ, и всякихъ лѣсныхъ и болотныхъ птицъ, тотъ считался главнымъ побѣдителемъ.

По окончаніи охоты, по государеву распоряженію, устраивались пирушки въ нѣсколькихъ шатрахъ. Подавали обыкновенно варенья изъ аниса, миндаля; потомъ орѣхи, миндаль и пирожное изъ сахара; подавали также и различные напитки.

Войдя въ свой шатеръ, царь перемѣнилъ одежду и позвалъ къ себѣ любимыхъ сокольниковъ; когда эти послѣдніе вошли, онъ сидѣлъ въ креслѣ изъ слоновой кости; возлѣ него находились Малюта Скуратовъ и Вяземскій.

Осматривая всѣхъ клейменыхъ соколиковъ и не найдя среди нихъ своего любимаго сокола „Стрѣлу", государь вдругъ измѣнился въ лицѣ, нахмурился и даже нѣсколько поблѣднѣлъ.

„Куда дѣлся мой любимый соколикъ „Стрѣла"? хмуро спросилъ царь испуганнаго сокольника Ѳедорова.

— Гой ты еси, государь нашъ батюшка, великій князь Иванъ Васильевичъ! Много виноватъ передъ тобою, что не нашелъ твоего соколика! Но думаю, что онъ погорячился, преслѣдуя либо журавля, либо лебедя, и залетѣлъ слишкомъ въ сторону.—

„Но ты долженъ найти его сегодня или завтра; а то смотри, Ѳедоръ, не сдобровать тебѣ: не бывать твоей удалой и буйной головушкѣ на твоихъ могучихъ плечахъ"! грозно проговорилъ царь, чувствуя, что припадокъ нервной раздражительности начинаетъ овладѣвать имъ.

Тогда сокольникъ Ѳедоровъ бросился на колѣни и со слезами на глазахъ сталъ громко вопить:

— Не губи ты меня, вѣрнаго слугу своего, не сироти, государь нашъ, моихъ дѣтушекъ малолѣтнихъ! не заставь проливать потоки слезъ мою бѣдную женушку.—

„Ничего слышать не хочу"! неистово закричалъ царь: „ты долженъ найти моего соколика „Стрѣлу", а то очень плохо придется тебѣ"!

— Позволь намъ, холопамъ твоимъ, сказать тебѣ,

государю нашему и великому князю Ивану Васильевичу, одно лишь слово!—съ почтительнымъ и подобострастнымъ видомъ промолвили Малюта Скуратовъ и Вяземскій.

„Сказывайте вы, мои вѣрные слуги, сказывайте скорѣе, но только дѣло и правду сказывайте"! торопливо сказалъ царь, стараясь сдержать все болѣе одолѣвавшій его припадокъ нервной раздражительности: „Не смѣйте мнѣ пустое болтать, а то и васъ постигнетъ царскій гнѣвъ: такъ я сегодня огорченъ потерею своего любимаго соколика"!

— Не гнѣвайся на насъ, вѣрныхъ твоихъ слугъ, а лучше выслушай насъ, что будемъ тебѣ, государю нашему батюшкѣ, разсказывать!—съ выраженіемъ совершенной покорности, и низко кланяясь, чуть не до земли, говорили Малюта Скуратовъ и Вяземскій:—мы разскажемъ тебѣ о твоемъ сокольникѣ Трифонѣ Патрикѣевѣ. Никто изъ сокольниковъ не умѣетъ такъ искусно сзывать птицъ, играя на своемъ рогѣ, какъ Трифонъ!—

„Ну-ка, Ѳедоровъ, сбѣгай поскорѣе за Патрикѣевымъ и передай ему царскій приказъ, чтобы немедленно шелъ сюда"! торопливо, но громко промолвилъ царь, обращаясь къ сокольнику Ѳедорову, потерявшему своего сокола.

Черезъ нѣсколько минутъ въ царскій шатеръ вошелъ сокольникъ Трифонъ; это былъ молодой человѣкъ, хорошо сложенный, высокаго роста, съ красивымъ, но сосредоточеннымъ лицомъ. Низко поклонившись государю и, осѣнивъ себя троекратно крестнымъ знаменіемъ, онъ сказалъ:

— Гой ты еси, нашъ царь-батюшка, государь и великій князь Иванъ Васильевичъ, испытать ли гнѣвъ или милость позвалъ ты меня сейчасъ къ себѣ?—

„Да вотъ, мои бояре разсказываютъ про тебя, Трифонъ, что никто будто бы не умѣетъ такъ искусно

сзывать лѣсную и болотную птицу, какъ ты! Смотри, Трифонъ, не сдобровать тебѣ и твоей разумной головушкѣ; буде не отыщешь моего соколика. Но если ты, мой другъ, найдешь моего любимца „Стрѣлу", то проси отъ меня всего, чего хочешь"!

При послѣднихъ словахъ царь обратился къ окружавшимъ его боярамъ и сокольникамъ съ вопросомъ: „Не пора ли справить пиромъ нашу обильную охоту"?

Между тѣмъ сокольникъ Патрикѣевъ, грустный и печальный, направлялся къ своему домику, гдѣ его съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала молодая жена.

II.

ДОМИКЪ Трифона Патрикѣева былъ расположенъ въ Сокольникахъ; такъ называлась слобода, гдѣ жили обыкновенно царскіе охотники; она была расположена у дремучаго лѣса, тянувшагося на десятки верстъ въ окрестностяхъ города Москвы, близь обширныхъ прудовъ, отъ которыхъ сосѣдняя слобода получила названіе Напрудной. Этотъ лѣсъ, въ которомъ водилось великое множество всякаго рода птицъ, представлялъ удобное мѣсто для охоты,

которая была однимъ изъ любимыхъ занятій московскихъ князей и государей.

Стукъ въ дверь небольшого домика Патрикѣева заставилъ вздрогнуть заправлявшую тѣсто для пирога Прасковью Петровну, такъ звали молодую жену сокольника. Это была средняго роста, довольно полная женщина съ изящнымъ лицомъ, украшеннымъ большими красивыми глазами; на ней была одѣта широкая одежда, называемая встарину опашнемъ, изъ красной матеріи, съ пышными и полными рукавами, висящими чуть не до земли, она застегивалась спереди большими золотыми пуговицами. Поспѣшно вошелъ Патрикѣевъ въ небольшую комнату, гдѣ находились столъ, двѣ скамьи и шкафъ.

„Что съ тобой, дорогой Триша"? дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросила Прасковья Петровна своего мужа, замѣтивъ грустное выраженіе его лица.

Не отвѣчая на вопросъ жены, молодой сокольникъ, войдя въ гридню (такъ называлась встарину столовая), бросилъ свою соболью шапку на столъ, перекрестился передъ образомъ и присѣлъ на скамейку.

„Что ты молчишь, дорогой Триша, какъ будто большое несчастье поразило тебя Не мучь меня, скажи мнѣ скорѣе, что случилось съ тобою"! взволнованнымъ голосомъ повторила свой вопросъ Прасковья Петровна.

— Ничего не случилось, дорогая Параша, я только усталъ послѣ охоты, — вяло отвѣчалъ Трифонъ на вопросы своей жены.

„Но ты, Триша, не бываешь такой печальный и грустный, когда одна усталость одолѣваетъ тебя! Не мучь меня, мой дорогой, скажи мнѣ", сквозь слезы, проговорила жена: „ужь не царскій ли гнѣвъ поразилъ тебя, какъ громъ, что ты не слышишь моихъ рѣчей и не видишь моихъ слезъ"?

Взглянувъ на свою супругу, которую онъ такъ нѣжно любилъ, и замѣтивъ слезы на ея глазахъ и

щекахъ, Трифонъ, какъ бы пробудившись отъ раздумья, сказалъ:

— Не царскій гнѣвъ поразилъ меня, какъ громъ, а огорчила меня ненависть бояръ Малюты Скуратова и Вяземскаго, которая рано или поздно погубитъ меня, а тебя, моя дорогая Парашенька, сдѣлаетъ горемычною вдовою! Сегодня во время охоты пропалъ у царя любимый имъ соколикъ „Стрѣла". Сталъ государь тогда гнѣваться на Ѳедорова, что не съумѣлъ сохранить сокола цѣлымъ и невредимымъ. Между тѣмъ бояре Малюта Скуратовъ и Вяземскій, указывая на меня, сказали царю.

„Если, государь, кто можетъ отыскать твоего любимаго сокола, такъ это Трифонъ Патрикѣевъ".

Тогда-то царь, позвавъ меня къ себѣ и грозно взглянувъ, сказалъ:

— Ну, Триша, не сдобровать тебѣ и твоей разумной головушкѣ, буде не отыщешь моего соколика. Но если ты, мой другъ, найдешь его, то проси отъ меня всего, чего хочешь!—

„Неужели въ самомъ дѣлѣ казнитъ тебя царь"? дрожащимъ отъ волненія голосомъ прервала Прасковья Петровна разсказъ своего мужа: „если тебѣ не удастся найти царскаго любимца—соколика „Стрѣлу"?

— Царь нашъ батюшка Иванъ Васильевичъ Грозный справедливъ и ко всѣмъ одинаково строгъ; но далеко не всѣ бояре его справедливы. Не отыщи я соколика „Стрѣлу", бояре станутъ говорить царю, что не нашелъ Трифонъ Патрикѣевъ царской птицы по своему нерадѣнію, что если бы онъ захотѣлъ, то отыскалъ бы пропавшаго сокола. Услышавъ то, царь можетъ, вслѣдствіе своей крайней раздражительности, разгнѣваться на меня и, по совѣту бояръ, прикажетъ допросить меня о причинѣ моего нерадѣнія, подвергнувъ жестокимъ пыткамъ.—

„Но за что такъ не взлюбили тебя бояре"? съ

трудомъ сдерживая душившія ее рыданія, спросила Прасковья Петровна своего мужа.

— По словамъ царскаго шурина Никиты Романовича, болѣе другихъ бояръ ко мнѣ расположеннаго, за то не взлюбили меня бояре, что живу я не такъ, какъ они живутъ. Помнишь ли ты, дорогая Параша, какъ усмѣхнулся Вяземскій, когда, зайдя ко мнѣ послѣ моего брачнаго пира, засталъ меня за чтеніемъ житія святыхъ? Не нравится боярамъ, что болѣе половины своего жалованья, которое я получаю за свою службу, я трачу не на пиры и развлеченія, а на бѣдныхъ людей. Никита Романовичъ передавалъ мнѣ, что бояре мою помощь бѣдному люду объясняютъ не добротою и не желаніемъ дѣлать добро своему ближнему, а желаніемъ снискать себѣ расположеніе простого народа, чтобы слухи обо мнѣ дошли до царскихъ ушей, и чтобъ царь, который заботится много о простомъ народѣ, обратилъ на меня особенное вниманіе и былъ бы постоянно милостивъ ко мнѣ.—

„Но неужели всѣ бояре такъ жестоки и до такой степени ненавидятъ тебя, что, въ случаѣ клеветы и наговора, никто изъ нихъ не рѣшится оправдать тебя передъ царемъ"?

— Конечно, не всѣ бояре такъ жестоки, какъ Малюта Скуратовъ и Вяземскій; найдутся среди нихъ люди добросердечные; но они, боясь моихъ главныхъ недруговъ Скуратова и Вяземскаго, не рѣшатся, въ случаѣ опасности, протянуть мнѣ руку помощи, хотя въ душѣ и будутъ жалѣть меня.—

„Что же ты будешь дѣлать, мой дорогой"? спросила жена, нѣжно, сквозь слезы, смотря на Трифона Патрикѣева.

— Постараюсь исполнить царскій приказъ — отыскать пропавшаго сокола. Завтра рано утромъ отправлюсь на поиски.—

III.

ЩЕ до разсвѣта, усердно помолившись Богу и трогательно простившись съ женою, сокольникъ Трифонъ Патрикѣевъ, осѣдлавъ коня, отправился поспѣшно въ путь, который лежалъ по извилистымъ тропинкамъ дремучаго лѣса, простиравшагося на десятки верстъ въ окрестностяхъ Москвы. Три дня и три ночи провела молодая жена въ мучительномъ ожиданіи своего мужа; не мало слезъ было пролито ею въ теченіи этихъ дней.

На четвертый день, когда Прасковья Петровна готова была бѣжать во дворецъ, чтобы у кого-нибудь узнать о судьбѣ, постигшей ея мужа, какъ вдругъ послышался шумъ шаговъ на крыльцѣ, и на порогѣ показалась хорошо знакомая ей стройная фигура молодого сокольника; его блѣдное лицо выражало сильную усталость, а глаза—неподдѣльную радость. Догадываясь по выраженію лица о благополучномъ исходѣ поисковъ, Прасковья Петровна бросилась въ объятья своего мужа и нѣсколько минутъ молча цѣловала и обнимала его, обливаясь слезами радости.

„Ну, какъ, дорогой Триша, удалось тебѣ поймать пропавшаго соколика „Стрѣлу“ — царскаго любимца“?

родостно спросила жена, усаживаясь на скамейкѣ возлѣ своего мужа.

— Три дня и три ночи я бродилъ, моя дорогая Параша, — такъ отвѣчалъ Трифонъ Патрикѣевъ, сѣвъ на скамейку:—по лѣснымъ дебрямъ, трубя все время въ рогъ; прилетало ко мнѣ великое множество всякой птицы, но царскій любимецъ — соколикъ „Стрѣла“ не являлся. Отчаяніе овладѣвало мною, когда стала заниматься заря четвертаго дня, который долженъ былъ рѣшить мою и твою судьбу. Утомленный конь спотыкался и съ трудомъ шелъ по лѣснымъ тропинкамъ. Черезъ силу трубя въ рогъ, я былъ такъ сильно утомленъ, что ежеминутно могъ упасть съ лошади на землю. Чувствуя, что силы начали меня покидать, я слѣзъ съ лошади, упалъ на колѣни и сталъ усердно молиться Всевышнему, призывая въ молитвѣ св. угодника Трифона [1]), долго и горячо я молился и вдругъ увидѣлъ лучезарнаго юношу, который, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Господь, видя твое доброе житіе и добрыя дѣла, услышалъ твои молитвы; исполнится то, о чемъ просишь“.

Произнеся эти слова, лучезарный юноша исчезъ. Когда же я, какъ бы очнувшись отъ сна, открылъ

---

[1]) Св. Трифонъ былъ родомъ изъ фригійскаго селенія Кампсады, находившагося въ Малой Азіи; онъ исцѣлилъ дочь римскаго императора Гордіана, за что этотъ императоръ наградилъ св. Трифона многими дарами; принявъ дары, онъ роздалъ ихъ нищимъ. Послѣ смерти Гордіана и его преемника, сдѣлался римскимъ императоромъ Деній; царствованіе его продолжалось недолго (отъ 249 до 251 г. по Р. Хр.); онъ воздвигъ гоненіе на христіанъ и многихъ изъ нихъ, оставшихся непреклонно вѣрными своей религіи, подвергъ жестокимъ пыткамъ и казнямъ. Одинъ изъ правителей восточной части римской имперіи, нѣкто Аквилинъ узналъ, что св. Трифонъ—христіанинъ, знающій врачебное искусство, врачуетъ больныхъ, проходя различныя страны, учитъ всѣхъ вѣровать въ Іисуса Христа, Сына Божія и многихъ обращаетъ въ христіанскую вѣру; царскаго же повелѣнія о поклоненіи идоламъ не слушаетъ и ругается надъ ихъ идолами. Аквилинъ велѣлъ позвать къ себѣ св. Трифона и, подвергая его жестокимъ пыткамъ, принуждалъ поклоняться идоламъ; но св. Трифонъ терпѣливо перенесъ всевозможныя мученія и, несмотря на то, что былъ приговоренъ къ смертной казни, остался вѣренъ христіанской религіи. Память св. мученика Трифона почитаютъ 1 февраля.

глаза, то увидѣлъ царскаго сокола, сидящаго на ладони правой руки. Не медля, вскочилъ я на коня и поскакалъ по направленію ко двору; не доѣзжая до него, я встрѣтилъ царя и его ближнихъ бояръ, возвращавшихся съ охоты. Отдавъ царскаго сокола одному изъ ближнихъ бояръ, я слѣзъ съ лошади, поклонился до земли царю нашему батюшкѣ Ивану Васильевичу.

„Ну, мой пріятель Тришка, сказывай мнѣ гдѣ нашелъ моего соколика"! спросилъ государь, ласково посмотрѣвъ на меня.

— Три дня и три ночи, царь, я искалъ твоего соколика,—такъ отвѣчалъ я царю: — и только на четвертый день, помолившись Св. Трифону, получилъ отъ него чудесную помощь.

„Видно, ты, Тришка, своимъ житіемъ и своими дѣлами угодилъ Богу", съ торжественнымъ видомъ замѣтилъ царь, пристально посмотрѣвъ на сокольника Патрикѣева: „мало найдется на свѣтѣ людей, коихъ Всевышній, какъ тебя, удостоилъ бы чудесной помощи. Мнѣ остается исполнить свое обѣщаніе и наградить тебя такъ, чтобы не только тебѣ, но и твоему потомству было памятно, что царь щедро награждаетъ своихъ богобоязненныхъ, вѣрныхъ и усердныхъ слугъ".

Затѣмъ, обратясь къ боярамъ, государь спросилъ ихъ:

„Неправда ли, сокольникъ Трифонъ Патрикѣевъ заслуживаетъ щедрой награды"?

Нѣсколько бояръ, находившихся возлѣ государя, нерѣшительнымъ голосомъ отвѣчали:

— Да, государь!—

Малюта же Скуратовъ, Вяземскій и нѣкоторые другіе бояре, испытующимъ взглядомъ смотря на меня, упорно молчали, какъ бы не разслышавъ государева вопроса.

„Проси у меня, Трифонъ, чего ты хочешь"! сказалъ царь, ласково посмотрѣвъ на Патрикѣева.

— Въ тотъ моментъ, государь, какъ я получилъ чудесную помощь отъ св. мученика Трифона, я далъ обѣтъ построить храмъ во имя этого святого на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, благодаря чудесной помощи, я нашелъ царскаго сокола.—

„Ай да молодецъ ты, Тришка"! весело замѣтилъ царь: „удивилъ ты меня своимъ безкорыстіемъ! Не замедлю я исполнить твою просьбу о построеніи каменнаго храма во имя св. Трифона на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ явился этотъ святой. Но проси у меня, Тришка, еще чего-нибудь для себя и для своей семьи"!

Поклонившись до земли, я сказалъ:

— Благодарю тебя, царь нашъ батюшка Иванъ Васильевичъ! Во всѣ дни своего житія буду молиться Всевышнему за твое здравіе, если велишь построить храмъ во имя св. Трифона; ничего другого мнѣ отъ тебя, государь, не нужно.—

Привѣтливо смотря на меня, царь замѣтилъ:

„Разумная ты головушка, Тришка! хотя ты и довольствуешься невеликою ругою (т. е. жалованьемъ), и этой руги хватаетъ не только на тебя и твою семью, но и на раздачу бѣдному люду, тѣмъ не менѣе ты сегодня же вечеромъ получишь изъ моей казны нѣсколько сотъ золотыхъ монетъ".

Поклонившись до земли, я еще разъ поблагодарилъ государя за его милости и направился къ своему дому. Уходя и низко кланяясь всѣмъ боярамъ, я невольно взглянулъ на ихъ лица и замѣтилъ недоброе выраженіе въ боярскихъ взглядахъ.

„Но почему", прервала Прасковья Петровна разсказъ своего мужа: „не смотря на то, что царь нашъ батюшка Иванъ Васильевичъ обошелся съ тобой милостиво, бояре такъ злобно на тебя посматривали".

— Если бы бояре были увѣрены, моя дорогая Параша, что полученныя мною деньги пойдутъ на пиры,

на ихъ угощенія, они были бы ласковы со мною; но они знаютъ, что деньги, подаренныя мнѣ государемъ, я раздамъ нищей братіи, и думаютъ, что доброе дѣло я дѣлаю не по сердечному влеченію оказать помощь бѣдному люду, а вслѣдствіе желанія обратить на себя вниманіе царя, который такъ много заботится о простомъ народѣ. Вотъ почему, моя дорогая, многіе бояре не взлюбили меня и были бы рады, если бы имъ удалось погубить меня.—

IV.

ПРОШЛО нѣсколько мѣсяцевъ послѣ чудеснаго избавленія сокольника Трифона отъ угрожавшей ему смертной казни; полученныя имъ отъ государя деньги были розданы нищимъ. Слухъ о чудесной помощи, оказанной Св. Трифономъ молодому сокольнику, быстро распространился среди московскаго населенія. Съ тѣхъ поръ крестьяне окрестныхъ селъ стали обращаться къ Трифону Патрикѣеву съ просьбою помолиться Всевышнему объ избавленіи ихъ отъ того или другого бѣдствія. Наиболѣе чувствительнымъ бѣдствіемъ для крестьянъ во всѣ времена ихъ жизни былъ ущербъ въ хозяйствѣ, причиняемый потерею домашней скотины, кражею

хлѣбныхъ запасовъ, неурожаемъ и болѣзньею тѣхъ членовъ семьи, которымъ приходится вѣдать полевую работу и пасти стада.

По словамъ народнаго преданія, молитва Трифона Патрикѣева была доходна къ Господу: потерянная домашняя скотина отыскивалась, краденый хлѣбъ находился, неурожая не бывало такъ часто, какъ прежде, больные получали чудесное исцѣленіе. Слава о богоугодной жизни молодого сокольника, объ его добрыхъ дѣлахъ, о той чудесной помощи, какую онъ оказывалъ несчастнымъ и больнымъ крестьянамъ, все больше и больше стала распространяться среди населенія Москвы и окрестныхъ селъ и слободъ. Слухи о чудесномъ избавленіи крестьянъ по молитвѣ Трифона Патрикѣева отъ постигшихъ ихъ бѣдствій доходили до царя, который неоднократно указывалъ ближнимъ боярамъ на сокольника Трифона, какъ на примѣръ благочестиваго и богоугоднаго житія. Но чѣмъ больше вниманія сталъ обращать царь Иванъ Васильевичъ на сокольника Патрикѣева, тѣмъ больше зависти и даже ненависти стало зарождаться въ душѣ бояръ, близкихъ къ царю. Они боялись, что Трифонъ, благодаря личному расположенію къ нему государя, сдѣлается впослѣдствіи всемогущимъ сановникомъ и станетъ тѣснить многихъ изъ нихъ. Примѣръ Адашева и нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ царю людей незнатнаго происхожденія отравлялъ душевное спокойствіе знатныхъ бояръ. Нѣкоторые изъ нихъ предполагали, что царь Иванъ Васильевичъ подъ вліяніемъ Трифона отстанетъ отъ пировъ и отъ всякаго рода порочныхъ удовольствій, будетъ больше прежняго заботиться о простомъ народѣ и станетъ преслѣдовать тѣхъ бояръ, которые обижаютъ свою меньшую братію. Боясь, чтобы не произошло такой нежелательной для нихъ перемѣны въ государѣ, нѣкоторые бояре, близкіе къ нему, стали выжидать удобнаго случая, чтобы погубить молодого сокольника.

Какъ-то у царя Ивана Васильевича заболѣлъ его любимый соколъ „Стрѣла". Царь спросилъ совѣта у своихъ ближнихъ бояръ, къ кому бы обратиться, чтобы вылѣчить пернатаго любимца.

Бояре, полагая, что молитва Патрикѣева не всегда бываетъ доходна къ Господу, посовѣтовали царю обратиться къ ненавистному для нихъ сокольнику, причемъ замѣтили, что стоитъ только Трифону усердно помолиться Всевышнему, и царская птица выздоровѣетъ.

Царь велѣлъ немедленно отправить гонца къ сокольнику Патрикѣеву и просить его, чтобы онъ помолился о царскомъ любимцѣ. Между тѣмъ бояре, ненавидѣвшіе молодого сокольника, чтобы скорѣе погубить его, устроили такъ, что царская птица была отравлена вскорѣ послѣ отправленія гонца. Но Трифонъ, которому гонецъ передалъ царскій приказъ—помолиться о томъ, чтобы выздоровѣлъ царскій соколъ, узнавъ случайно отъ своихъ друзей о козняхъ, которыя ему строили бояре, сказалъ гонцу:

„Передайте царю нашему батюшкѣ Ивану Васильевичу, что я охотно и немедленно исполнилъ бы царскій указъ, если бы соколъ царскій былъ живъ"!

Гонецъ передалъ боярамъ то, что говорилъ ему Трифонъ Патрикѣевъ. Бояре же, исказивъ смыслъ сказаннаго имъ, доложили царю, что будто бы онъ, Трифонъ, ослушался царскаго указа, и стали совѣтовать государю подвергнуть сокольника пыткамъ и допросить его о причинѣ ослушанія. Разгнѣванный царь велѣлъ схватить ослушника и пытать его.

Неожиданный стукъ въ дверь домика, въ которомъ жилъ Патрикѣевъ, перепугалъ его молодую жену, любящее сердце которой чуяло что-то недоброе. Появленіе на порогѣ гридни царскаго пристава и нѣсколькихъ стрѣльцовъ окончательно встревожило Парасковью Петровну; она бросилась на шею своего

мужа и дрожащимъ взволнованнымъ голосомъ спросила его:

„За что это тебя, дорогой Триша, постигъ царскій гнѣвъ"?.

— Не опасенъ для меня царскій гнѣвъ, который страшенъ, но справедливъ; но опасна ненависть бояръ, желающихъ погубить меня. Не плачь, моя дорогая Параша, не горюй и не убивайся, а помни, что испытанія Богъ посылаетъ тому, кого Онъ любитъ, такъ какъ они дѣлаютъ насъ лучше.—

Трогательно простившись съ женою, горько рыдавшею, Трифонъ пошелъ за приставомъ и стрѣльцами, которые повели его къ царскому палачу Малютѣ Скуратову.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Малюта Скуратовъ подвергъ молодого сокольника жестокимъ пыткамъ. Трифонъ уже оправился отъ ранъ, полученныхъ имъ во время пытки.

Между тѣмъ царь Иванъ Васильевичъ отправился на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; на дорогѣ заболѣлъ малолѣтній его сынъ Дмитрій. Какъ разъ передъ отъѣздомъ Никита Романовъ разсказывалъ государю о чудесномъ исцѣленіи крестьянъ, благодаря молитвамъ сокольника Патрикѣева. Разсказъ Никиты Романова произвелъ сильное впечатлѣніе на царя; когда царевичу Дмитрію сдѣлалось очень худо, онъ приказалъ боярамъ написать письмо Патрикѣеву и просить его помолиться о здравіи его больного сына. Бояре, которые должны были извѣстить о томъ Трифона, замедлили: они боялись, что молодой сокольникъ, чудеснымъ образомъ исцѣливъ сына, пріобрѣтетъ еще большее расположеніе царя. Между тѣмъ пришло въ Москву извѣстіе о смерти царевича Дмитрія. Тогда бояре, задержавшіе царское письмо, поспѣшили передать его Трифону, скрывая извѣстіе о смерти царевича. Но молодой сокольникъ узналъ о ней въ

одно время съ боярами и объявилъ имъ, что онъ охотно исполнилъ бы царскій приказъ, если бы о немъ узналъ пораньше. Бояре, передавая отвѣтъ Трифона царю, представили, какъ это дѣлали и прежде, сокольника ослушникомъ царской воли. По совѣту ближнихъ бояръ, государь, крайне огорченный преждевременною кончиною сына и еще болѣе раздраженный слухами о неповиновеніи его слугъ—сокольниковъ его волѣ, велѣлъ Малютѣ Скуратову подвергнуть пыткамъ Патрикѣева, чтобы допросить его о причинѣ ослушанія. Царскій приказъ былъ немедленно исполненъ. Два мѣсяца проболѣлъ Трифонъ, испытывая тяжелыя слѣдствія жестокихъ пытокъ, какія постарался для него устроить Малюта Скуратовъ.

Бояре неоднократно клеветали и наговаривали на Трифона Патрикѣева, стараясь выставить его въ глазахъ царя обманщикомъ, морочащимъ людей, и колдуномъ, имѣющимъ сношеніе съ нечистою силою.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и у царя Ивана Васильевича опасно заболѣла его любимая жена Анастасія Романовна. Помощь докторовъ оказалась безсильною. Царь былъ въ отчаяніи. Тогда одинъ изъ бояръ посовѣтовалъ государю испытать послѣднее средство—обратиться къ Трифону съ просьбою помолиться о здравіи больной царицы. Царскій гонецъ не засталъ дома Трифона. Прасковья Петровна, не зная, куда именно ушелъ ея мужъ, но предполагая, что онъ, по своему обыкновенію, посѣщалъ сосѣднихъ крестьянъ, утѣшая больныхъ и несчастныхъ словомъ своимъ или молитвою, или же оказывая имъ посильную помощь, совѣтовала гонцу побывать въ сосѣдней слободѣ. Гонецъ и тамъ не нашелъ Трифона, который, не сказавъ ничего женѣ, отправился на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру. Проискавъ сокольника полдня и не найдя его въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, царскій гонецъ, измученный, вернулся къ боярамъ,

которые его отправили; онъ просилъ ихъ доложить царю, что Трифонъ уѣхалъ, неизвѣстно куда. Бояре передали государю донесеніе гонца въ томъ смыслѣ, что сокольникъ нарочно скрывается отъ государя, чтобы избѣгнуть пытки.

Разгнѣванный царь сталъ угрожать смертною казнью боярамъ, если они не найдутъ Патрикѣева. Между тѣмъ здоровье Анастасіи Романовны дѣлалось все хуже и хуже. Доктора, лѣчившіе больную, таинственно, шепотомъ переговаривались между собою. Государь, по ихъ неопредѣленнымъ отвѣтамъ, сталъ догадываться, что приближается смертный часъ любимой его супруги, которая одна умѣла смягчать суровый и подчасъ жестокій нравъ своего супруга. Отчаяніе овладѣло государемъ; угрожая ближнимъ боярамъ смертною казнью, онъ приказалъ имъ возможно скорѣе отыскать Трифона и просить его немедленно помолиться о здравіи царицы. Пробродивъ съ утра до вечера въ окрестностяхъ Москвы и не найдя Трифона, бояре заѣхали на постоялый дворъ, гдѣ они рѣшили подкрѣпить ослабѣвшія силы ѣдой и питьемъ. Поужинавъ, они позвали хозяина постоялаго двора и спросили его, не видалъ ли онъ царскаго сокольника Патрикѣева. Петръ Андреевъ Брантъ,—такъ звали хозяина двора,—отвѣчалъ имъ, что незадолго до ихъ пріѣзда заѣзжалъ къ нему какой-то сокольникъ, направляясь изъ Троицко-Сергіевой Лавры. Сообразивъ, что это тотъ самый Трифонъ, котораго они ищутъ, бояре поспѣшили отправиться къ нему. Между тѣмъ государь съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія бояръ, посланныхъ отыскивать Патрикѣева. Но видно, не суждено было сокольнику молиться о здравіи царицы, которая скончалась прежде, чѣмъ бояре нашли его. Возвращаясь изъ Троицко-Сергіевской Лавры, Трифонъ заѣхалъ къ Никитѣ Романову, отъ котораго узналъ о смерти Анастасіи Романовны. Бояре же, отправленные на розыски,

находясь въ дорогѣ, не были извѣщены о кончинѣ царицы и были крайне удивлены, когда Патрикѣевъ, которому они передали царскую просьбу помолиться о здравіи Анастасіи Романовны, замѣтилъ имъ, что нельзя молиться о здравіи только что умершей царицы.

Велико было отчаяніе царя Ивана Васильевича, когда наступили послѣднія минуты жизни его супруги, которая одна была имъ такъ долго любима и одна способна была пробуждать добрыя чувства въ его суровомъ, подчасъ жестокомъ сердцѣ. Въ отчаяніи государь, обвиняя докторовъ въ преждевременной кончинѣ своей супруги, угрожалъ смертною казнью и тѣмъ боярамъ, которые, будучи отправлены на поиски, не съумѣли во время отыскать Трифона. Бояре же, желая свалить съ больной головы да на здоровую, стали клеветать на Трифона, что будто бы онъ сказалъ боярамъ, что не будетъ молиться за здравіе царицы, которую Всевышній покаралъ за тяжкіе грѣхи ея мужа, т. е. царя Ивана, который подвергалъ жестокимъ пыткамъ невинныхъ людей. Искусно придуманная клевета произвела на царя потрясающее впечатлѣніе: въ сильномъ припадкѣ гнѣва и нервной раздражительности, онъ истерично захохоталъ и, сжимая кулаки, сказалъ:

„О жалкій я царь, если моей просьбы не исполняютъ мои слуги, которыхъ я такъ щедро награждалъ"!.

Воспользовавшись царскимъ гнѣвомъ, бояре путемъ клеветы и обмана успѣли убѣдить государя подвергнуть Трифона пыткамъ, чтобы допросить его о причинѣ его дерзкаго ослушанія и неисполненія царской просьбы. На этотъ разъ пытка была настолько жестока, что, проболѣвъ нѣсколько дней, Трифонъ скончался, претерпѣвая во все время болѣзни страшныя мученія. Передъ кончиною онъ просилъ своихъ

друзей передать государю, что главными виновниками испытанныхъ имъ физическихъ и нравственныхъ мученій считаетъ онъ не царя, а слугъ царскихъ— бояръ.

Насколько великъ и грозенъ былъ гнѣвъ царя Ивана Васильевича, когда ему доложили о мнимомъ непослушаніи сокольника Трифона, на столько тяжело и чистосердечно было царское раскаяніе въ несправедливомъ отношеніи къ любимому своему сокольнику, когда, послѣ кончины царицы Анастасіи, государь пришелъ въ себя и узналъ о смерти Патрикѣева.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе трехъ сотъ лѣтъ, а народная память хранитъ воспоминаніе о благочестивой жизни сокольника Трифона. Великое число богомольцевъ стекается и въ настоящее время ко храму св. Трифона, построенному царемъ Иваномъ Васильевичемъ по просьбѣ Патрикѣева.

Этотъ храмъ находится на сѣверной окраинѣ города Москвы, между Лазаревымъ кладбищемъ и крестовской заставой, въ самомъ концѣ 3-й Мѣщанской улицы. На внѣшней сторонѣ восточной алтарной стѣны упомянутаго храма имѣется изображеніе св. Трифона на бѣломъ конѣ съ соколомъ въ правой рукѣ. На иконахъ, изображающихъ св. Трифона на конѣ съ соколомъ, имѣется обыкновенно подпись: „св. мученикъ Трифонъ сокольникъ". Простой народъ, желая пріобрѣсти икону, на которой св. Трифонъ изображенъ на конѣ съ соколомъ въ рукѣ, обращается къ иконопродавцу съ такою просьбою: „Дайте мнѣ икону русскаго мученика Трифона"! — Среди московскаго простонародья распространено преданіе о чудесномъ избавленіи царскаго сокольника Трифона отъ угрожавшихъ и, дѣйствительно, бывшихъ смертельныхъ пытокъ, коими онъ подвергался неоднократно по наущенію нѣкоторыхъ московскихъ бояръ.

Московское населеніе, особенно простонародье, вѣритъ въ чудесную помощь, получаемую имъ, въ случаѣ болѣзни или какого-либо другого несчастья, отъ иконы св. мученика Трифона сокольника; эту икону жители города Москвы почитаютъ, какъ одну изъ главныхъ святынь своего родного города.

I. Сениговъ.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Вѣстника Знанія

DK 37 .S4
Liubimye geroi russkago naroda
Stanford University Libraries
3 6105 041 450 714

DK
37
S4

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.